

Мазурка Домбровского - 3

ПОРУЧИК ИЗ
ВАРШАВЫ-2

Рижский

Annotation

Война началась. 1 сентября 1939 года, Германия вторглась в Польшу. Только на этот раз, история повернула немного в другую сторону...

Глава 1 дополненная при помощи АЗК. 31 августа — 1 сентября 1939 года

После того, как Тереза ушла, пришлось менять квартиру. К счастью, на помощь пришёл начальник штаба танкового батальона, капитан Анджей Завадский, который, как оказалось, снимал меблированную комнату в доме неподалеку. Его хозяйка, дородная женщина лет сорока, ещё одному постояльцу-военнослужащему оказалась весьма рада и тотчас выделила в моё пользование маленькую комнатку в мансарде на втором этаже. Времени по месту проживания я проводил крайне мало: возвращался, обычно, к десяти вечера, принимал горячую ванную и ложился спать, чтобы встать к семи, выпить прекрасно сваренный квартирной хозяйкой кофе и позавтракать изумительно приготовленной яичницей, и, как правило в отличном настроении, отправиться к себе на службу к восьми утра.

К моему удивлению, после перестрелки, устроенной на квартире у германских разведчиков, меня не затаскали по допросам, а у моему огромному удивлению лишь просто опросили, правда заставив пару раз очень подробно описать всё произошедшее в квартире, после чего, без всяких формальностей попросту отпустили. Показав, правда, перед этим докторам. Все-таки, эти последние приключения меня немного пошаркали — след от пули, выпущенной Робеспьером, отчётливо был замечен в районе правого виска. К счастью, серьёзно я не пострадал — ободрали лишь немного кожу, да крови натекло немного. Хуже всего было от лёгкой контузии — слегка подташнивало и начинала кружиться голова от резких движений. Поэтому некоторое время пришлось ходить с повязкой на голове. Кроме того, на висках появились едва заметные седые пряди. А так, в общем — легко отделался.

С паном генералом Кутшебой, за последние две недели августа я виделся всего один раз — когда делал ему доклад о ходе подготовки личного состава батальона. Генерал, который, возлагал на свои немногочисленные танки особенную надежду, придавал огромное внимание всему, что происходило в батальоне...

Приказ о приведении армии «Познань» в боевую готовность пришёл с рассветом тридцать первого августа. Уже в шесть часов, вся техника танкового батальона была готова к движению: баки бронированных машин и вспомогательного транспорта были залиты под пробку, а боевые укладки заполнены под завязку. Самой большой проблемой оставались топливозаправщики. Их было всего пять штук. Конечно, к ним были заказаны дополнительные прицепы-топливные бочки, но сильно повысить запасы этим не получилось. Поэтому мною было принято решение, на каждый танк и танкетку загрузить дополнительно по двухсотлитровой бочке с топливом или маслом. Расходовать, конечно, в первую очередь, предстояло именно их, экономя топливо, находившееся в топливозаправщиках.

В девять часов утра, на мотоцикле с коляской, в сопровождении двух вооружённых солдат, прибыл офицер фельдъегерской службы. Закончив все формальности с подписанием и передачей бумаг, он протянул мне два конверта. Один из них следовало вскрыть сразу. Изучив полученный приказ, я тут же довёл его до всех присутствующих в моем кабинете офицеров батальона.

— Панове офицеры! Получен приказ из штаба армии! Нам предписано немедленно совершить скорый марш в район города Калиш. Сосредоточить батальон у отметки... не

позднее двух часов ночи, первого сентября. Соблюдать полное радиомолчание...

Среди офицеров послышались короткие смешки, посылаемые в адрес адъютанта батальона подпоручика Мруза.

— Юлиан, тебя это касается в первую очередь! Я понимаю, что ты у нас весельчак, любишь развеселить танкистов на марше, но чтобы я больше не слышал твоих анекдотов в эфире! Похабных, в том числе!

Вновь раздался нестройный смех, который вскоре затих. Я же продолжил:

— Судя по всему, это не очередные манёвры, а война! Поэтому каждому из нас требуется предельная собранность и внимательность!

Офицеры оживились. Все прекрасно понимали, что Европа снова стала похожа на пороховую бочку, как перед Великой Войной.

— Пан капитан, — обратился я к Завадскому. — Подготовить маршрут следования к городу Калиш.

— Слушаюсь, пан поручик! — Приложил руку к форменному берету начальник штаба.

— Подпоручик Маршалек! — Офицер разведки и тактики батальона вытянулся по стойке смирно и стал похож на натянутую струну. — Пойдете передовым дозором. Берете все приданные бронев автомобили. Ваша задача, разведать дорогу. Связь посыльными, на мотоциклах. Выдвигаетесь через час.

— Слушаюсь! — подпоручик также откозырял, приложив руку к берету.

— Поручик Ольшевская, выделите радиста с радиостанцией подпоручику Маршалеку.

— Слушаюсь!

— Остальным, подготовить личный состав и технику к маршу. Если узнаю, что хоть одна машина не дойдет до пункта назначения — добьюсь перевода в другие части! Выдвижение батальона, через полтора часа! Разойдись!

Через полтора часа мы так и не выдвинулись. Все сборы закончились где-то часа через два: пока погрузили последнее имущество (дольше всех провозился штаб батальона и связисты), пока сформировали колонну, разместили людей... Хуже всего, что автомобильных тралов для перевозки танков у меня нет, и, следовать придется своим ходом, тратя драгоценный моторесурс.

Маршрут в сто пятьдесят километров, который в моем времени можно было проехать часа за полтора, нам удалось преодолеть часов за двенадцать. Без происшествий, конечно, не обошлось: пара грузовиков умудрилась пробить шины, на одной танкетке слетела гусеница, а один из лёгких танков 7ТР, едва не свалился с хлипкого мостика в небольшую речку-вонючку. К счастью, все проблемы удалось решить, не останавливая колонну.

По пути нас обогнали грузовики батальона капитана Галецкого, что не могло меня не радовать. Что война начнётся завтра — я знал. Как знал, что танки без пехоты воюют очень недолго. В общем, пан генерал Кутшеба готов был сделать все, чтобы реализовать фактор внезапности, который у него будет в первый день войны, пока гитлеровцы не ожидают от его армии активных действий.

Первые танки вошли в Калиш в районе десяти часов вечера. К счастью, в паре километрах от города, нас уже ждали провожатые в виде «войсковой жандармерии» на двух мотоциклах, которые и вывели мои танки через город в небольшой лесок, где уже группировались польские войска.

Конечно, глубоко в лес мы заезжать не стали — лишь скрыли машины на опушке леса, после чего приступили к их маскировке и обслуживанию. Тут же, неподалёку, приютился и

батальон капитана Галецкого со своими автомобилями и немногочисленной артиллерией, а чуть глубже в лесу, расположились кавалеристы бригадного генерала Романа Абрахама, которые и несли караульную службу по охране нашего временного полевого лагеря.

Где-то в полночь, из города, в направлении нашего лесочка двинулась артиллерия. При свете ночной луны было неплохо видно мощные трехосные грузовые автомобили «Шкода», тащившие на прицепе стопятимиллиметровые гаубицы. Судя по количеству грузовиков, следующих в сопровождении пары броневых автомобилей образца 1934-го года и немногочисленных мотоциклов с колясками, я обратил внимание на отдельный гаубичный артиллерийский полк армии «Познань».

К часу ночи, когда артиллеристы уже скрылись в темноте, показалась очередная колонна войск. На этот раз — пехотная. Подойдя с несколькими офицерами поближе к дороге, я обратил внимание на ровные ряды пехотного батальона. Солдат было много. Шли они, как на параде. В хорошего качества, шерстяных мундирах, с новеньким, окрашенными в зеленый цвет касками, с карабинами Маузера на плечах, в коротких сапогах... Отдельной группой, во главе ротных коробок следовал офицер верхом на лошади. А чуть впереди, таким треугольником, десяток всадников на белых конях. Главным среди них был, судя по погонам, майор. Следом за ним двигались несколько офицеров, горнист и пара бойцов сопровождения, должно быть, коневоды.

Увидев нас, офицеров в черных танковых комбинезонах и полевых беретах, которые вскоре будут сменены на ребристые танковые шлемы, майор направил свою кавалькаду к нам. Что сказать? Подскочили они к нам лихо. Также лихо командир батальона (а это оказался именно он), гарцевал перед нами на своем, белой масти, явно породистом жеребце. Вскинув к козырьку своей щегольской рогатывки два пальца, он представился:

— Майор Камиль Рутковский, командир батальона 7-го пехотного полка Легионов, 3-й дивизии Легионов!

Мы также откозыряли, представились: — Капитан Галецкий. Командир отдельного моторизованного батальона.

— Поручик Домбровский. Командир отдельного танкового батальона «Познань».

— Капитан Завадский. Начальник штаба отдельного танкового батальона «Познань».

— Поручик... — Поочередно представились еще пятеро офицеров из моего батальона и подразделений мотопехотного батальона Галецкого.

— Очень приятно, панове офицеры! — Улыбнулся белыми зубами майор. — Значит, будем воевать вместе? Это хорошо. Не подскажите, как нам пройти к...

Назвав место, капитан Завадский тут же раскрыл свою планшетку, и, при помощи одного из офицеров, присутствующих вместе с нами, который подсвечивал карту фонариком, подсказал низко свесившемуся с лошади майору, дальнейший маршрут.

Горячо поблагодарив нас, майор еще раз лихо откозырял, и, в сопровождении своих подчиненных помчался к голове колонны своего батальона.

Ситуация складывалась весьма интересная. В самом Калише располагалась 25-я пехотная дивизия. Сейчас сюда перебрасывается ещё 3-я пехотная дивизия Легионов. Уже переброшен артиллерийский полк, мотопехотный батальон Галецкого, Великопольская бригада генерала Абрахама и мой батальон. Судя по тому, что силы концентрируются немалые, генерал Кутшеба с началом войны, решил предпринять мощный удар по вклинившимся в польскую оборону частям противника, и, активными действиями потрепать их, или, заставить отступить на германскую территорию. Вопрос состоит только в том, есть

ли в замыслах генерала место преследованию противника на территории Рейха?

От этих мыслей я задумчиво почесал затылок. По всему выходит, что, значительно усилив свою армию, в том числе и артиллерией, генерал вместо того, чтобы рваться к Берлину, подвергая армию окружению и уничтожению, собирается нанести несколько поражений гитлеровцам в приграничных сражениях. Таким образом, гитлеровцы могут... Что могут сделать гитлеровцы, додумать я не успел. Со стороны города послышался шум мотоциклетных моторов, и, появилась пара одиночных мотоциклистов. Когда они приблизились к нам, я заметил двух солдат, одного в чине рядового, а второго, в чине капрала. У обоих на головах — глубокие шлемы. За спиной — карабины. А на глазах — мотоциклетные очки-консервы.

— Пан капитан! — Обратился капрал к Галецкому, как к одному из обладателей наивысшего звания, среди присутствующих офицеров. — Разрешите обратиться?

— Обращайтесь! — Великодушно разрешил капитан.

— Как мне найти капитана Галецкого и поручика Домбровского?

— Капитан Галецкий, это я. Поручик Домбровский, тоже здесь. — Сообщил командир мотопехотного батальона.

— Пан капитан, мне приказано доставить вас с поручиком, в штаб двадцать пятой пехотной дивизии!

Я произвольно бросил взгляд на часы. Стрелка показывала уже полвторого ночи. Во сколько немцы начнут своё наступление я не знал, но в голове отчётливо играла цифра — в четыре часа утра. Думаю, с Советским Союзом в сорок первом году они повторили все тоже самое, что сделали с поляками в тридцать девятом году.

Оставив последние распоряжения, мы уселись на задние сидения мотоциклов, и, спрятав головные уборы (я засунул берет за пазуху, а Галецкий взял свою фуражку в руку), мы отправились в штаб дивизии.

Пока ехали, я обратил внимание на количество людей в военной форме на улице. По городу уже перемещались смешанные патрули из военных и полицейских. Причём все из них были вооружены. У некоторых полицейских даже встречались карабины. А на въездах в город спешно устанавливались контрольно-пропускные пункты. В глаза хорошо бросился пулемётный расчёт, который поспешно окапывал свой станковый пулёмет SKm wz.30 на треноге. Там же крутились несколько пехотинцев, спешно отрывающих окопчики, а возле дороги стоял грузовик, из которого сразу шесть человек спускали полосатую будку часового. Кто-то возился с бревном, чтобы установить шагбаум, а один боец, на небольшой дощечке, белой краской писал надпись: «Stoj! Weryfikacja dokumentow!». Пара полицейских в темно-синей форме регулировала движение, пропуская очередную воинскую колонну, идущую через город. В общем — приготовления начались.

Обидно только, что зенитных орудий я так и не обнаружил, хотя, может быть, они расположены где-нибудь подальше от любопытных глаз.

У здания штаба двадцать пятой дивизии было многолюдно. В глаза отчётливо бросались несколько десятков легковых автомобилей и мотоциклов с армейскими номерами. На улице, перед зданием штаба, я сразу заметил два парных патруля, вооружённых карабинами, а у здания штаба, ещё пару бойцов. Каким-то чудом мне удалось разглядеть и кожух ствола пулемёта, торчащий из окна второго этажа.

Только сейчас я заметил, что на окраине площади установлено крупнокалиберное зенитное орудие. Длинный ствол был направлен в небо совершенно недвусмысленно

показывая готовность расчета открыть огонь. Чуть в стороне расположилась группа офицеров-зенитчиков и несколько пехотинцев с карабинами на плечах.

Мы подошли к солидному зданию, которая, судя по всему, было построено совсем недавно, буквально несколько лет назад. У него был светлый фасад и новые, красиво выкрашенные окна. Перед зданием было припарковано большое количество автомобилей и мотоциклов.

Стоило нам только войти в здание штаба, как дорогу тут же преградил молодой подпоручик с красной повязкой дежурного по штабу.

— Здравия желаю, панове офицеры! Ваши документы?

Убедительности молодому подпоручику придавали два немолодых солдата, с погонями сержантов. У обоих на ремнях висели карабины.

Мы послушно предъявили документы, и заодно представились.

— Вам сейчас дадут провожатого! — Коротко сообщил подпоручик, и, подозвал к нам молоденького солдата в круглых очках с тоненькой оправой, который проходил мимо со стопкой каких-то папок. — Рядовой, проводите панов офицеров к приёмной генерала Альтера!

— Слушаюсь, пан подпоручик! — Попытался было лихо козырнуть солдатик, но при этом, едва не уронил папки, которые одной рукой держать было неудобно. Поэтому изобразил воинское приветствие небрежно, чем вызвал явное неудовольствие в глазах сержантов, поддерживающих авторитетом и карабинами своего подпоручика.

Здание штаба было двухэтажным. И наш путь как раз лежал на второй этаж, на который можно было подняться по большой, широкой лестнице. Офицеров в здании штаба, как и предполагалось, было достаточно много — раз десять откозыряв старшим по званию, я даже уже перестал считать, сколько человек было встречено мной по пути.

Командир 25-й пехотной дивизии, генерал Францишек Альтер принял нас незамедлительно.

Что можно сказать о комдиве? На вид ему было лет сорок пять. Крепкого телосложения, среднего роста. Под носом — пышные усы. Темные волосы — гладко зализаны, с пробором, примерно посередине головы. На мундире — две медали и два Креста. И взгляд. Серьёзный такой взгляд, который выдаёт кадрового военного.

Как оказалось, в оценке генерала, я немного ошибся. В тот момент ему было только сорок девять лет. Но военным он был, действительно, кадровым, ещё со времён Империй. С колоссальным военным опытом. Службу начал в Австро-Венгерской армии, дослужился в ней до капитана. Потом вступил в польскую армию, воевал в советско-польской войне, постепенно проходя все уровни командования, от командира взвода, до командира дивизии. Звание генерала получил недавно — в марте тридцать девятого года. Впрочем, все это я узнал несколько позже, познакомившись с несколькими офицерами штаба двадцать пятой пехотной дивизии, а сейчас офицеры, собравшиеся за столом, выпрямились и пристально посмотрели на нас.

— Пан генерал! Командир отдельного моторизованного батальона, капитан Галецкий, по вашему приказанию прибыл! — Лихо вскинул руку к козырьку своей фуражки Януш.

— Пан генерал! Командир отдельного танкового батальона армии «Познань», поручик

Домбровский, по вашему приказанию прибыл! — И повторив движение Януша, я также вскинул два пальца к виску.

Генерал внимательно посмотрел каждому из нас в глаза, после чего сделал несколько шагов навстречу, и, протянул руку для рукопожатия. Рукопожатие у него оказалось достаточно крепким.

— Прошу к карте! — Генерал показал рукой на крупномасштабную, расстеленную по столу карту.

Дождавшись, когда мы займём указанные места, Альтер начал вводить нас в курс текущей обстановки.

— Если верить сообщениям штаба армии, сегодня начнётся война. — С такого предисловия начал генерал. — Согласно приказу генерала Кутшебы, на основе моей, 25-й пехотной дивизии создаётся ударная группа, в состав которой войдут и ваши части...

Я мысленно ухмыльнулся — похоже, мои мысли начали подтверждаться.

— Согласно плану штаба армии, в случае, если первого сентября, германская армия предпримет агрессивные действия по отношению к нашей или соседствующей с нами южнее армии «Лодзь», нам следует, если того будет позволять обстановка, нанести массированный удар по наступающему противнику, остановить его и отбросить до государственной границы. В случае, если противник будет атаковать не нас, а южнее, сосредоточив основные силы против армии «Лодзь», нашим войскам следует нанести удар во фланг наступающим частям противника, отрезать передовые подразделения от тылов, и, активными действиями принудить их к отходу на свою территорию, и, по возможности принудить к капитуляции... Либо, совместно с подразделениями армии «Лодзь» уничтожить их...

Глава 2. 1 сентября 1939 года. Утро — день.

Старший стрелок Вильгельм Вебер

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-й разведывательный батальон, 24-й пехотной дивизии.

Вильгельм Вебер родился в Дрездене, в простой рабочей семье. Отец, Гюнтер Вебер всю свою жизнь работал на железной дороге, благодаря чему был ценным специалистом и не был призван на Великую Войну, в отличие от соседа, который вернулся домой в восемнадцатом году, с оттяпанной по колено ногой. Мама, Марта Вебер, была обычной домохозяйкой, которой, в связи начавшейся войной, пришлось идти работать на швейное производство — армии требовалась военная форма.

В общем, семейство Веберов вполне неплохо пережило Великую Войну. Как раз на второй год этой войны, на свет и появился Вильгельм.

С детства Вебер-младший проводил много времени с отцом — то в депо, наблюдая, как Гюнтер, вместе с техническим персоналом обслуживает мощный паровоз, то просто на станции, наблюдая за прибытиями и отправлениями поездов. А в пять лет, видя, как с работы вышвыривают рабочих, наблюдая за тем, как камин топится пачками денег, Вильгельм решил — он будет, как и отец, железнодорожником, ведь у того всегда есть любимая работа...

Но судьба распорядилась иначе.

После «голодных двадцатых» в Германии к власти начали рваться нацисты. Постепенно они, во главе с Адольфом Гитлером начали завоёвывать сердца миллионов германских граждан. Не стал исключением и Вильгельм, который в 1929-м году вступил в Гитлерюгенд. После прихода к власти нового Канцлера, буквально со всех трибун начали кричать, что Германия была незаслуженно унижена после прошедшей Великой Войны. Вскоре, в тридцать пятом году, Гитлер заявил о создании Вермахта на основе Рейхсвера, новых вооружённых сил, которые приведут Германию к Величию.

На волне всеобщей эйфории, Вильгельм записался в армию добровольцем. Служить попал в 24-ю пехотную дивизию, которая формировалась недалеко от Дрездена, в городке под названием Хемнице. Вначале стрелок Вебер попал служить в обычный пехотный батальон, с которым и принял участие в оккупации Чехословакии, какое-то время прослужил в Праге, где молодому парню в серо-зелёной форме очень понравилось.

В разведывательный батальон дивизии, уже обершутце Вильгельм Вебер попал случайно — ему повезло попасться на глаза молодому лейтенанту, командиру взвода перед самым вторжением. И вот, сейчас, на рассвете первого сентября он, Вильгельм, нервно сжимает рукоять своего МГ-34, установленного в коляске мотоцикла, и нервно ждёт, вспоминая слова, совсем недавно зачитанные перед строем, командиром батальона:

«Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта, как это предлагал сделать я, и взялось за оружие... Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода, кроме как отныне и впредь силе противопоставлять силе.»

Наконец, когда на востоке уже посерело, поступил приказ — вперёд.

Колонна из десятка мотоциклов с колясками и пары лёгких пулемётных броневинов, пропылила в сторону границы Германского Рейха с Польшей.

К моменту, когда вперёд посылались разведчики, на границе уже было спокойно — не выдержав артиллерийского удара, подчиняясь приказам, польские пограничники отступили, лишь местами оказывая ожесточённое сопротивление. Одно из таких мест, запомнилось Вильгельму на всю жизнь: плавный изгиб дороги... небольшая сторожка с польским гербом на ней и торчащий из окна ствол станкового пулемёта... валяющийся на земле польский флаг, истоптанный десятками пар сапог... несколько тел в чужой форме, скорчившихся в неестественных позах... пара хмурых пехотинцев, которым под присмотром санитаря оказывали первую помощь... и три тела, в такой знакомой серо-зелёной форме, аккуратно сложенные в ряд заботливыми камрадами.

Проскочив контрольно-пропускной пункт на польской стороне, разведчики устремились дальше — к цели. Ещё через полкилометра в глаза бросился почерневший польский броневик, несуразного вида: какой-то излишне угловатый, грубый и несколько не похожий на Sd.Kfz 221. Рядом с поверженной бронемашинной противника лежали два тела в кожаных куртках.

— Польские свиньи! — Презрительно сплюнул старший стрелок Клаус Граф, который вёл мотоцикл, в котором приютился Вильгельм.

Вебер тяжело сглотнул подкативший к горлу ком и согласно кивнул.

В небольшую деревушку, десятка на два домов, мотоциклисты влетели на полном ходу. Опасаться было нечего. Если верить герру лейтенанту Крамеру, то «польские собаки» уже отступают по всему фронту наступления дивизии, не оказывая никакого сопротивления. Да и пара грузовиков, с эмблемами их, 24-й дивизии (белый медведь на задних бортах), застывших на обочине, говорили о том, что населённый пункт занят союзными подразделениями.

Головной мотоцикл, в котором расположился командир их взвода, лейтенант Крамер остановился возле крепкого, большого деревянного здания, возле входа которого валялось бело-красное полотнище. Судя по всему, это было какое-то местное административное здание. И, похоже, местное германское воинское начальство засело именно там, о чём говорил часовой с карабином у ноги, выставленный возле входа. Второй же солдат, при помощи неизвестно откуда принесённой лестницы, уже устанавливал на импровизированном флагштоке флаг Германского Рейха.

Повинуясь команде, техника заглушила моторы.

— Отойти от машин! Оправиться! — Послышались команды унтер-офицеров и фельдфебелей. Вильгельм Вебер обрадованно улыбнулся и вылез из неудобной мотоциклетной коляски, осмотрелся по сторонам.

На неширокой деревенской улице было многолюдно. Целое отделение солдат, во главе со знакомым унтер-офицером Кранке, под началом которого Вебер служил в Чехословакии, сторожила согнанных в кучу пленных польских солдат. Среди оцепления показалась пара знакомых фигур.

Вильгельму стало интересно, и он, поправив на ремне кобуру с табельным «Парабеллумом», сделал несколько шагов в сторону военнопленных. Следом за ним потянулись ещё несколько разведчиков.

Пленные выглядели плохо. У некоторых из польских солдат белели недавно наложенные повязки. Кто-то о чём-то испуганно переговаривался на незнакомом для большинства солдат Вермахта языке. Единственное, что было общего среди всех пленных — испуганный взгляд, которым военнопленные буквально впились в каждого солдата

непобедимого Германского Рейха.

— Вилли, это что, женщина? — Потянув Вебера за рукав, спросил Клаус Граф.

— Где? — Не понял Вильгельм.

— Вон, за спинами у этих польских свиней прячется! — Ткнул пальцем вперёд разведчик.

Строй военнопленных будто бы сжался, скрывая тех, кто находится позади.

— Да! Это точно, женщина! — Чуть громче чем следовало, сказал Граф, чем привлёк к себе внимание унтер-офицера Кранке.

— Солдат! Смирно! Почему кричите? — Повернувшись через левое плечо, требовательно спросил Кранке.

Разведчики, повинувшись вбитым ещё в тренировочных лагерях инстинктам, тут же вытянулись по стойке смирно. Непроизвольно подтянулись и солдаты из охранения.

— Виноват, герр унтер-офицер! — Гаркнул в ответ Клаус. — За спинами этих польских свиней, кто-то прячется! Кажется, это женщина!

— Кто-то прячется? — Переспросил унтер, после чего начал отдавать распоряжение:

— Раске, Хазе, проверьте, кого они там прячут!

Названные солдаты сняли с ремней свои короткие карабины и направились к пленным. Поляки не расступались перед вооружёнными солдатами Великого Рейха, поэтому рядовые решили применить силу, отгоняя тех прикладами.

Толпа военнопленных нехотя расступилась, тех же, кто пытался оказать хоть-какое-то сопротивление, вразумляли оружием. Пару раз раздались винтовочные выстрелы поверх голов, и, пленные попадали на колени, прижались к земле, показывая, что не собираются сопротивляться.

Раске и Хазе, наконец, добрались до последних военнопленных и схватив под руки одного из них, потащили поляка к унтер-офицеру.

На выстрелы прибежало ещё одно отделение при оружии, а из большого здания вышли оба лейтенанта — командир взвода разведчиков Крамер, и, командир пехотного взвода, чью фамилию Вильгельм не знал.

— Унтер-офицер! Что у вас тут происходит? Что за стрельба? — Твёрдым голосом потребовал отчёта незнакомый офицер.

— Герр лейтенант! — Вытянулся Кранке. — Среди пленных обнаружена женщина! Пленные пытались спрятать её от нас!

Среди разведчиков лейтенанта Крамера слышались короткие перешёптывания и негромкие, сальные шуточки, которые, однако, были прерваны тяжёлым взглядом командира взвода.

— Где она? Кого они там прячут?

Перед лейтенантом тут же возникли стрелки Раске и Хазе, всё ещё продолжавшие держать под руки польского военнослужащего. Только сейчас Вильгельм смог рассмотреть этого пленного. Вернее, эту пленную.

Под руки солдаты держали худую, молодую девушку, в мундире и юбке защитного цвета. На ногах у неё были короткие сапожки, а на плече виднелась когда-то белая повязка с красным крестом, через плечо висела большая брезентовая сумка с таким же крестом в белом круге — санитар.

Вебер всмотрелся в лицо врага. Да-да, в лицо именно врага. На этой девушке, которой вряд ли больше двадцати лет, с большими голубыми глазами и светлыми волосами на

непокрытой голове, была военная форма вражеского государства! А на погонах у неё по одной белой полоске — она не рядовой солдат.

Вот только никак не мог понять Вильгельм, как так произошло, что эта молодая девочка, так сильно похожая на Магду из соседнего дома, с которой он добродушно заигрывал во время своего недавнего отпуска, проведенного с семьёй в Дрездене может быть врагом?

Но она была врагом. Врагом его государства...

— Вы говорите по-немецки? — Спросил незнакомый Веберу офицер.

Девушка заговорила не сразу. А когда заговорила, ответ её прозвучал на чистом немецком языке. И голос этой девушки показался ему таким знакомым, что...

— Да, я говорю на вашем языке. — Коротко ответила девушка. — Ваши солдаты могут меня отпустить.

Слова, произнесённые на языке Шиллера и Гёте, произвели впечатление на всех присутствующих здесь солдат и офицеров.

— Ваше имя, звание?

— Сара Мазуркевич. Старший санинструктор. Корпус охраны Пограничья.

— Все военнопленные, присутствующие здесь, из вашего подразделения? — Задал вопрос командир разведчиков.

— Да. — Негромко ответила девушка.

Командир взвода разведки коротко кивнул — солдат других польских частей здесь и сейчас быть не должно.

Задав ещё несколько вопросов, лейтенант Крамер распрощался с командиром взвода пехоты и отдал приказ:

— По машинам!

Усиленный броневедомителями взвод помчался вперёд.

Пару раз над германскими мотоциклистами пролетали самолёты. К счастью для Вильгельма — с немецкими крестами на плоскостях. Разведчики радостно махали им руками, и, с особым остервенением орали, когда один из пролетавших мимо истребителей, вдруг снизился и пройдя метрах в двадцати над дорогой, покачал крыльями.

Следующая деревушка показалась часа через пол неспешного движения. Издалека, в бинокли, разведчики заметили высокую колокольню католической кирхи и немногочисленных селян, следующих по своим делам. Лейтенант Крамер уже было хотел махнуть рукой — чтобы колонна продолжила движение, как увидел, что по дороге, в объезд деревушки, по направлению к ним движется колонна противника. Присмотревшись, командир взвода разведчиков смог увидеть четыре двухосных армейских грузовика с открытыми кузовами. Внутри сидели солдаты.

— Мотоциклы, в укрытия! — Тут же заорал лейтенант, после чего бросился к броневедомителям, возле которых скучали солдаты в коротких чёрных курточках. — Занять позиции! Снять пулеметы с мотоциклов! Приготовиться к бою!

Унтер-офицеры и фельдфебели стали тут же повторять команды.

Заученным движением, Вильгельм снял пулемёт с крепления, закинул его на плечо, и, подхватив закреплённую на коляске коробку с лентой на двести пятьдесят патронов, побежал к придорожному оврагу, откуда уже кричал один из унтеров, указывая молодому разведчику его позицию.

Пока разведчики рассредоточивались по позициям, разведчики успели занять позиции и

даже немного окопаться. Броневые автомобили же отступили назад и скрылись за кустами. Их лейтенант, решил использовать как резерв...

Почти полчаса пролежали пехотинцы на ещё тёплой, сентябрьской земле. В какой-то момент, Вебер даже посчитал, что поляки что-то почувствовали и решили развернуться. Но, к сожалению, для поляков, это было совсем не так...

Стрельбу разведчики открыли без команды — как того и требовала ситуация: в кузове головного грузовика приподнялась человеческая фигура в фуражке, начала стучать по крыше кабины. Должно быть, один из поляков заметил разведчиков, расположившихся в наспех подготовленной засаде. Впрочем, полякам это уже не могло помочь.

Четыре грузовика, оказавшись под прицелом почти трёх десятков стволов, шесть из которых оказались пулемётами, были расстреляны в упор. Пулемёты били на расплав стволов, длинными очередями прочерчивая кузова грузовиков противника из стороны в сторону. Стрелял и Вильгельм. Он с остервенением жал на гашетку, пройдясь, вначале, по кабине головного грузовика, а потом, перейдя и на кузов.

Вскоре, «улитка» закончилась, и пулемётчик, при помощи своего второго номера, и, по совместительству водителя, оперативно зарядил ленту. Вновь открыл огонь.

Всё было кончено буквально через полминуты. Когда из кузовов уже никто не пытался выбраться.

— Прекратить огонь! Всем превратить огонь! — Хрипло орал лейтенант Крамер, пытаясь остановить беспорядочную стрельбу. Вскоре к нему подключились унтера и фельдфебели.

Наступила тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием германских солдат, ещё не привыкших воевать, и, негромким урчанием двигателей, которое скоро прекратится.

— Примкнуть штыки! Проверить поле боя! Собрать оружие! Мотоциклы на дорогу! — Лейтенант Крамер продолжал отдавать распоряжения.

Несколько разведчиков, примкнув штык-ножи к карабинам, приблизились к месту побоища. Кто-то начал оттаскивать в сторону трофейное оружие. Водители же поспешили к своим спрятанным в укрытиях железным коням.

Ещё около часа разведчики провозились на дороге. За это время многие успели испачкаться в крови. Были те, кто решил украсить своим внутренним миром близлежащие кусты. Среди последних оказался и Вильгельм Вебер.

Среди расстрелянных поляков, троим чудом удалось выжить. Наверное, они просто попадали ничком вниз, сразу же, как только услышали стрельбу, чем и спасли себе жизнь. В надежде выжить, они сами и сдались, подняв руки.

Один из разведчиков, осмотрев в измазанные кровью лица поляков, снял с пояса свою фляжку с водой и бросил её пленным, жестами показал, чтобы они умывались. Польские солдаты что-то залопотали в благодарности и аккуратно, экономя воду, начали умываться.

Одной фляжки с водой не хватило. Кто-то из разведчиков бросил пленным ещё одну. Потом третью.

Через десять минут все трое предстали перед лейтенантом Крамером. Короткая попытка допроса оказалась бессмысленной. Никто из поляков не говорил по-немецки, а германские солдаты не могли говорить по-польски.

— У нас есть раненые? — Уточнил лейтенант у унтер-офицера.

— Так точно, герр лейтенант! — Немолодой унтер, вытянувшийся перед офицером, начал доклад. — Стрелок Флориан Аккер получил лёгкое ранение!

— Как это произошло?

— Щепка, герр лейтенант! Когда проверяли поляков, он оступился, схватился за борт грузовика. Санитар уже извлёк её из ладони, герр лейтенант. И руку перевязал!

— Вот что, унтер-офицер. Стрелка Флориана Аккера, ко мне.

— Слушаюсь, герр лейтенант!

Унтер-офицер сделал несколько шагов в сторону, и, увидев молодого солдата, возле которого крутился санитар, жестом подозвал стрелка.

— Герр унтер-офицер, стрелок Аккер! — Вытянулся разведчик, неуклюже пряча правую ладонь, белеющую свежим бинтом.

— К герру лейтенанту, Аккер!

— Слушаюсь!..

Глава 3. 1 сентября 1939 года. Утро-день

Поручик Домбровский. Отдельный танковый батальон армии "Познань".

Знаете, в моём времени часто говорили, что первое впечатление о человеке всегда — самое правильное. Почему-то сегодня, мне очень хотелось в это верить. Во всяком случае, генерал Францишек Альтер, показался мне весьма компетентным командиром. Как минимум потому что, сразу же, как только поступили первые, достаточно обрывистые сведения о боях у границы, были предприняты несколько весьма важных мер, на которые, например, не смогло в июне сорок первого года, пойти командование.

Например, уже в пять утра, генерал смог выбить у генерала Кутшебы звено самолётов-разведчиков и эскадрилью истребителей для их прикрытия. Как итог, уже к десяти часам утра, командир дивизии имел представление о том, что происходит на участке предполагаемой обороны соседней армии, которой, своими активными действиями и должна была помочь оперативная группа «Альтер», как среди штабных офицеров сразу же прозвали наше объединение.

Ещё раньше, к основным объектам, таким, как перекрёстки важных дорог и железнодорожные и автомобильные мосты, были посланы немногочисленные пехотные заслоны, усиленные сапёрами со взрывчаткой и огневыми взводами противотанковых орудий. Самым важным же было наличие в составе таких групп радистов с радиостанциями, коих в польской армии было не то, чтобы много.

А в районе пяти утра, из штаба армии умчались делегаты связи, которые должны были обеспечить взаимодействие с частями армии «Лодзь», соседствующими с нашей армией с юга.

Немаловажным был факт, что с первыми разрывами бомб (а на Калиш был совершён авиационный налёт, успешно отбитый уже готовыми к бою зенитчиками), в городе началась реквизиция гражданского транспорта: грузовые и легковые автомобили, автобусы, подрессоренные коляски, к концу первого сентября должны были быть переданы в войска. А на дорогах появились мобильные патрули войсковой жандармерии и кавалеристов, которые должны были изымать подходящий транспорт у гражданского населения. Так, например, генерал Альтер, улучив пару минут на то, чтобы выслушать мои размышления о тактике применения танкового батальона, выделил в моё распоряжение сразу восемь единиц автомобильного транспорта: два городских автобуса и четыре стареньких полторки «Форд». И грузовики он придал не пустые — загруженные бочками с машинным маслом и дизельным топливом. А в автобусах разместился взвод стрелков, набранный, внимание, из городских полицейских. Конечно, тяжелого оружия у них нет, но в качестве охранного подразделения, они со своими пистолетами и винтовками, будут смотреться идеально.

Вскоре, в кабинет к генералу забежал молодой хорунжий, с эмблемами войск связи, и, что-то коротко сообщив Альтеру шёпотом, протянул небольшой листок. Командир двадцать пятой дивизии помрачнел, после чего привлёк внимание всех офицеров и начал читать:

— Панове офицеры, несколько часов назад, германская авиация нанесла удары по Велюню, Быдгощу, Хойнице. В Велюне большие разрушения, несколько сотен погибших гражданских. Ведутся спасательные работы.

Закономерно, что такая информация была бурно-негативно встречена всеми

присутствующими. Кто-то из штабных даже негромко выругался, что было всеми встречено с пониманием...

Ни я, ни капитан Галецкий просто так стоять и ждать у моря погоды не собирались, поэтому тут же предложили план действий для наших подразделений. План был прост — на основе наших батальонов, формируются небольшие броне-моторизированные группы в составе взвода пехоты на грузовиках и взвода танкеток или бронеавтомобилей, которые отправляются по двум параллельным дорогам в сторону наступающего противника. Основная задача — поиск противника и сбор наших отступающих частей, если такие будут попадаться. Участие в этой затее решил принять и генерал Абрахам, который предложил добавить к нашим мобильным подразделениям, эскадрон своих кавалеристов — по полсотни сабель для несения фланговых дозоров.

Генерал тут же отдал распоряжение и вскоре на свет появился приказ...

Подпоручик Северен Маршалек. Отдельный танковый батальон армии «Познань».

Последние несколько часов, каждый из солдат и офицеров батальона был весьма сильно напряжён — чувствовалось, что началось что-то весьма более серьёзное, чем очередные манёвры, на которых мог бы присутствовать сам пан Маршал.

Подтверждение этим печальным мыслям принёс авиационный налёт на Калиш, состоявшийся в районе семи утра. К счастью, артиллеристы-зенитчики свой хлеб ели не зря — наблюдатели вовремя обнаружили опасность, а расчёты орудий, уже занявшие позиции, встретили вражеские бомбардировщики огнём, и пусть, что сбить не удалось ни одну машину противника, главное — германские бомбы были сброшены в поле, и, никаких потерь среди польских военнослужащих или гражданских лиц не было.

После налёта, все сразу как-то посуровели. Как-то разом перестали слышаться шуточки с разных сторон, а с хмурых лиц солдат то и дело читались вопросы: «Как же так, пан командир?». К счастью, в батальоне были опытные офицеры, поэтому капитан Завадский всем и каждому нашёл работу: экипажи бронированных машин, вместе с начальником по технической части, начала буквально вылизывать каждый танк, танкетку и бронеавтомобиль, отыскивая возможные неисправности.

— В бою, ни один из танков не должен встать! Единственная причина, по которой танк может застыть на поле боя, гибель машины или экипажа! — Нравоучительно говорил капитан Завадский.

Подпоручик Северен Маршалек, как и несколько других офицеров штаба, бегали между машинами и контролировали выполнение назначенных начальником штаба батальона работ.

К счастью, к восьми часам утра, из штаба дивизии вернулся командир батальона, который тут же собрал вокруг себя весь личный состав батальона. Танкисты и механики стояли, сидели и лежали везде, где только этого позволяла местность. Комбат залез на свой командирский 7ТР, и, подняв руки, призывая к тишине, начал говорить:

— Панове офицеры, унтер-офицеры, солдаты! Сегодня утром, первого сентября, Гитлеровская Германия объявила войну Польской Республике. Думаю, вы все прекрасно видели попытку налёта германских самолётов на Калиш, который удалось отбить лишь благодаря усилиям и умениям нашей зенитной артиллерии!

Поручик ненадолго замолчал, оценивая реакцию своих подчинённых и беря небольшую передышку. Через несколько десятков секунд, он, похоже, собрался с мыслями, и продолжил:

— К сожалению, не везде пошло по такому сценарию! Как нам стало известно, налётам

подверглись города Велюнь, Хойниц, Старогард и Быдгощ. По неподтверждённой информации, в ходе бомбового удара по Велюню погибло несколько сотен человек. В городе большие разрушения.

(Информация, которая была доступна главному герою в штабе дивизии, оказалась неполной. Так, например, в результате первого налёта на Велюнь, было уничтожено около 75 % зданий, погибло более 1 200 человек, в основном — мирные граждане)

Среди танкистов слышались возмущённые крики. Кто-то, кажется, начал креститься, читать молитву.

Дождавшись наступления тишины, поручик Домбровский продолжил уже тише:

— Это война. И мы должны сделать всё, чтобы как-можно меньше гражданских погибло на этой войне. Поэтому, слушай мой приказ!

Все танкисты тут же выпрямились, подтянулись, будто бы на параде.

— Принято решение о формировании двух мобильных разведывательных групп. Состав групп — только добровольцы. В каждую группу от нас идёт по пять танкеток. Повторяю, идут только добровольцы!

С добровольцами проблем не было — практически все пожелали принять участие в разведке.

Подпоручик Маршалек же, как офицер разведки и тактики батальона, попросился возглавить одну из групп.

Сборы были недолгими. Вскоре, к стоянке танкового батальона приехала шестёрка грузовиков. Прискакали кавалеристы. Началась обычная военная рутина...

В каждую из мобильных подвижных групп вошло по три мотоцикла с колясками и установленными на них пулемётами, по пять танкеток ТК-3, взводу пехоты на грузовиках, и, по полусотне улан.

Кавалеристов заранее отправили вперёд, в качестве головного дозора, с приказом — при обнаружении противника в бой не вступать, отступить к основным силам конно-механизированной группы...

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-й разведывательный батальон 24-й пехотной дивизии.

— По машинам! Вперёд! Вперёд! — Начал размахивать лейтенант Крамер, когда его мотоциклисты вновь сформировали некоторое подобие колонны. — К деревне! Там отдохнёте и придете в себя!

Попрыгав по своим «Цундаппам», разведчики послушно рванули к своей следующей цели, думая, каждый о своём. Или не думая, как Вильгельм Вебер. У него даже возникло ощущение, что мозг, как и все органы чувств, просто отключились, и он, старший стрелок Вебер, солдат 24-го разведывательного батальона, действует сам по себе, как какой-то механизм, даже не думая о происходящем.

Перед самой деревней, колонна разделилась на две равные половины. Одна из них — начала огибать деревню справа, чтобы заехать в неё с другой стороны, а вторая (в которой оказался Вильгельм) — устремила напрямик, по дороге.

На улицах было пустынно — оно и понятно, селяне должны были слышать скороговорку шести «машингеверов» и предпочли спрятаться, ожидая, что же будет дальше. Лишь собаки в некоторых дворах шумели, привлекая своим лаем внимание.

Мотоциклы и броневомобиль застыли посреди улицы. Заглушили моторы. Солдаты

потянули из-за спин оружие и начали осторожно осматриваться.

Неожиданно раздался выстрел. Одиночный. Пистолетный.

Вильгельм вздрогнул и повернул ствол своего пулемёта вправо — в сторону двора, к которому направился его приятель, старший стрелок Граф.

Клаус, неуклюже оступившись, выронил из рук свой карабин, повернулся направо, и, наведя взгляд на мотоцикл, в коляске которого продолжал сидеть Вильгельм, начал заваливаться на бок. Веберу даже показалось, что он заметил тоненькую струйку крови, стекающую изо рта...

Звук упавшего на притоптанную землю тела, был похож на звук мешка картошки, который какой-нибудь идиот мог сбросить на землю с кузова грузовика. Именно этот звук и стал последней каплей, переполнившей чашу терпения немецких солдат. Позже, составляя рапорт, лейтенант Крамер так и не смог указать, кто первым открыл огонь — да и сами солдаты не могли сказать, всё произошло слишком стремительно.

Длинными скороговорками заговорили установленные на мотоциклах «машингеверы», хлестко защёлкали винтовки. Кто-то начал кидать во дворы гранаты.

Это было побоище. Гнев возмездия затмил взоры немецких солдат, а мозг отключился. Разведчики начали действовать как слаженный механизм. Все сразу вспомнили занятия по штурму зданий... Неожиданно, пара солдат, вооружившись гранатами, бросилась к окнам ближайшего здания. Разбитые пулями стёкла не представляли для гранат никакого препятствия.

Глухо забухали взрывы.

Солдаты, вооруженный гранатами двигались от дома к дому, уничтожая всех, кто попадался на глаза, не различая ни женщин, ни детей.

В себя лейтенант Крамер пришёл минут через десять, а когда понял, что произошло, выхватил из кобуры пистолет, расстрелял его в воздух, после чего начал бегать от солдата к солдату, давая пощёчины и пытаясь прекратить вакханалию.

— Шайзе! Прекратить стрельбу!

Сделав несколько шагов в сторону, Крамер оказался перед унтер-фельдфебелем, который судорожно передёргивал затвор своего карабина. Дав тому пощёчину и схватив за грудки, лейтенант заорал в лицо подчинённому:

— Фельдфебель! Прекратить! Немедленно прекратить стрельбу!

Пришедший в себя унтер-офицер (в данном случае не звание — а положение в военной иерархии, грубо говоря, сержант/старшина) посмотрел в лицо лейтенанта осмысленно-испуганным взглядом, вытянулся, после чего гаркнул:

— Слушаюсь!

Освободившись из захвата Крамера, фельдфебель достал из кармана свисток и набрав в лёгкие воздуха воспользовался этим гениальным приспособлением, чтобы привлечь к себе внимание.

— Сукины дети! Прекратить стрельбу! Прекратить стрельбу!

Постепенно разведчики начали приходить в себя, и, минут через пять наступила долгожданная тишина.

— Осмотреться! — Подал, наконец, голос лейтенант. — Проверить личный состав! Сообщить о потерях! О расходах боеприпасов!

Выращенные в любви к порядку немцы послушно начали осматриваться. Пара солдат и санитар тут же бросились к лежавшему на земле бездыханному телу старшего стрелка Графа.

Туда же направился и Вильгельм.

— Не жилец. — Коротко сообщил санитар, и снял с головы свой шлем. Следом за ним повторили и другие бойцы.

Неожиданно, на другом конце деревни, с той стороны, где должны были занять позиции остальные разведчики, раздался одиночный винтовочный выстрел. В ответ ему скороговоркой заговорили сразу два пулемёта, раздались несколько хлестких винтовочных выстрелов.

Разведчики тут же схватились за оружие. Взревел двигателем Sd.Kfz.221 и медленно пополз по улице, объезжая мотоциклы. Следом за ним устремились пятеро солдат с карабинами. Остальные начали занимать позиции на улице. Свою позицию занял и старший стрелок Вильгельм Вебер, но вначале, прежде, чем упасть на пыльную землю, он бросился к мотоциклу, снял с крепления пулемёт и захватил короб с патронами, после чего, наконец, лёг в небольшую ямку, удобно расположившись буквально в паре шагов от мотоцикла.

На земле Вебер провёл минут пятнадцать, всё это время Вильгельм то и дело бросал взгляд на тело своего друга.

— Расслабьтесь, парни! — Вдруг послышался голос унтер-офицера, который был со второй группой. — Война закончилась! Какая-то польская свинья решила пострелять по доблестным солдатам Рейха из своего ружья!..

После осмотра, выяснилось, что германские разведчики своей беспорядочной стрельбой убили двадцать трёх человек гражданских и одного полицейского, который и открыл огонь из своего табельного «Нагана» по немецкому солдату, попытавшемуся войти к нему во двор.

А второй единицей оружия владел немолодой седоусый мужчина. Чем он руководствовался, когда из своего охотничьего карабина обстреливал воинскую колонну — неизвестно. Но за его дерзость поплатилась вся семья. Сына — просто расстреляли, а вот с нестарой ещё женой и дочерью, вначале порезвился лейтенант Крамер, а потом и оставшиеся солдаты его взвода, которым как воздух требовалось сбросить пар...

Историческая справка:

Для тех, кто попытается оправдать немцев, захочет мне сказать о том, что в сентябре 1939-го года немцы ещё «не оскотинились» и не могли в первый день войны устроить массовое уничтожение гражданского населения, сообщу, что только по данным Википедии (которая, конечно, не аргумент, но она тоже признает), вермахт совершил 311 массовых казней польских военнослужащих и гражданских лиц. Кроме того, в этот период, различные германские структуры с ведома военного командования провели 764 казни, в которых погибли 24 тысячи польских граждан.

Приведу примеры расстрелов гражданского населения вермахтом в сентябре.

Так, например, второго сентября 1939-го года, в городке Старогард были казнены 190 человек, 40 из них — евреи.

3 сентября 1939-го года, в Свекатово казнили 26 поляков.

4 сентября 1939 года, 42-й пехотный полк расстрелял больше 1140 граждан Польши в городе Ченстохов.

В деревне Кайетановице, 5 сентября 1939 года, 72 мирных жителя были убиты в отместку за двух немецких лошадей, убитых дружественным огнём. 72 человека за двух лошадей, которых немцы сами же и убили!

И это лишь малая часть!

А теперь пару слов о расстрелянных военнопленных!

1 сентября 1939 года, пленные польские военнопленные были расстреляны в местечках Пильзовице, Чухове, Гаралтовице, Бойкове, Люблинце, Коччице, Завишче, Орнотовице и Выри. Как видим, расстрелы военнопленных также носили массовый характер.

Польский историк-социолог Тадеуш Пиотровский, считает, что в первый день войны немцами было казнено около 1 000 польских военнопленных. Американский историк Тимоти Снайдер, считает, что более 3 000 военнопленных было расстреляно в первый день.

Так что, всех немцефилов — прошу заткнуть глотки. «Беспределитель» немцы начали задолго до начала войны — на своих же гражданах. А потом — на поляках, французах и прочих европейцах продолжили. Про Советский Союз я вообще молчу.

Поэтому, говорю сразу! Того, кто будет хоть как-то оправдывать германские военные преступления — полетит в бан. Обещаю.

Глава 4. 1 сентября 1939 года. Вечер. Подпоручик Северен Маршалек

Несмотря на все приготовления и ожидания, встреча с противником произошла неожиданно и только стечение обстоятельств позволило произойти всем описываемым событиям так, как они произошли. День уже подходил к концу, и, подпоручик Маршалек, отдавший приказ на отдых и приготовления ужина, едва не пропустил появление противника. Впрочем, упущение это было не только на офицерах, но и на часовых, которые просто не ожидали, что подходящая с востока колонна может быть вражеской.

Впереди колонны катили несколько мотоциклов с колясками, поднимая высокие столбы пыли на дороге, которые не позволяли рассмотреть очертания идущих следом грузовых автомобилей.

Какое-то непонятное предчувствие у Северена появилось в тот момент, когда один из танкистов принёс ему банку разогретых консервов и кружку крепкого чая. Несколько минут подпоручик не мог понять, что же с ним не в порядке, после чего, отставив еду, и, поправив на голове полевую фуражку, решил проверить посты.

Уланы, расположившиеся секретами со стороны вероятного появления противника, докладывали, что всё спокойно:

— На дороге нет никакого движения, пан подпоручик! — Степенно оглаживая пышные усы, доложил немолодой вахмистр.

На второй позиции, молодой улан также доложил:

— В зоне наблюдения никого не обнаружено!

Настроение у молодого офицера постепенно началось улучшаться. Даже мысль появилась, что это червячок сомнения грызёт его изнутри просто потому, что он, подпоручик Маршалек не обладает должным опытом. Впрочем, эту мысль Северен достаточно быстро прогнал от себя — если было бы так, то именно ему бы не оказали большую честь, первому среди всего батальона направиться на встречу врагу.

После этих мыслей, подпоручик направился проверять остальные посты, правда, зачем-то прихватив с собой ещё двоих солдат.

Два одиночных поста, выставленных в тылу тоже были в полном порядке — молодые солдаты удачно заняли позиции среди небольших раскидистых кустов так, что они были скрыты от случайного взгляда со стороны просёлка, а сами могли просматривать достаточно приличный участок дороги.

А вот третий, самый дальний пост, вернее даже сказать, секрет с пулемётом, почему-то заставил подпоручика напрячься. С ним, вроде, всё было в полном порядке: старшим по секрету был немолодой, уже опытный улан, который проследил за тем, чтобы его люди правильно оборудовали окопчики для стрельбы, организовал хорошую маскировку... Вот только не хотелось Маршалеку отчего-то уходить, и всё там!

Наверное, именно поэтому он и задержался с уланами, вызвав у тех явное неудовольствие — что было буквально написано у них на лицах, но дисциплина брала своё, и, никто из кавалеристов не роптал.

Через несколько минут, где-то далеко, на пределе слышимости, раздался какой-то знакомый звук.

— Тихо, вы слышите? — Негромко спросил подпоручик старшего из улан.

Кавалерист неслышно помотал головой.

«Неужели показалось?» — Пронеслась мысль у подпоручика в голове.

Прислушавшись, Северен подумал, что ему на самом деле причудилось — мало ли, всё возможно от нервного напряжения. Говорят, от такого даже люди с ума сходят. Нет, сам Маршалек с такими случаями знаком не был, но, когда зимой он умудрился подхватить воспаление лёгких и долгих три месяца провёл в Варшавском госпитале, наслушался различных медицинских баек, в том числе и про различных душевнобольных, часть из которых сходила с ума от перенапряжения на работе.

Пару минут ещё простоял, прислушиваясь подпоручик, после чего махнул рукой своим сопровождающим — возвращаемся. Вот только стоило ему сделать несколько шагов, как голос подал старший из улан:

— Пан подпоручик, есть там что-то. Звук такой, как машины едут.

Северен напрягся. По его прикидкам, других моторизированных частей тут быть не должно — к сожалению, в польской армии были большие проблемы с моторизацией. Во всей армии «Познань» из полностью моторизированных подразделений был только танковый и мотопехотные батальоны. Есть ещё механизированная бригада в армии «Краков» (10-я бронекавалерийская бригада полковника Мачека), и, ходят слухи, о возможном формировании в столице Варшавской бронекавалерийской бригаде. Вот только, как уже успел заметить за время службы подпоручик, слухи ходят всегда, да не все из них оказываются правдивыми. А в пехотных дивизиях наберётся всего семь десятков грузовиков. В общем — немного.

Хотя колонна идёт с той же стороны, что и пришло подразделение Маршалека.

«Может наши?» — Появился закономерный вопрос в голове.

— Пан подпоручик, пыль вдалеке! — Негромко доложил улан.

Северен вынул из кофра бинокль и приник к окулярам.

В полевой бинокль был хорошо различим столб пыли, вот только понять, кто там едет не представлялось возможным — было слишком далеко.

Нужно было принимать решение. И подпоручик его принял, хотя и считал в тот момент, что перестраховывается.

— Солдат! — Подозвал он одного из сопровождавших его стрелков.

— Я, пан подпоручик! — Негромко отозвался один из пехотинцев.

— Остаёшься посыльным при уланах. Как только станет понятно, кто это едет, доложишь! Я буду в распоряжении!

— Слушаюсь!

Жестом подозвав второго стрелка, офицер тут же начал нарезать задачи и ему:

— Пройдёшь по всем постам с этой стороны. Предупреди, чтобы смотрели внимательно!

— Слушаюсь! — Вытянулся пехотинец, после чего повернувшись через левое плечо, направился в указанном направлении.

Сам же подпоручик быстрым шагом направился к своим танкеткам.

Минут через пять, возле одной из танкеток уже собралось импровизированное совещание, на котором присутствовали все командиры подразделений: как самый главный воинский начальник — подпоручик Маршалек, командир взвода пехоты — подхорунжий Оскар Шидловский, командир уланского полуэскадрона — хорунжий Феликс Скиба.

Самым старшим по возрасту был уланский хорунжий. На вид ему было чуть больше

тридцати, и он, было видно, уже успел повоевать в войне с Советами 1919-1921-го годов, о чём говорил военный знак отличия «Крест Храбрых» на мундире. Он и отнёсся к приказу с «повышенной боевой» готовности с пониманием — выделил ко всем своим постам дополнительных людей, а направление, откуда двигалась колонна, усилил двумя ручными пулемётами.

Подхорунжий Оскар Шидловский, молодой парень двадцати лет от роду — недавно вступивший в армию добровольно, закончивший краткосрочные офицерские курсы, к таким мерам предосторожности отнёсся скептически и заявил с некоторой издёвкой в адрес подпоручика:

— Перестраховываетесь! Не поедут с востока германцы. Там только наши.

Хорунжий Феликс Скиба посмотрел на молодого пехотинца как на идиота, и, тот, пусть и с запозданием, под давлением авторитета опытного солдата-орденоносца отдал-таки приказ занять позиции.

Прежде чем поступила новая информация, прошло минут десять. К этому моменту офицеры уже успели вчерне проработать несколько возможных вариантов ведения боя. Причём во всех этих вариантах, бронемашины предполагалось оставить в резерве — на всякий случай.

От дальнего секрета прибежал запыхавшийся посыльный. Тяжело дыша, он сообщил:

— Немцы! Шесть мотоциклов впереди. А потом грузовики. Причём первым идёт наш «Урсус»! За ним ещё грузовики. Пять или шесть! У двух на прицепе пушки, навроде наших противотанковых «Бофорсов»!

— К бою!..

Потянулись томительные минуты ожидания. Своё место в цепи порывался занять и подпоручик Маршалек, но мозгами он понимал — его место в тылу. Он должен руководить боем, должен вовремя ввести в бой резерв — пять танкеток, десятков конных улан и отделение стрелков. Да и с пистолетом воевать возможно только на коротком расстоянии эффективно — метрах на двадцати. Сейчас же его оружие — знания, полученные в училище и отточенные на полигонах и карта местности.

План боя был предельно прост — пехота и спешенные уланы, занявшие позиции в перелеске, подпускают противника на расстояние в три сотни метров, и, ведут огонь по противнику. Специально назначенные стрелки бьют по водителям. Три ручных пулемёта пехотинцев, ещё три у улан, да два станковых Skm wz.30, заботливо установленные по флангам всё теме же пехотинцами должны нанести противнику, ошеломляющий удар, благо, патронов пока в достатке и их можно не жалеть. Ну а что касается приказа поручика Домбровского — «В бой с крупными силами противника не вступать», то не все приказы получается исполнить должным образом. Тем более, что другой приказ — «обнаружить противника», он уже выполнил!

Несмотря на то, что поляки ждали приказа на открытие огня, он прозвучал как обычно — неожиданно. Вначале ударил одиночный винтовочный выстрел, и, на просёлочной дороге дёрнулся в сторону придорожной канавы следующий впереди, взятый трофеем противником грузовик «Урсус», а потом, с секундной задержкой, вся округа буквально заполнилась выстрелами.

Хлётко били винтовки по водителям и кузовам автомобилей, короткими очередями трещали ручные Браунинги образца 1928-го года, солидно, длинными скороговорками говорили польские клоны американских Браунингов M1917 — Skm wz.30, выпускавшие в

противника длинные очереди из пуль калибра семь на девяносто два миллиметра.

Германская колонна тут же встала. Следующие впереди мотоциклисты попытались было развернуться и прочесать очередями своих машингеверов кусты, откуда по ним вёлся огонь, но не преуспели в этом деле и попадали сражённые пулемётными очередями на польскую землю.

Немногим больше повезло германским пехотинцам — среди них нашёлся опытный лейтенант, служивший ещё в армии Кайзера Вильгельма, награждённый Железным Крестом за Великую Войну, который смог определить направление, откуда по ним ведётся огонь, и, несмотря на немолодой возраст, ужом выскользнув из машины, ставшей смертельной ловушкой, увлёк за собой нескольких солдат — в кювет на противоположной той стороне, откуда вели огонь поляки.

В первые несколько минут многие гитлеровцы упали скошенные пулями польских улан и пехотинцев. Свою лепту внес и один 46-мм Granatnik wz.36. По сути своей — это был обычный ротный миномёт, аналогами которых обладала и германская армия (5-см Granatwerfer 36) и советская армия (50-мм Ротный миномёт образца 1936 года). Пусть польская «карманная артиллерия» была несколько менее точная, по сравнению с советскими и германскими аналогами, но на дистанции в три сотни метров, опытный расчёт клал мины вполне удачно, заставив замолчать один из германских ручных пулемётов уже с четвёртого выстрела.

Уже пятнадцать минут длилась перестрелка, местами затихающая, но тут же вспыхивающая с новой ожесточённостью. Польские солдаты, уже потерявшие эффект неожиданности, продолжили методично посылать патрон за патроном в сторону опомнившихся гитлеровцев. Немцам бы могли помочь их ротные миномёты, но по зловещему стечению обстоятельств, все они остались в кузовах тентованных грузовиков. Да и две противотанковые пушки, РАК-36, которые чуть позднее назовут «дверными колотушками», тоже могли бы оказать германской пехоте помощь, но они так и оставались прицепленными к двум осевшим на пробитых колёсах «Опелям», а артиллеристы, которые попытались было развернуть одно из орудий в сторону опасности, лежали изломанными куклами в дорожной пыли.

В момент шаткого равновесия подпоручик Маршалек и решил использовать свой резерв. Танкетки, уже готовые к бою, с отделением стрелков на броне, подминая мелкие кусты, должны были пройти с полкилометра, выйти из перелеска, и, обойдя вражескую колонну по дуге, атаковать занявших оборону противников с фланга. Десяток улан, должен был скакать следом, и, при необходимости, уничтожить в конном строю тех, кто попытается убежать.

На этот раз от участия в бое подпоручик уклоняться не стал и замер на броне одной из танкеток, сжимая в руке табельный Vis wz.35.

Обходной манёвр занял около получаса — ровно столько времени потребовалось, чтобы лёгкие танкетки безопасно пробрались по перелеску, и, спустившись в незамеченный ранее (и не отмеченный на карте), поросший густым кустарником овраг, вынырнули где-то в паре сотнях метрах за колонной.

Развернувшись в цепь, и, выдерживая дистанцию в двадцать-тридцать метров между машинами, ТК-3 медленно поползли по полю параллельно дороге, пуская на ходу в сторону противника экономные очереди из своих пулемётов — тут нужно было быть осторожным, чтобы шальные пули, случайно не нашли свою цель среди залёгших за укрытиями поляков.

Появление польских танкеток для германцев, увлечённых стрельбой, было

неожиданностью, но, несмотря на это, гитлеровцы достаточно быстро пришли в себя и перенесли на фланг один из немногих боеспособных ручных пулемётов MG-34, который застрочил короткими очередями по бронированным машинам поляков. Конечно, в таком случае противотанковое ружьё было бы предпочтительнее, но, по какому-то стечению обстоятельств, несмотря на принятие ещё год назад на вооружение Вермахта противотанковых ружей Panzerbruchse 1938, в войсках, на 1 сентября 1939 их не было, и, только в октябре со складов в войска было отправлено 568 ружей. Никто из поляков об этом не знал, а из немцев — просто не думал. Каждый лишь делал своё дело: танкетки с десантом медленно ползли в сторону германских пехотинцев, а немецкий пулемётчик, каждую секунду посылал в сторону польских бронемашин всё новые и новые выстрелы.

К несчастью для немцев, пулемётные очереди не могли нанести какого-либо вреда польским танкеткам ТК-3, которые, кроме того, ещё и имели установленную в батальоне поручика Домбровского дополнительную броневую защиту в лобовой проекции. Поняв свою беспомощность, германский пулемётчик перенёс огонь на танковый десант, заставив тех ещё сильнее прижаться к броне.

Несколько пуль нашли свою цель. На одной из танкеток вначале вскрикнул, а потом застыл один из стрелков, ещё один, получив ранение, свалился с танкетки на землю, чтобы получить ещё одну пулю уже на земле...

В этот самый момент, с танкетки спрыгнул и подпоручик Маршалек, крича в этот момент что-то вроде:

— Всем срочно с брони!

Польские пехотинцы тут же начали сыпаться на землю, умудряясь при этом прятаться за продолжающими ползти вперёд танкетками ТК-3.

Расстояние между атакующими поляками и занявшими крайне неудобную позицию для обороны неумолимо сокращалось, и, понимая, что противопоставить полякам им просто нечего, немецкие пехотинцы пошли на отчаянный шаг — бросив перед собой несколько дымовых гранат, и, пользуясь удачно подувшим ветром, устремились в атаку, в ту сторону, откуда по ним совсем недавно били пулемёты.

Вопреки всем правилам и уставам, размахивая пистолетом в вытянутой руке, первым вперёд бросился немолодой лейтенант, прошедший ещё Великую Войну. Следом за ним побежали и его подчинённые, скрываясь от бронемашин противника в густых облаках дыма.

С противоположной стороны, на расплав стволов ударили пулемёты. На землю начали падать очередные германские солдаты, прошитые случайными выстрелами. Вот только слепой пулемётный огонь не остановил немецких пехотинцев, и, хотя часть из них предпочла вжаться в землю и попытаться спастись, большая часть (а их было с полсотни человек), помчалась вперёд.

Польские танкетки остановились, не решаясь открыть огонь. Заняв позиции за ними, остановилось и польское отделение пехоты (на 1 сентября 1939 года, отделение польской пехоты состоит из девятнадцати человек). Польские пехотинцы лениво постреливали по подозрительным местам, опасаясь при этом задеть своих товарищей на другой стороне дороги.

А немцы, преодолевая страх, вырвались из дыма, и, в момент, когда польские пулемётчики перезаряжали ленты своих станковых Skm wz.30, рывком преодолели оставшееся до противника расстояние. Навстречу им ринулась сборная солянка из польских улан и пехотинцев под командованием хорунжего Феликса Скибы. Он, размахивая

револьвером «Нагана» в одной руке, и, саблей wz.34 в другой, повёл своих людей в атаку.

Чуть позже, справившись со своим страхом, следом за уже начавшим штыковую контратаку пехотинцами, бросился и подхорунжий Оскар Шидловский. Из холодного оружия у него был только армейский нож в ножнах, про который он благополучно забыл.

Навстречу молодому офицеру бросился высокий немецкий пехотинец, в руках у него был карабин с примкнутым штыком — ещё секунда, и он сделает выпад вперёд и воткнёт клинок в живот подхорунжему. Каким-то чудом справившись с настигнувшим его оцепенением, польский офицер направил пистолет прямо в лицо противнику и два раза нажал на спуск. Голова гитлеровца лопнула, как спелый арбуз...

Глава 5. 2 сентября 1939 года. Утро. Поручик Ян Домбровский. Отдельный танковый батальон армии "Познань"

К вечеру в штабе оперативной группы генерала Альтера уже было обработано достаточно большое количество информации. Так, например, к очередному совещанию уже была установлена связь с командованием десятой пехотной дивизии армии «Лодзь», разрозненные батальоны которой пусть и откатываются от границы, но делают это организованно и задерживают противника настолько это возможно. Именно в интересах этих батальонов по приказу командира оперативной группы и остались действовать посланные вперёд смешанные конно-механизированные группы, под командованием подпоручика Маршалека и ротмистра Дембицкого (командира второй группы назначили из улан).

К концу дня удалось доподлинно установить и то, какие же силы будут нам противостоять на самом деле. Как оказалось, мы имеем дело с 8-й полевой армией Вермахта, которая состояла из 10-го (24-я и 30-я пехотные дивизии) и 13-го (10-я и 17-я пехотные дивизии) армейских корпусов, а также моторизованный полк СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». При этом, одна из отправленных к западу конно-механизированных групп вступила в бой против частей 24-й дивизии, а вторая — против частей 30-й дивизии. С 10-й и 17-ми пехотными дивизиями сражаются части армии «Лодзь», а где вынырнет полк «эсэсманов» — одному Господу Богу известно. Спасибо хоть, их с воздуха удалось обнаружить — лётчики разведывательной эскадрильи чуть ли не по головам у них ходили, но смогли найти этот полк и сфотографировать их технику достаточно удачно — на одном из проявленных каким-то чудом удалось обнаружить смазанную, но читаемую эмблему полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер», представляющую из себя щит с ключом внутри.

Помимо разведки, лётчики разведывательной эскадрильи умудрились взять на свои самолёты лёгкие бомбы и нанести несколько бомбово-штурмовых ударов по пехотным колоннам гитлеровцев. Конечно, серьёзных потерь гитлеровцам эти налёты не нанесли, но напомнили о существовании польских ВВС. Как говорится — мелочь, а приятно.

Хуже всего, что польские самолёты не были оборудованы радиостанциями, поэтому, чтобы передать информацию, им требовалось либо вернуться на аэродром базирования, либо сбросить вымпел с донесением в специально условленном месте, чтобы назначенные для этого люди могли оперативно найти и передать добытую информацию.

Казалось бы — всё просто: напиши донесение, сложи лист бумаги в специальный футляр, к которому привязана яркая красная тряпка, да сбрось её там, где нужно! Вот только один раз ожидающая послание группа больше часа искала упавший в густую траву «вымпел», а в другой раз, лётчики, запутавшись в координатах, выбросили вымпел совсем не там, где было оговорено. В общем — план был проработан и неплох, но как обычно, вмешался человеческий фактор...

С наступлением сумерек, польские войска пришли в движение: сразу две пехотные дивизии (25-я генерала Альтера и 3-я пехоты легионов полковника Турковского), артиллерийский полк, кавалерийская бригада (генерала Абрахама) и отдельные батальоны

(мой танковый и мотопехотный капитана Галецкого) двинулись к новым позициям.

Пусть и с трудом и не без происшествий, но к рассвету все успели не только занять позиции, но и подготовить их к бою, не всегда, правда, справившись с маскировкой оных позиций. Хуже всего пришлось пехоте — ей вначале пришлось совершить почти тридцатикилометровый форсированный марш, а потом вгрызаться в холодную сентябрьскую землю. Нам, танкистам, тоже было непросто — окапывать свои танки приходилось также вручную, вот только этот ночной марш нами был пройден не на своих двоих...

Правда, два танка и грузовик по дороге пришлось оставить — один из экипажей «запорол» коробку, а у второго перегрелся и чуть не заклинил двигатель. Водитель грузовика же... просто не справился с управлением (колонна двигалась с выключенными фарами, соблюдая меры маскировки) и врезался в один из идущих впереди танков. Как итог — машина повреждена и требует замены радиатора. К счастью, в конце колонны двигались наши ремонтные подразделения и уже набившие руку на различных поломках ремонтники оказали экипажам всю необходимую помощь, и, к утру, все машины нас догнали.

Новые позиции пришлось занимать в поле, после чего окапывать боевые машины и накрывать их маскировочными сетями. Хуже всего, что замаскировать следы передвижения нескольких десятков танков оказалось весьма проблематично. Вполне закономерно, что именно на этом мы и прокололись, когда в небе послышался гул авиационных моторов.

Впрочем, вначале германский легкомоторный разведчик обратил внимание не на нас, а на ровные линии окопов, расположившиеся где-то в километре от позиций батальона. «Хеншель-126» минут двадцать крутился над позициями пехоты, зарисовывая или фотографируя всё, что только было возможно. В один прекрасный момент, когда германский лётчик обнаглел настолько, что спустился на высоту в какую-то сотню метров, по нему открыли огонь укрывшиеся в окопах пехотинцы из 3-й дивизии пехоты легионов.

Польские пехотинцы стреляли из всего: винтовок, пистолетов, пулемётов... Зачастую эта стрельба была беспорядочно-бесполезной. Впрочем, какое-то количество пуль нашло свою цель, и, небольшой самолётик дернулся вначале в сторону, а потом начал набирать высоту.

— Эх, сейчас бы сюда наших истребителей! — Безнадёжно махнул рукой механик-водитель, наблюдавший за происходящим высунувшись из-за бруствера окопа.

Я лишь молча согласился со своим подчинённым. Сюда бы парочку пусть и устаревших, но всё-таки истребителей, и они бы дали «прикурить» германским глазам... Но самолётов в польских ВВС было мало, а истребителей — ещё меньше. И задачи у них были не менее важные — прикрытие городов от вражеских бомбардировщиков... В общем — им не до одинокого разведчика, кружащегося над польскими позициями!

Наконец, набрав безопасную высоту, германский лётчик сделал пару кругов над позициями пехотинцев, после чего направился в нашу сторону. На этот раз низко он уже не спускался — неприятно это, получить пулемётную очередь с земли. Крутился он недолго — описал лишь несколько кругов, после чего развернулся и направился на запад.

Германские пикировщики прилетели через час. Такого количества самолётов в небе я не видел ещё ни разу — сразу три девятки пикирующих «Юнкерс-87» поочередно падали на позиции пехотного батальона из третьей дивизии. А сверху, над ними, кружил десяток истребителей сопровождения.

По вражеским бомбардировщикам пытались вести огонь с земли, но серьёзного урона «Штукам» нанести не удалось. А вот им, издающим своими «ревунами» протяжный, и, по-

настоящему страшный вой (который отозвался мурашками по спине у меня, сидящего внутри боевой машины, в километре от целей бомбардировки) сделал своё дело не хуже бомб и пулемётов.

В любом воинском коллективе найдётся человек, который боится. В любом воинском подразделении — не один такой человек. И именно такие люди в первые минуты, побросав свои винтовки и пулемёты, бросив боевых товарищей, бросились прочь из окопов в сторону наших позиций — туда, где не сыплются бомбы, где, как им казалось, не было этого страшного, протяжного воя.

Следом за первыми, едва заметными, единичными беглецами бросились и те, кто колебался — бежать или нет. А вскоре, к ним присоединились и многие другие, кто ещё несколько секунд назад даже не думал о том, чтобы бежать с позиций.

Увидев происходящее через прицел, я не сразу поверил своим глазам, и, открыв люк, высунулся наружу. При помощи мощного бинокля можно было заметить большие группы бегущих с позиций пехотинцев.

— Вашу ж мать! — Раненым медведем проревел я, наблюдая, как с неба скользнула пара «мессеров» и огнём своих пушек и пулемётов буквально «слизала» группу из десятка солдат.

— Матка Бозка! — Негромко запричитал заряжающий и начал неистово креститься.

Через несколько минут с оборудованных для боя позиций бежал целый пехотный батальон — сотен пять человек, многие без оружия и касок...

Я в очередной раз выругался — в памяти тут же всплыла сцена из когда-то давно в прошлом (или всё-таки в будущем) просмотренной киноэпопеи Юрия Озерова «Освобождение». Та самая сцена, где на Курской Дуге, командир артиллерийской батареи хватает пистолет и бежит останавливать драпанувшую пехоту вместо того, чтобы руководить работой своих артиллеристов, которые должны уничтожать прорывающиеся немецкие танки.

Вспомнился мне и командир пехотного батальона из той же эпопеи, который сидит в поле раненый, и шлёт в сторону противника одну сигнальную ракету за другой. Он тогда и фразу произнёс, которую наизусть я, конечно, не запомнил, но суть передать смогу достоверно:

— Вот видишь! Я тут сижу, а они драпают!

Неожиданно, с того места, где был наблюдательный пункт батальона, в сторону оставленных польской пехотой траншей одна за другой направились сразу три разноцветных сигнальных ракеты.

В очередной раз прикинув к биноклю, я увидел, что над краем заросшего густым кустарником неглубокого овражка с топким дном, в котором расположился НП пехотного батальона маячит несколько голов в шлемах. А на поле побежали сразу несколько человек в таких же защитных шлемах с пистолетами в руках, пытаюсь остановить беглецов.

Авианалёт противника закончился как-то внезапно — пикировщики сделали очередной заход, и, выходя из него потянули на запад. На прощание пару раз «махнули» и «мессера», пройдясь по бегущим через поле людям очередями своих пушек и пулемётов, собирая очередную порцию кровавой жатвы.

Дольше прятаться за бронёй было нельзя — тем более, что беглецы начали мелькать уже среди окопанных танков моего батальона.

Достав из кобуры табельный пистолет, я вылез из машины, спрыгнул с брони прямо на

бруствер, после чего поймав одного из беглецов за плечо, несколько раз выстрелил в воздух, привлекая его внимание.

— Солдат! Стоять! Где оружие?! Кто такой?! Где командир?!

Молодой солдат, гренадёрского роста под два метра, увидев перед собой незнакомого офицера в чёрном танковом комбинезоне, вначале посмотрел на меня безумными глазами, но услышав вопросы, сам того не осознавая, начал приходить в себя — наученное злыми окриками сержантов тело, действуя отдельно от мозга, вытянулось по стойке смирно, после чего, так же на автомате солдат начал отвечать своим дрожащим от страха голосом:

— П-пан поручик... Стрелок Бейнар! Потерял я винтовку... 3-я пехотная дивизия Легионов! Командира бомбой... В ключья... — Сбиваясь доложил пехотинец.

— Солдат! Слушай мою команду! — Стрелок напрягся. — Кругом! На позиции! Найти оружие, привести его в порядок и подготовиться к бою! Скоро немцы атаковать начнут!

— Слушаюсь! — Дрогнувшим голосом ответил пехотинец, после чего неуклюже повернулся через плечо, бросился в ту сторону, откуда он только что прибежал.

К этому моменту уже со всех стороны слышались крики и стрельба — другие танкисты и полицейские, выполняющие теперь при мне обязанности комендантского взвода, вылавливали беглецов и отправляли их обратно.

Постепенно, большая часть беглецов вернулась на свои позиции. Вот только многие так и остались лежать на этом поле, между позициями пехотного и танкового батальонов.

Выжившие в этой вакханалии офицеры-пехотинцы потом подсчитали, что на поле погибло больше сотни солдат Войска Польского. Почти две сотни человек получили ранения — осколочные и пулевые. Хуже всего, что своими силами эвакуировать всех их у пехотного комбата банально не выйдет, поэтому я выделил ему сразу четыре своих грузовика, которые, впрочем, я так больше и не увижу никогда — мы так и не узнали, что санитарная колонна из нескольких десятков телег и повозок, а также четыре моих грузовика попали в руки просочившимся на стыке подразделений германским разведчикам, которые с ранеными поляками церемониться не стали...

А сейчас... Сейчас польский пехотный батальон готовился к бою, тем более, что и противник в очередной раз о себе напомнил — открыл огонь из своих батальонных миномётов по уже изуродованным бомбами позициям польской пехоты.

Немцев было много. Шли они двумя густыми цепями, в полный рост, почему-то не опасаясь огня поляков.

А через несколько томительных минут, на уже итак изуродованные польские позиции обрушился артиллерийский огонь. Били, судя по кустам разрывов, лёгкие полевые гаубицы калибра около ста миллиметров. Огонь немцами вёлся достаточно серьёзный — по моим подсчётам работало не меньше двух артиллерийских батарей. Через десяток сделанных немецкой артиллерией залпов, в «игру» вступили польские артиллеристы. Постепенно вражеский огонь стал стихать.

В очередной раз прикинув к биноклю, я обратил внимание, что в бой идёт не одна пехота — перед ними, медленно полз десяток «коробочек» броневых автомобилей различного типа, опознать которые мне так и не удалось.

Откуда-то с правого фланга, видимо, не выдержав напряжения, поочерёдно ударили три противотанковых «Бифорса» из батареи, усиливающих пехотный батальон. Вот только залп с дальней дистанции сколько-нибудь видимого результата не принесла. Как, впрочем, и второй, и даже третий. А вот проблемы на головы польских противотанкистов посыпались

буквально после третьего залпа — германский корректировщик обеспечил перенос миномётного огня по новой цели, и, буквально после второго или третьего залпа миномётной батареи, польские артиллеристы больше не стреляли.

Вскоре германские миномётчики вновь перенесли огонь — на уже неплохо перепаханые позиции польской пехоты, заставляя немногих, ещё не истративших самообладания польских солдат вжиматься в сырую землю, молиться всем богам, а кого-то и причитать. Свою лепту вносили и германские бронев автомобили, поливающие на ходу огнём из своих пулемётов все, казавшиеся им опасные места.

Впрочем, не нужно говорить, что «игра была в одни ворота» — среди поляков тоже были смелые люди, которые собрав волю в кулак смогли выставить на бруствер длинное «весло» противотанкового ружья, и, подгадав удачный момент, открыли достаточно точный огонь по германским бронев автомобилям.

Как итог — сначала одна, а потом и вторая немецкие бронированные машины остановились и начали чадить густым чёрным дымом, постепенно начиная разгораться.

Вскоре к первому расчёту противотанковых ружей присоединился второй. А потом осмелились и залёгшие в щелях и окопах пехотинцы из третьей пехотной дивизии, открыв неприцельный и беспорядочный огонь в сторону наступающего противника.

На левом фланге батальона длинной очередью заговорил станковый пулемёт. С центра ему начал подражать ещё один. Откуда-то справа, будто бы сговорившись с первыми двумя расчётами, в момент их перезарядки, длинными очередями затрещали ещё два пулемёта. Их трассера было неплохо видно.

У гитлеровцев появились первые потери. Немецкая пехота уже не шла вперёд как на прогулке — в полный рост. Гансы и Фридрихи с прочими Густавами, заметив не поднявшихся с земли «кригскамрадов» всё чаще стали кланяться земле, стараясь укрыться от всё более осмысленного огня польских коллег по военному ремеслу.

А когда в дело вступили польские 46-мм «гранатники», немцы просто попадали на сентябрьскую землю и не хотели подниматься в атаку. В мощный бинокль было хорошо заметно, как среди цепей бегают офицеры в фуражках, и, размахивая пистолетами, пытаются поднять своих людей в атаку.

Как среди всего этого грохота я услышал рёв авиационных двигателей — сам ума не приложу. Вот только противник в очередной раз вызвал авиационную поддержку. На этот раз немцев было меньше — всего одна девятка пикировщиков в сопровождении четырёх истребителей. Вот только эти девять вражеских пикировщиков «Юнкерс» и решили исход дела. Тем более, что цели лётчикам помогали выбрать с земли, посылая в сторону приоритетных целей одну сигнальную ракету за другой.

Вскоре замолчали польские пулемётчики и противотанкисты, отвалили в сторону германские бомбардировщики, а осмелевшая немецкая пехота поднялась в очередную атаку.

Через несколько долгих минут, польский батальон, во второй раз за последние пару часов побежал назад. Нужно было вмешиваться в ситуацию, и я, переключив радиостанцию на «передачу», отдал приказ:

— «Граб», «Пихта», «Сосна», — Назвав позывные рот, отдаю команду. — Приготовиться...

Вокруг начали реветь заводящиеся танковые двигатели. Через полторы минуты, отдаю новый приказ:

— Выйти из окопов! Приготовиться к атаке!

Танк медленно вздрогнул и пополз назад. Высунувшись из люка, замечаю, что все танки совершают манёвры — вначале выходят из укрытия задним ходом, а потом, аккуратно объезжают свои окопы и выстраиваются в цепь. Через пару минут, когда ротные цепи машин были готовы, отдаю новый приказ:

— «Граб», «Пихта», «Сосна», вперёд!

И танки, ревя моторами начали постепенно набирать скорость, устремляясь навстречу отступающей польской пехоте...

Глава 6. 2 сентября 1939 года. День. Поручик Ян Домбровский. Отдельный танковый батальон армии "Познань"

Сама контратака мне запомнилась какими-то отрывками. В прицел хорошо была заметна сентябрьская трава и ясное голубое небо, да редкие фигурки вражеских пехотинцев и ещё более редкие корпуса германских броневых автомобилей.

Я много стрелял из пушки и пулемётов, и, кажется, даже повредил один из немецких броневиков.

Всего же, часа через пол после начала атаки, поддержанной двумя ротами мотопехотного батальона капитана Галецкого и эскадрой улан из бригады генерала Абрахама, а также разрозненными подразделениями пехотного батальона 10-й дивизии, ещё не успевшими сбежать с поля боя, атакующий противник был вначале остановлен, а потом и обращён в бегство. Были взяты пленные, трофеи.

Я же, ведомый каким-то шестым чувством, отдал приказ в рацию «Всем, делай как я!», и, по-мальчишески рванул вперёд, в ту сторону, откуда наступали немцы. А выбравшись на дорогу, как-то сама собой организовалась батальонная колонна, что позволило увеличить скорость.

Место для атаки противника было удобным — чистое поле с редким кустарником и отсутствие каких-либо рвов или прочих естественных препятствий позволили всему батальону, совместно с уланами (чей командир эскадрона понял мою задумку, и, следовал со своими всадниками чуть позади) преодолеть километра три без особых проблем. Не считать же за проблему — короткое боестолкновение с противником?

Нет, кто бы что ни говорил, но Вермахт — это серьёзная структура. Неспроста в моём мнении говорили, что ещё во время соблюдения Версальских ограничений немцы готовились к войне, и, что каждый рядовой у них мог смело занять место унтера, а унтер — место офицера.

Да, грамотные немцы противники. Хотя и без боевого опыта пока (как и я).

И именно эта грамотность позволила германскому командованию не растеряться, а, отправить на танкоопасное направление имеющиеся противотанковые пушки. И всё бы удалось немцам, если бы я оказался чуть менее расторопным! Успели бы немцы развернуть свои «колотушки», худо-бедно замаскировать их... А так... А так я ещё в момент, когда торчал из люка, увидел спешно разворачивающуюся колонну из нескольких немецких грузовиков, которая в один прекрасный момент вдруг остановилась прямо в поле.

Приникнув к окулярам бинокля (то ещё удовольствие, смотреть в оптические приборы наблюдения на ходу, скажу я вам) замечаю, что к грузовикам прицеплены мелкие пушечки, возле которых уже начинают суетиться солдаты противника.

Наплевав на все правила радиопереговоров и позывные, переключая радиостанцию на передачу и отдаю команду:

— Всем стоп! Первая рота, влево от дороги! Вторая рота, вправо!

В ответ тут же послышались возбужденные ответы командиров рот. А вот командир третьей роты, поручик Конрад Гайда пробурчал что-то неразборчивое, недовольный тем, что он и его подчинённые вынуждены находиться в резерве, и это при том, что сам командир

батальона собирался в первых рядах идти в атаку.

Перестроение заняло считанные минуты. Примерно столько же заняло разворачивание немцами своей противотанковой батареи. В мощный бинокль я хорошо видел фигурку в высокой фуражке, которая возвышалась над крайним слева орудием. Немецкий командир батареи (а судя о всему, это был именно он) также рассматривал в бинокль приближающуюся бронетехнику. Мне оставалось только догадываться, какие мысли были в его голове, но уверен — ничего хорошего в них не было, ведь он точно не знал, сколько нас (танки подняли высокий столб пыли, во время движения по дороге).

После завершения перестроения, танки, согласно моему приказу, двинулись вперед, набирая максимально возможную сторону.

Огня мы не открывали.

Первыми выстрелили немцы. Метров с семисот. Понять, по кому именно они стреляют, я не мог — даже в современной мне технике обзор через приборы наблюдения был откровенно говоря, слабоват, несмотря на наличие просветлённой оптики и камер, буквально облепливающих некоторые образцы техники. А сейчас — в этом плане вообще... мрак.

В общем — танки неслись вперед, всё ещё не открывая огня, а я надеялся, что выпущенные противником снаряды не найдут своих целей.

Метрах на шестистах, не выдержал уже я — и плавно надавил на спуск.

Выстрел!

Лязгнул затвор, выплёвывая на дно боевого отделения, в специально установленный мешок гильзоулавливателя небольшую гильзу. В нос ударил запах сгоревшего пороха.

Я этого не видел, посылая один осколочный снаряд за другим, но все танки, шедшие в атаку, также открыли огонь в сторону артиллерийской батареи противника. На позициях врага тут же появились небольшие кустики разрывов. Несколько из них оказалось прямо возле одного из орудий. Кто-то упал.

Сделав ещё несколько выстрелов в сторону артиллерийской батареи противника, я понял, что немцы больше не отвечают.

Танки сблизилась с разбитыми позициями противника, одна из рот прошла ещё километра пол, после чего остановилась, развернув башни в разные стороны. Вторая рота остановилась возле разбитых позиций артиллеристов.

Я вынул пистолет из кобуры, приоткрыл люк, и, высунулся наружу, выставив в сторону разбитых позиций противника пистолет — желания оставлять позади вражеских артиллеристов с орудиями у меня не было, собственно, не было и сил на то, чтобы проводить зачистку.

Помогли уланы, которые не спешиваясь, с шашками наголо ворвались на разгромленные позиции, и, криками и грудью своих боевых коней начали сгонять немногих выживших в сторону.

Тут же, несколько кавалеристов спешили и начали собирать оружие в отдельную кучу. Ещё несколько назначенных солдат, вооруженных карабинами, занимались сортировкой пленных и изъятием у них всего, что врагу больше не пригодится: документов, личных вещей и денег.

Наблюдая за всем этим делом, я не обратил внимания, как к моему командирскому танку подъехал всадник на красивом белом коне.

Кавалерист был молод и красив. Высокий, наверное, под два метра ростом, в хорошо

сшитой полевой форме с тремя звёздами на погонах. Руки в кожаных перчатках. На голове — лихо заломленная фуражка.

Картинно приложив два пальца к козырьку своего головного убора, улан представился:

— Ротмистр Яблоньский!

— Поручик Домбровский! — Приложив два пальца к своему танковому шлему, представился я, спрятав пистолет в кобуру.

— Ну вы и понеслись вперёд, поручик! Славно вышло! — Задорно улыбнувшись, громко сказал улан. — Германский батальона разбили в пух и прах! Пехота, следующая за нами, не нарадуется! А как вы броневики пожгли...

Причмокнув, ротмистр показал мне большой палец.

— Благодарю, пан ротмистр, за лестную оценку! — Сжато благодарю я. — Ваши уланы тоже вовремя! Не хотелось бы эти орудия тут оставлять!

— Ничего! У меня такие солдаты, быстро к делу пристроят! — Ещё раз улыбнулся ротмистр, но тут же стал серьёзен. — Что вы дальше планируете делать?

— Как что? — Не понял я. — Развивать наш текущий успех! Нужно понять, какое подразделение нам противостоит, и, пока противник не понял, что происходит, следует продолжить атаку, закрепив успех!

— Полностью с вами солидарен! — Серьёзно ответил ротмистр. — У меня сто двадцать сабель. Имею приказ от генерала Абрахама, продолжить наступление в направлении...

Кавалерист раскрыл свою полевую сумку и, тыкая пальцем в целлулоид, которым была накрыта карта, показал направление своей дальнейшей атаки.

— Хотелось бы атаковать с вашими танками! — Честно признался ротмистр.

— Мне приказа на контратаку вообще не поступало. — Коротко признался я. — Но сидеть в ожидании неизвестно чего я тоже не собираюсь! Поддержку окажу!

Ротмистр, напрягшийся после первых слов, буквально засиял. Оно и понятно — танки, даже лёгкие вселяют уверенность в своих действиях.

Несколько минут потребовалось на спорную разработку совместных планов действий. За это время, уланы успели изъять всё оружие, собрать солдатские книжки с убитых и пленных, и, даже провести короткий допрос, о котором нам поведал один из уланских офицеров, прискакавший к нам на своём молодом жеребце.

— Пан ротмистр! В ходе допроса пленных, выяснилось, что нам противостоит мотопехотный полк СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»! — Приложив руку к козырьку своей фуражки, доложил подпоручик.

Я присвистнул — в моём времени части СС считались элитой. Хотя, в самом начале войны они и были слабо обученными, но неплохо замотивированными солдатами, уже к середине Второй Мировой Войны, подразделения Войск СС стали представлять из себя серьёзную силу. «Лейбштандарт» же — это, можно так сказать, элита-элит.

«Это что, мы уже раскатали целый батальон элитных эсэсманов?!» — Пронеслась у меня в голове шальная мысль.

Настроение стремительно начало подниматься вверх. Это заметил и ротмистр, спросив, что меня так развеселило. Пришлось отвечать, несколько подкорректировав свои мысли:

— Не знаю насколько правда, но я слышал, что полк СС «Лейбштандарт» набран из наиболее подготовленных и идеологически стойких солдат Ваффен СС. Вроде как, «Лейбштандарт» — это охрана немецкого Фюрера. Своеобразная элита. Просто так туда не попасть!

Ротмистр задумался, после чего осторожно уточнил:

— Ты хочешь сказать, что совсем недавно, ты со своим батальоном в землю закопал целый элитный немецкий батальон?

— Не я один. Но суть верная! Нужно срочно отправить пленных в тыл, и, по возможности отснять этих пленных и трофеи, пусть наши газетчики порадуются!

Ротмистр был схожего со мной мнения и тут же распорядился выделить людей для охраны и конвоирования пленных.

— Пан поручик, вы как скоро дальше пойдёте? — На всякий случай уточнил улан.

— Прямо сейчас. Застоялись мы тут.

— Тогда так, я с полуэскадром улан иду за вами. Попробуем выполнить задачу как можно быстрее!

— Согласен! — Кивнул я, после чего откозырял и скрылся в башне своего танка, подключился к радиостанции и назвав позывные, приказал доложить о потерях.

Разгром вражеской батареи стоил нам гибели одного экипажа из первой танковой роты и временного вывода из строя ещё двух машин из второй.

Горько было осознавать, что второго сентября погибли мои первые подчинённые, но времени горевать не было — каждая утерянная секунда играла против нас...

Полк Ваффен СС «Лейбштандарт» к 1939-му году уже был полностью моторизованным, что позволяло командиру обергруппенфюреру Йозефу «Зеппу» Дитриху в нужный момент перебрасывать личный состав на грузовиках, наращивая силы в нужном месте. Одного только не учёл вражеский командир — что контрудар польских частей был настолько сильным, что целый батальон полка был изрядно потрёпан и рассеян... Ну не было у командира «Лейбштандарта» информации о текущем положении дел, поэтому он и старался угрожающее направление усилить всеми средствами, выдергивая отдельные подразделения из других частей своего полка...

Во главе батальона шла танковая рота поручика Зигфрида Лося. Всего — четырнадцать танков 7ТР (один был потерян в бою с артиллеристами противника), из которых девять было однобашенных, вооруженных пушкой и пулемётом, и, пять машин было двубашенными, вооруженными станковыми пулемётами.

Немцы же передвигались колонной, с обязательным охранением в виде мотоциклистов впереди. Именно пару передних мотоциклов и подмяли под себя танки батальона, прежде, чем начать таранить грузовики противника.

На дороге началась паника. Непонимающие, что же происходит впереди, германские водители не всегда успевали реагировать на резкое изменение обстановки и периодически врезались во впередиидущие машины. Образовался затор, в который и ворвались лёгкие танки.

Да, 7ТР — это не Т-34 или «Шерман», которые обладая мощными двигателями и тяжелой общей массой боевой машины, могли как пушинку скинуть с дороги трёхтонный «Опель Блиц», но 110-ти сильный рядный дизельный шестицилиндровый двигатель позволял, маневрируя скидывать в придорожный кювет так мешающие проезду германские грузовики, которые в спешке начали покидать немецкие пехотинцы.

На расплав стволов били танковые пулемёты, несколько раз «бахнули» малокалиберные пушки. Вскоре загорелся вначале один, а потом и второй грузовик. А танкисты первой роты, раскидав автомобили противника не успокоились, развернулись в цепь и начали вести огонь в спину разбегающемуся противнику. Увлечлись они настолько, что мне даже пришлось

прикрикнуть в рацию:

— «Граб», не увлекайся! Собирай свои танки, и, вперёд!

Поручик Зигфрид Лось ответил практически сразу.

— Я «Граб-1», понял вас! «Грабы», сбор на дороге. Порядок прежний!..

Через несколько минут, когда командиры оставшихся 13 танков доложили о своей готовности продолжить движение и колонна была вновь сформирована — я отдал приказ на продолжение следования по намеченному маршруту, а сам достал из полевой сумки обычную ученическую тетрадь в клетку и сделал несколько записей, которые к концу войны переросли в несколько томов моих заметок о боевых действиях с 1939-го по 1945-й год.

Но первая запись в нём была именно такая:

«2 сентября 1939 года. Рассеян мотопехотный батальон противника из состава полка «Лейбштандарт». Уничтожено несколько бронемашин врага, разбита батарея противотанковых пушек. Безвозвратные потери — 1 танк, 3 танкиста (мех-вод — капрал Д.Мадей, заряжающий — рядовой Ф.Лесьняк, командир — сержант С.Вялек.

Поручик Зигфрид Лось со своей ротой перехватил на марше моторизованную колонну немцев. Уничтожено четыре мотоцикла с колясками, расстреляно и сожжено десять грузовых автомашин. Противник понёс существенный урон. Потерь в роте нет.»

Часам к шестнадцати по Варшавскому времени все боевые подразделения батальона скопились перед небольшим перелеском. Там же расположился и полуэскадрон ротмистра Яблоньского, а через час-полтора должны были подойти остальные эскадроны из полка улан бригады генерала Абрахама. Галецкий сообщил, что его мотопехотный батальон задерживается — откуда-то появилось пехотное подразделение противника, и его батальон, совместно с остатками батальона из 10-й пехотной дивизии ведёт бой. К счастью, у них есть поддержка артиллерии, и, неплохие шансы справиться самим. Вот только время будет утеряно.

На импровизированном военном совете присутствовали: от танкистов — я, как командир батальона; поручик Зигфрид Лось — как командир первой роты; капитан Францишек Краевский — как командир второй роты; поручик Конрад Гайда — как командир третьей роты; от улан — ротмистр Яблоньский и молодой подпоручик, в качестве его заместителя.

Вместо стола у нас было крыло моего командирского танка, с расстеленной на нём картой.

— Панове офицеры, нам необходимо захватить данный населённый пункт! — Начал я свой пространственный монолог, обводя остро заточенным карандашом небольшую деревушку на карте. — Проблема заключается в том, что нам неизвестно, какими силами противника она занята и занята ли вообще? Система обороны нам также неизвестна. Хуже всего, что с пехотной поддержкой у нас всё также... Плохо. Мотопехотный батальон Галецкого ведёт бой. На них вышла какая-то немецкая пехотная часть. Бригада генерала Абрахама будет где-то через два часа. Из пехоты у нас только полуэскадрон ротмистра Яблоньского. Пан ротмистр, сколько у вас людей?

Уланский офицер, на котором скрестились взоры всех присутствующих танкистов, выпрямился и начал доклад:

— Под моим командованием полуэскадрон улан. Всего, семьдесят две сабли со мной. Из стрелкового вооружения винтовки, четыре ручных пулемёта. Есть одно противотанковое ружьё и гранаты. Из этих семидесяти двух человек можно десятерых сразу не считать.

На мой так и не заданный вопрос, ротмистр сразу же ответил:

— Коневоды.

Я понятливо кивнул, после чего вновь склонился над картой. У меня появился план... А вот хороший он или плохой — покажет время.

Глава 7. 2 сентября 1939 года. День. Поручик Ян Домбровский

На разработку плана атаки ушло около получаса. Ещё минут пятнадцать пришлось потратить на то, чтобы командиры подразделений довели план действий до личного состава и смогли решить возникнувшие вопросы.

И вот, когда всё уже было готово, подминая под себя мелкие деревца, на поле выползли три десятка танков — первая и вторая танковые роты, с редкими уланами на броне, выполняющими роль танкового десанта.

На всякий случай, в резерве осталась третья рота и взвод управления с моей, командирской машиной — всего, семнадцать танков.

Нервно сжимая бинокль побелевшими от усилия пальцами, я вглядывался в населённый пункт и ожидал, когда же по моим атакующим машинам откроют огонь замаскированные орудия врага. Благодаря советскому кинематографу о войне, советским же произведениям и всему, что было прочитано там, в будущем, двадцать первом веке, в моём восприятии, немцы были весьма опытным и серьёзным противником. Ну не воспринимал ещё мой мозг, что Вермахт 1939-го года — это не Вермахт 1941-го года, а Ваффен СС 1939-го — это не Ваффен СС 1943-1944-го годов, когда эти структуры были на пике своей боевой мощи.

Но по моим танкам никто не стрелял, и, вскоре, первые машины второй роты, как и планировалось, скрылись за крайними домами населённого пункта. Первая рота, так и не встретив сопротивления, обойдя населённый пункт слева по дуге, выстроившись в колонну, двинулась по дороге на запад, с целью оседлать перекрёсток дорог и железнодорожный переезд.

Ещё через несколько минут, когда в населённом пункте скрылись уже все танки второй роты, а я так и не услышал шума боя, так ожидаемого мной, был вызван заряжающим к радиостанции.

Командир второй танковой роты, капитан Францишек Краевский, достаточно коротко доложил:

- Пан командир! Задача выполнена! Сопротивление не встречено! Взят трофей!
- Отлично! Силами роты занять оборону с общим направлением на северо-восток!
- Слушаюсь!

Отсоединившись от радиостанции и выбравшись наружу, подзываю к себе командира третьей роты, Конрада Гайду, отдал команду на выдвижение.

Оставшиеся семнадцать танков батальона, выползли из посадки, и, выстроившись в колонну, двинули прямо по дороге.

«Костыль» появился неожиданно, когда последние танки роты скрылись среди аккуратных деревенских домиков. Появление самолёта-разведчика противника — это всегда не к добру. Я мысленно выругался — скрыть три десятка танков, даже в населённом пункте не так-то и просто. Ещё и следы на поле, должно быть, хорошо заметны, несмотря на то, что оставили их лёгкие танки.

— Сюда бы наших истребителей... — Мечтательно протянул ротмистр Яблоньский.

Будто бы услышав его мысли, с востока со снижением шла пятёрка истребителей, которую все офицеры опознали как PZL P-11с. Вёл звено, судя по всему, достаточно опытный лётчик. Во всяком случае, действовал он, как, по-моему, грамотно — не бросил все

силы на одинокий самолёт, а покачиваниями крыльев разделил машины на две группы: атакующую и прикрывающую. Атакующая группа, в составе двух истребителей, пошла в атаку со снижением. Прикрывающая группа, в составе трёх оставшихся машин — начала медленно набирать высоту.

В небе, помимо уже привычных завываний моторов послышалась трескотня пулемётов. В сторону германского разведчика полетели несколько трассеров. Потом ещё и ещё. Несколько раз я уже успел подумать, что всё, отлетались немцы, но нет — германский лётчик в последний момент дергал ручку управления в сторону, и, его самолёт, совершая резкие манёвры, уходил из-под атаки.

Офицеры и солдаты, задравшие к небу головы, начали нервничать — такими темпами германский разведчик может уйти. Кто-то из улан даже озвучил эту мысль вслух, когда самолёт со свастикой на крыльях начал разрывать дистанцию с преследующими его истребителями.

Я нервно закусил губу — ну не хотелось мне, чтобы «костыль» ушёл.

Будто услышав мои мысли, набирая скорость на пикировании, в атаку пошла оставшаяся тройка истребителей. Вновь застрекотали пулемёты. На этот раз более удачно — неожиданно германский самолёт задымил и со снижением начал планировать. Польские лётчики вновь начали набирать высоту.

— Гайда! Две машины с уланами туда! Взять лётчика живым!

Стоявший рядом со мной офицер, приложил два пальца к виску, буркнул уставное «слушаюсь» и побежал к танкам своей роты, расположившимся буквально в десятке метров от нас. Попутно он жестами приказал нескольким уланам занять место на броне своей, командирской, и, стоявшей рядом машины.

Вновь взревели танковые двигатели, и, многотонные машины помчались вперёд по дороге, в том направлении, где по нашим предположениям должен был сесть германский самолёт.

Польские истребители, опознав в силуэтах лёгких танков польские 7ТР, покачали крыльями, и, двинулись в том направлении, куда планировал немец.

— А хорошо наши его! — Довольно сказал Яблоньский.

Я согласно кивнул, после чего развернувшись к кавалеристу, спросил:

— Показывайте, что тут у вас? Что трофеями взяли?

Трофеи, можно сказать, стояли тут же — на другой стороне улицы застыли сразу шесть грузовых автомобилей, судя по просевшим рессорам, загруженные чем-то весьма внушительно, и, один легковой автомобиль марки «Кюбельваген». К одному из «опелей» была прицеплена полевая кухня. Чуть в стороне, сгруппировавшись кучкой, под охраной пятерых улан с карабинами к которым были примкнуты штыки, расположились пленные немцы. Было их немного — всего, двенадцать человек. Но зато, во главе с офицером.

Быстро вспомнив картинки, приведённые в справочнике, понял, что стоит передо мной лейтенант Вермахта.

Жестом приказал одному из уланов вывести ко мне офицера.

Немец был высок и худощав, что называется — «не первой свежести», ему было уже под сорок. Зато на мундире был хорошо различима лента Железного Креста 2-го класса, похоже, полученная ещё в годы Великой Войны.

— Намэ? Фонамэ? — Вспомнил я слова из польско-немецкого разговорника, когда немецкий офицер предстал передо мной во всей красе.

— Лейтенант Фишер. 31-й пехотный полк, 24-я пехотная дивизия. — К моему удивлению по-польски ответил офицер.

— Вы хорошо говорите по-польски. Откуда вы его знаете? — Спрашиваю я.

— Мне довелось пятнадцать лет прожить в Силезии. — Коротко ответил лейтенант. — Мои соседи были поляками.

Я понятливо кивнул — оно и понятно, на западных территориях нынешней Польши проживало достаточно большое количество немецкоговорящего населения. Как их там? Фольксдойче?

— Какова ваша должность? С какой целью вы и ваши люди оказались в этом населённом пункте? — Последовали новые вопросы.

— Я командир взвода боепитания. — Негромко ответил лейтенант. — Я должен был доставить боеприпасы в батальон полка, который уже должен был занять этот населённый пункт.

— Вы читаете карту? Можете показать, где вы должны были встретиться с пехотным батальоном?

Лейтенант набылчился, зло посмотрел в мою сторону.

— Бросьте, лейтенант! — Во все свои тридцать два зуба улыбнулся я. — Для вас и ваших людей война уже закончилась. Если ни вы, ни ваши люди не будете делать глупостей, вам ничего не угрожает.

— Я принимал присягу! — Неожиданно жёстко ответил офицер. — И не могу её нарушить! Вы слышали всё, что должны были услышать от военнопленного согласно конвенции о военнопленных!

— Увести! — Коротко бросил я...

Ещё часа через пол вернулись посланные за германскими лётчиками танки. С одного из них сбросили связанного за руки и ноги ремнями немца, а со второго на плащ-палатке, аккуратно спустили чьё-то тело.

Отчего-то докладывать стал сержант — командир танка. Он же протянул мне два пистолета с кобурами и две планшетки.

— Где поручик Гайда? — Требовательно спросил я.

Сержант, прижав одной рукой к груди кобуры с пистолетами и планшетки, второй снял с головы танковый шлем.

Я сразу всё понял. В горле сразу пересохло.

— Как случилось? — Вмиг осипшим голосом спрашиваю сержанта.

— Поручик Гайда первым с танка бросился следом за германцами. Никто и подумать не мог, что те попробуют отстреливаться из своих пистолетов. Одна пуля попала. Прямо в сердце...

На негнущихся ногах я направился к телу, завёрнутому в плащ-палатку. Откинув полог, я уставился на суровое, посеревшее лицо некогда улыбчивого молодого парня. На чёрном комбинезоне не было видно следов крови. Встав на колени, я залез в нагрудный карман и извлёк офицерскую книжку, какую-то фотокарточку и пару конвертов с письмами. Всё это убрал к себе в полевую сумку.

— Найдите где похоронить пана поручика.

— Слушаюсь! — Негромко ответил сержант.

— Лётчика ко мне! — Коротко отдаю приказ, и, вскоре, перед моими очами появляется немецкий пилот с самолёта-разведчика.

— Имя? Фамилия? — Отчего-то спрашиваю я по-польски. Чуда не произошло, немец продолжил стоять и молчать.

Я внимательно посмотрел на него. Невысок — около метра семидесяти ростом. Но физически крепок. Светловолос, с голубыми глазами — истинный ариец, блин. Хотя под глазом наливаются алым синяк — кто-то из уланов или танкистов разукрасил.

— Пан поручик! Разрешите? — Из-за спины немецкого лётчика высунулся молодой улан. — Я немецкий знаю.

— Отлично! — Кивнул я. — Имя? Фамилия? Звание? Номер части? Какие задачи выполнял? Откуда вылетал?

Вопросы сыпались из моего рта со скоростью пулемётной очереди. Но информации в ответ прозвучало немного: ФИО, звание и номер разведывательной эскадрильи. На карте обозначений не было. А под конец этот гад ещё и заявил:

— Я требую, чтобы вы сложили оружие! В случае сдачи в плен, я, как представитель германского командования гарантирую вам жизнь!

Вы знаете, что такое приступ ярости? Нет? Если бы я открыл интернет своего времени, википедия бы выдала что-то вроде: ярость — чрезвычайно сильная эмоция или импульсивная и крайне агрессивная реакция, которая может быть вызвана раздражением индивида или оскорбляющей ему характеристикой. Большинство чаще всего сопровождается утратой самоконтроля.

Вот я и потерял самоконтроль — сам не понял, как в моей руке оказался табельный пистолет. Казалось, что ещё секунду назад он спокойно покоился в кобуре на поясе, а потом раз — и уже смотрит в лицо побледневшему немцу, осознавшему всю серьёзность положения.

Ещё пара секунд ушла на то, чтобы привести оружие в боеготовое состояние.

Вокруг наступила тишина, прерываемая лишь дыханием собравшихся вокруг военных.

К счастью, глупость совершить я не успел — откуда-то из-за моей спины появился ротмистр Яблоньский и будто бы клещами вцепившись в руку, опустил оружие вниз.

— Не твори ерунду. — Негромко, но твёрдо сказал кавалерист и меня будто бы отпустило. Я разрядил пистолет и убрал его в кобуру.

Неожиданно послышался смех. Я повернулся в сторону немца и заметил, как что-то подозрительное капает с его штанов.

«Да он обмочился!» — Пронеслась мысль в голове, после чего начинаю смеяться со всеми остальными присутствующими военными.

Веселье длилось недолго — с запада, куда ушла первая танковая рота, послышались резкие звуки канонады. За это лето я уже смог выучить как звучит 37-мм пушка, а как 75-мм, доводилось мне слышать и 105-мм разрывы, так что я с радостью понял, что это бьют танковые пушки.

Командование третьей ротой принял подпоручик Пиотровский — молодой, двадцатидвухлетний танкист, занимавший до этого должность командира первого взвода третьей танковой роты. Он-то и выдвинул предложение о выдвижении на запад одного танкового взвода. Так, на всякий случай.

— Действуй! — Коротко кивнул я, после чего тот, приложив руку к виску, развернулся и побежал к своим танкам.

Канонада всё усиливалась. Отчётливо стали слышны выстрелы чего-то более крупного, чем танковые 37-мм пушки.

Я начал нервничать. Ещё и поручик Зигфрид Лось, зараза такая, на связь не выходит! Вот как бы узнать, что там происходит?

Пока я ходил вокруг командирского танка и раздавал указания всем, кто попадётся под руку, ситуация не прояснилась, зато в деревню въехали несколько мотоциклов с колясками и лёгкий пулемётный броневик образца 1934-го года, из которого выбрался молодой офицер с погонами хорунжего. Повертев головой в разные стороны, он определил во мне командира танкового батальона и направился в мою сторону. За три шага перейдя на какое-то подобие строевого шага, он приложил два пальца к козырьку своей полевой фуражки, отдавая воинское приветствие:

— Пан поручик! Хорунжий Адамец! Командир передового дозора мотопехотного батальона!

— Отлично, хорунжий! — В ответ прикладываю два пальца к виску своего танкового шлема, после чего протягиваю руку молодому офицеру, тот её аккуратно пожимает. — Как далеко батальон?

— Минут через десять, пан поручик!

— Отличные новости! Располагайтесь на отдых! Технику я бы рекомендовал расположить на западной окраине!

— Слушаюсь!

Пока я общался с командиром дозора из батальона капитана Галецкого, с пленными и трофеями уже разобрался ротмистр Яблоньский и вернулся ко мне:

— Пленные ничего нового не сказали. А трофеи нам попались знатные. Все грузовики загружены боеприпасами. Винтовочными патронами и снарядами к немецким противотанковым орудиям! Вот бы нам те пушечки, которые вы на марше разгромили?

Вновь послышался шум моторов, и, вскоре я увидел, как в деревню въезжают первые грузовики мотопехотного батальона капитана Галецкого. В кабине головного, как я и ожидал, расположился и сам Янек. Когда автомобиль проезжал мимо нас, он на ходу открыл дверь и спрыгнул с подножки на дорогу. Сделав несколько шагов, оказался перед нами и откозыряв, представился ротмистру:

— Капитан Галецкий. Командир мотопехотного батальона!

— Ротмистр Яблоньский. Командир эскадрона улан!

Закончив с отдачей воинского приветствия, оба офицера по-дружески пожали друг другу руки.

— Какова обстановка? — Тут же задал вопрос капитан, желая побыстрее вникнуть в сложившуюся ситуацию, но ответить я не успел, так как к командирской машине меня позвал заряжающий:

— Пан поручик! Командир первой роты вышел на связь!

Услышанные слова подействовали на меня как выстрел сигнального пистолета для спортсменов перед каким-нибудь важным забегом — я буквально долетел до командирской машины с такой скоростью, что сам не поверил бы, что кто-то сможет так быстро не только добежать до танка, но и забраться внутрь и подключиться к радиостанции.

— Висла! Докладываю! Вступил в бой с превосходящими силами противника! Атаковал из засады маршевую колонну пехоты, усиленную бронетехникой и артиллерией! Уничтожено пять танков противника, три броневика, несколько грузовиков! Много пехоты! Был вынужден отойти от занимаемых позиций и закрепиться в полукилометре от них, в посадке на повороте.

— Потери? Какие потери? — Возбужденно прокричал я в радиостанцию.

По затянувшемуся молчанию, я понял, что потери рота Зигфрида понесла серьезные:

— Потери составляют семь танков уничтоженными, ещё три получили повреждения разной степени тяжести, и их пришлось бросить на месте. Боеспособными осталось только пять машин!

Я мысленно выругался — за один бой, танковой роты буквально не стало, от неё осталась лишь один взвод! И это на второй день войны!

— Противник подтянул артиллерию. Били орудия калибром около ста миллиметров и противотанковые пушки! Я не мог больше удерживать те позиции! — Будто бы оправдываясь, доложил поручик Зигфрид Лось.

— Я ни в чём тебя не обвиняю. — Поспешил его успокоить я. — Противник видел, в каком направлении ты отходишь?

— Так точно! Думаю, в течении часа последует новая атака!

— Удерживай позиции! Помощь придёт!

— Слушаюсь, пан поручик!

Глава 8. 2 сентября 1939 года. День. Поручик Ян Домбровский

— Удерживай позиции! Помощь придёт!

— Слушаюсь пан поручик! Конец связи!

— Конец связи. — Кратко отвечаю я, стягивая с головы шлем.

Мозг начинает работать со скоростью мощного процессора какого-нибудь современного мне игрового компьютера.

Если немцев и правда полк, да ещё и с усилением бронетехникой — мне потребуется весь батальон в одном кулаке и вся мотопехота. Хорошо было бы ещё запросить артиллерию, но на это банально нет времени. Но в батальоне Галецкого есть миномёты — 81-мм системы Брандта. Пусть их немного, всего шесть штук, но уже неплохо. И орудия у него есть. Тоже немного — шесть 37-мм противотанковых» бофорсов».

Тут же — возле командирского танка собрали экстренное совещание. Обстановка всё та же — спартанская: ни стульев, ни столов где можно разложить карту. Поэтому использовать пришлось над гусеничную полку (крыло) танка. Командного состава было тоже не то что бы очень много: ротмистр Яблоньский, капитаны Галецкий и Краевский и подпоручик Пиотровский. И ситуация сложилась сложная — тут, считайте, почти все старше меня по званию (ротмистр = капитану). Если забыть про звания и за главного принять того, кто среди нас занимает наивысшую должность, то ни к чему мы так и не придём. Командиров батальона тут два — я и Галецкий. Ещё и командир эскадрона, условно, можно приравнять к батальону. В общем — сложная обстановка. И времени разбираться кто тут главный — тоже нет.

— Панове офицеры. — Официально-дружелюбным тоном начал я. — Ситуация сложилась сложная. Рота поручика Зигфрида Лося вступила в бой и понесла тяжёлые потери, была вынуждена отступить в противоположном от нас направлении. Я считаю, необходимо исправлять ситуацию и вытаскивать остатки роты. Я вам не командир, поэтому могу лишь просить о помощи.

К счастью, иных мнений, кроме как — спасти попавшего в сложную жизненную и боевую ситуацию поручика Зигфрида Лося не возникло ни у кого. Вопрос был лишь в том, чтобы определиться, какими силами предстоит атаковать противника.

— Я бы с радостью оказал помощь. Но сил у меня мало, всего семь десятков сабель. И пленных охранять нужно. Да и приказ у меня, удерживать эту деревушку до прибытия основных сил кавалерийской бригады. Я связан по всем частям тела. — Развёл руками ротмистр Яблоньский, скорчив печальное лицо.

Осуждать улана никто не мог. Все люди военные и понимают, что приказ — есть приказ и он подлежит исполнению точно и в срок, без каких-то там проволочек и толкований.

— И я сам хотел бы просить у вас помощи. семью десятками человек я не смогу удержаться, в случае необходимости. — Хмуро произнёс ротмистр.

Мы молча согласились, прикидывая варианты. Я бы с радостью помог Ротмистру, усилив его взводом или двумя своих танков, но что-то мне подсказывает, что эти танки пригодятся самому!

И тут мне на выручку пришёл капитан Галецкий:

— Третья рота моего батальона останется здесь. Как только подойдут уланы, они нас догонят. На грузовиках это быстро. Тут же останутся и все мои противотанковые пушки, а также огневой взвод миномётов системы Брандта. В случае атаки пехотного батальона противника, этого должно хватить. Даже, если его поддержит бронетехника. Опять же, в роте есть противотанковые ружья.

Ротмистр Яблоньский буквально засиял: мотопехотная рота и противотанковая батарея — это ещё две сотни человек, да с тяжелым оружием! Таким личным составом можно воевать и против вдвое превосходящих сил противника!

— Тогда так. — Подхватил идею я. — Одну роту мотопехоты на броню танков. Пойдут десантом. Вторая рота идёт на грузовиках. Как и миномётчики. Пока передовое подразделение, в составе роты Пиотровского завяжет бой, пехотинцы успеют развернуться в боевой порядок...

На том и решили.

К сожалению, действовать опять пришлось без разведки — и где носит офицера разведки и тактики батальона, подпоручика Северена Марашлека, когда он так нужен?

Подготовка к выдвигению заняла около сорока минут — танкистам требовалось проверить свою бронетехнику, заменить то, что можно было заменить в полевых условиях. Необходимо было и обговорить порядок действий в случае возникновения типовых проблем. Хуже всего, что топлива в баках осталось километров на пятьдесят. В случае активного боя — на пятнадцать или двадцать, после чего неплохие лёгкие танки 7ТР попросту встанут в поле и их можно будет бросить.

Совсем без разведки всё же не пошли — помог в очередной раз, Янек Галецкий. Где-то метрах в пятистах перед головным танком двинулся дозор из трёх мотоциклов с колясками и пары пулемётных бронеавтомобилей. Командиром дозора пошёл молодой хорунжий, которого я уже видел.

Во главе основной колонны двигалась третья рота подпоручика Пиотровского, следом взвод управления, в который входил и мой танк, потом вторая рота капитана Краевского. На броне танков устроились пехотинцы, которые за это лето не раз отработывали взаимодействие с бронетехникой и вели себя достаточно уверенно. Ну а следом за танками второй роты — мотопехота на грузовиках.

«Эх — хорошо бы бронетранспортёры захватить для пехоты!» — Пронеслась мысль в голове, впрочем, додумать её я не успел, в радиии послышался доклад командира одного из броневиков о том, что дозор попал под обстрел.

Командиры рот, настроившие радиии на приём, отлично слышали доклад, и тут же, начали действовать, как и обговорено: рота Пиотровского начала разворачиваться в цепь слева от дороги, а рота капитана Краевского, справа от дороги. Танки взвода управления ненадолго замедлились — я каким-то образом должен руководить боем, поэтому мне не место в первой линии. Во всяком случае пока.

Перестроение заняло какие-то считанные минуты, и, вскоре, три десятка танков с десантом на броне обрушились на наспех подготовленные позиции противника.

Сам бой длился буквально несколько минут — бронированные монстры сблизилась с противником, сбросили с брони десант, и, прикрывая пехотинцев бронёй, продвигались вперед. Вскоре в бой пошли осколочные гранаты и всё было кончено.

Вот только без потерь так и не обошлось — какому-то германскому офицеру, помимо двух взводов пехоты, которые спешно окапывались, в заслон захотелось поставить огневой

взвод противотанковых орудий. Долго стрелять вражеским артиллеристам не пришлось, но трёх танков я лишился. Хуже всего, что двух из них — окончательно. Третий танк потерял гусеницу и ему вырвало один из опорных катков, который заменить сию минуту никак бы не удалось.

Чуть в стороне догорали сразу шесть германских грузовиков «Опель» — на которых и приехали немцы. Хорошо было бы их захватить, но ни свободных водителей, ни времени на освоение трофеев не было. Мне только и оставалось с сожалением смотреть на раздавленные пушки и горящие грузовики. Даже трофеи собрать — времени не было.

Не обошлось и без пленных — двоих рядовых и ефрейтора захватили пехотинцы Галецкого. Все пленные примерно одного возраста: лет двадцати трёх — двадцати пяти. И что удивило меня больше всего, похожи были друг на друга, как родные братья.

Изъяв солдатские книги, я мысленно воскликнул — действительно, братья Миллеры. Старший из них, в звании ефрейтора, отзывался на имя Ганс. Ростом он был немного ниже меня, но сам в два раза больше, крепче, чем я. Матёрый такой солдат. Прямо как с какого-нибудь плаката.

Вторым был худощавый Марк. Ростом он был под два метра и больше был похож на студента-ботаника, чем на солдата. Да и форма на нём сидела как «на корове седло».

А вот третьим... третьим был... Я открыл солдатскую книгу и мысленно выругался. Немца звали Вольфганг! И был он похож на... на немца, чья фотография была у меня дома в двадцать первом веке!

В общем, мой прадед, прошедший войну в пехоте и встретивший победу где-то к западу от Берлина, рассказывал моей маме историю о том, как в конце войны, он, командир стрелковой роты оказывал помощь раненому немецкому солдату. И звали того Вольфганг. Помощь оказали, а потом доставили в госпиталь. Война закончилась, прадед остался служить в Германии, и, годах в шестидесятых его остановил один немецкий офицер, которым и оказался тот самый Вольфганг... Уже после отставки прадед долгие годы переписывался с этим немцем, до самой его кончины в восьмидесятые...

В очередной раз выругавшись, я позвал переводчика из батальона Галецкого начал экспресс-допрос, впрочем, немцы, кроме как номер своего, 31-го полка 24-й пехотной дивизии и фамилии командира роты, назвать ничего не смогли. А, почти забыл — они подтвердили, что их боевая группа была усилена танками. Вот только сколько их и каких они моделей — пехотинцы ответить не смогли, поскольку сами их не видели, а слышали лишь о их наличии от своих друзей из других подразделений. В общем — информации практически нет.

Выделять людей для сопровождения пленных не хотелось, но требовалось — может быть, если их удастся передать в руки специально подготовленных людей, они вспомнят что-то ещё? А расстрелять? У меня рука не поднималась расстрелять того, кого уже однажды пощадил мой прадед (или только пощадит?).

Впрочем, разбираться с этим предстоит Галецкому или кому-то из его офицеров, потому как нам задерживаться больше нельзя — дальше отчётливо слышалась канонада, значит, немцы вновь двинулись в атаку на остатки роты поручика Зигфрида Лося. Но свою просьбу отправить этих немцев в тыл — я озвучил. А мне надо вперёд — спасти своих подчиненных!

В своём времени я неоднократно читал, что городской бой — это ад. Впоследствии я с этим соглашусь — когда столкнусь лично. Уверен в этом. Но сейчас могу авторитетно

заявить, что во встречном бое — тоже весьма мало приятного. Хотя... Случившееся я даже встречным боем назвать не могу, потому как формально мы атаковали противника во фланг.

Вообще, противник действовал нагло. Я бы даже сказал — дерзко. Во всяком случае, крупнокалиберная артиллерия расположилась в поле, не особо и скрываясь. Наверное, знали, гады, что тяжелой артиллерии здесь и сейчас у нас нет. А доложил об этом, наверное, им очередной самолёт-разведчик, которого я не видел, но он обязательно должен был быть где-то тут, да не один, а с прикрытием истребителей — должны же немцы разобраться, куда запропастился несколько часов назад их предыдущий самолёт, посланный в этот квадрат? Ещё и фланги не обеспечили! Не считать же за обеспечение флангов неполную пехотную роту с огневым взводом противотанковых пушек, за нормальное обеспечение своего фланга? Думаю, нет. Хотя они в наступлении, и у них банально не хватило времени.

Нет, совсем беспечными немцы не были — прикрытия они у двух своих артиллерийских батарей всё-таки оставили. Вот только узнал об этом я несколько позднее и в процессе самого боя. А сейчас, наблюдая в бинокль, как в километре от меня, разворачиваются в цепи немецкие пехотинцы и немногочисленные германские танки, я думал о том, как ввести в бой чудом пока ещё незамеченные две танковых роты батальона так, чтобы нанести гитлеровцам максимально возможный урон.

Несколько минут ушло на исследование обстановки, в чём мне активно помогал мощный бинокль, после чего я начал отдавать команды в рацию. Из бронетехники у противника была сборная солянка из разнотипных машин. Мне удалось опознать бывшие чехословацкие Pz.35(t), германские Pz.1 и Pz.2, а также одинокую «тройку». Возникло даже такое ощущение, что их просто подёргали из разных частей, чтобы собрать какой-никакой, но танковый кулак.

По плану, третья рота, следующая слева от дороги, должна нанести удар так, чтобы выйти к позициям вражеских гаубичных батарей, по недоразумению выставленных прямо в поле, вдоль небольшого перелеска. По моему замыслу, пусть и оторвавшись от пехоты, танки сблизятся с артиллерией противника и огнём, гусеницами и манёвром должны заставить его либо сняться с позиций и прекратить огонь (что будет приемлемо), либо уничтожить орудия противника (что будет неплохо), либо, вообще — захватить их, разогнав обслугу (идеальный вариант).

Вторая рота и взвод управления, действующие чуть правее, по моим прикидкам должны уничтожить германские танки, и, совместно с мотопехотой капитана Галецкого, стремительным ударом, опрокинув пехоту противника, начать преследование, к которому, действуя по обстановке, со своими оставшимися машинами должен присоединиться и поручик Зигфрид Лось.

План есть — нужно его следовать. Огонь мной было решено открывать на максимально близкой дистанции, чтобы не обнаруживать себя преждевременно.

Танки батальона начали сблизжаться с противником. Повинуясь какому-то шестому чувству, бросаю в рацию приказ:

— Батальон, стоп! Огонь по готовности!

Первый выстрел пришлось сделать мне — очень уж удачно в прицел вполз германский несуразно вытянутый трёхосный броневедомитель Sd.Kfz.231. Что меня удивило — первый же снаряд лёг в цель, попав в переднюю часть корпуса, в нос двигателя, и, осколками, похоже, зацепив топливные баки? Ну не знаю я компоновку германских бронемашин! Да и неважно это, куда именно я попал! Главное — вспыхнул он достаточно легко! Как спичка!

В танке этого было неслышно, но я каким-то шестым чувством осознал, что оставшиеся танки батальонов открыли огонь по бронетехнике противника. В танковый прицел я отчётливо видел, как начал разворачиваться на месте, разматывая металлическую змейку гусеницы бывший чехословацкий Lt.vz.35, который у новых хозяев стал носить название Pz.35(t), с большим намалёванным белой краской крестом на башне. Не успел танк противника остановиться, как тут же, высекая снопы искр, в борт влетело сразу две или три болванки. От двигателя неплохого лёгкого танка густо зачало.

Рассматривать то, что же произошло дальше, времени у меня уже не было — нужно было стрелять.

— Бронебойный! — Ору что есть мочи в танковое переговорное устройство.

— Есть! — Отзывается заряжающий.

Лязг затвора. Плавное нажатие на спуск. Звук выстрела, который отлично слышен даже в танковом шлеме, вновь лязг затвора, и, стреляная гильза выскакивает на дно боевого отсека. В нос бьёт запах сгоревшего пороха. Заряжающий тут же заряжает орудие следующим снарядом, и я вновь давлю ногой на спуск.

Сколько времени прошло в таком ритме — не знаю, в себя я пришёл, лишь поняв, что на мои команды никто не откликается, танк стоит на месте, по лицу течёт что-то тёплое, а в нос бьёт чем-то горелым, перебивающим запах сожженного пороха.

Повернув голову вправо, вижу, что заряжающего у меня больше нет — он лежит, скрючившись в неестественной позе, запрокинув голову назад, а из шеи у него торчит внушительный осколок. От одного взгляда было понятно — не жилец.

Механик-водитель также не отвечает. Отсоединив шнуры шлема от танкового переговорного устройства, бросаюсь на дно боевого отсека, и, склонившись над телом мехвода, кладу два пальца на шею. Почувствовав едва пульсирующую жилку, радостно осознаю — живой.

Открыв люк, и, освободив подчинённого от шлема, распахиваю дверцы переднего люка и прямо по телу танкиста выползаю наружу. Неприятно свалившись с брони, достаю пистолет из кобуры. Вовремя. Буквально в нескольких метрах от меня немецкий пехотинец, уже вскидывающий свой карабин с примкнутым штыком так, чтобы поймать меня на мушку и пристрелить.

Мне неожиданно сильно стало страшно.

Очень страшно.

Засаднило всё тело. Разболелась голова. И появилось непреодолимое желание сходить в туалет по большому. Но хуже всего, что я... Видели, как в детстве, в возрасте лет трёх-четырёх от роду, когда ребёнку страшно, он прячется под одеяло и закрывает глаза, пытается отключиться, надеясь, что это спасёт его от кошмаров? Помните? И в детстве так делали? Нет? Ну ладно. Пусть это окажется на совести каждого. Я — делал. Так вот, одеяла под которое можно спрятаться у меня не было, но глаза закрыть мне никто не мог помешать! И я закрыл!

Выстрел!...

Глава 9. 2 сентября 1939 года. День. Поручик Ян Домбровский

Выстрел!..

На какую-то долю секунды мне показалось что всё, я умер, но ещё через несколько мгновений я услышал ещё несколько хлестких винтовочных выстрелов и басовитую, характерную мелодию, которую мог выдать только Browning wz.28. Открыв глаза, обращаю внимание на оседающего немца, уже направившего ствол своего карабина в мою сторону, вижу, как сразу десяток солдат в маскировочных балахонах по типу советской «амёбы» и в покрашенных в оливу шлемах с карабинами маузера наперевес бежит вперёд, туда, где ещё виднеются более-менее организованные группы германской пехоты.

Слева и справа гремит бой. Дымно чадят разгорающиеся танки и бронемашины — польские и немецкие, рвутся осколочные гранаты. Бой местами перерос в рукопашную. Мне нужно было как можно быстрее пересесть на другую машину, принять командование батальоном, но вместо того, чтобы, размахивая пистолетом броситься к ближайшему танку, я спрятал свой табельный «Вис» в набедренную кобуру и бросился к своему подбитому танку. Да — заряжающему уже не помочь, но есть шанс вытащить из начинающей гореть боевой машины ещё одного члена экипажа, и, возможно, даже получится спасти ему жизнь?

Вытащить мех вода оказалось непросто. Несмотря на свой невысокий, как и у всех танкистов рост, оказался достаточно тяжелым. Плюсом к весу, танкист цеплялся за всевозможные выступы и углы, казалось, всеми возможными местами, начиная с поясного ремня, и, заканчивая различными частями тела.

Вскоре я понял, что одному мне не справиться, но на моё счастье, помощь, прямо как в американских фильмах моего времени, подоспела в самый последний момент: в десятке метров от подбитой машины остановился лёгкий 7ТР, и из его башни выбрался вначале один, а потом, следом за ним второй танкист, но уже не с пустыми руками, а с огнетушителем. Первый бросился ко мне — помогать эвакуировать раненого механика-водителя, а второй, подбежав к подбитому командирскому танку, инициировал огнетушитель, и, начал тушить всё ещё разгорающееся пламя.

Пока мы вытаскивали раненого, на нас, наконец, обратили внимание и пехотинцы. Было их немного — всего пяток солдат, во главе со старшим стрелком, но помощь эта оказалась весьма кстати. Стоило нам только вытащить раненого танкиста, как пехотинцы весьма споро из плащ-палатки и своих карабинов смастерили носилки, на которые мы тут же и уложили моего механика-водителя.

Откуда-то появился и санинструктор — молодой парень в таком же маскировочном балахоне, как и остальные пехотинцы из мотопехотного батальона капитана Галецкого. От остальных солдат он отличался лишь большой брезентовой сумкой с красным крестом на боку, да белой повязкой с таким же крестом на руке, надетой прямо поверх балахона.

Несколько минут, и, при помощи ещё одного подоспевшего экипажа удалось отстоять мой подбитый танк. Нет, двигаться он уже не сможет — двигатель вышел из строя, плюсом загорелся, но с него при необходимости можно снять пулемет и пушку, а также забрать чудом не взорвавшийся боекомплект. Уже неплохо.

Пока боролись за спасение раненого танкиста и подбитой машины командира батальона, бой переместился куда-то на северо-запад. При помощи бинокля, несмотря на

дым, заволокший всё вокруг, при помощи некоторых усилий мне удалось сформировать картинку текущего боя. На самом деле, всю сложившуюся ситуацию можно было описать достаточно коротко, потратив на это лишь несколько строк, которые вскоре будут напечатаны в нескольких польских газетах:

«В результате атаки силами танкового батальона поручика Д. и мотопехотного батальона капитана Г., превосходящие силы гитлеровских захватчиков были смяты, рассеяны и разбиты с минимальными потерями со стороны подразделений Войска Польского.»

Нет, на самом деле всё было несколько сложнее, чем напишут потом журналисты: стремительной и неожиданной атакой танкового и мотопехотного батальона удалось вначале смять две роты одного из батальонов 31-го пехотного полка, 24-й германской дивизии, после чего, уничтожив всю имеющуюся у противника бронетехнику, польским танкистам и пехотинцам удалось обратить в бегство остатки германского батальона и броситься в погоню, чтобы через полтора километра наткнуться на подготовленную противником противотанковую оборону и потерять ещё несколько танков, прежде, чем командир роты примет решение о спешном отходе.

Потери понесла и рота, которая должна была заставить германскую артиллерию замолчать. Нет, со своей задачей танкисты справились успешно — вначале отвлекли на себя внимание германских артиллеристов, которым спешно пришлось разворачивать свои многотонные орудия в сторону вновь возникшей угрозы и вести огонь прямой наводкой по целям, которые мало того, что активно маневрировали, но ещё и вели убийственный огонь по германским орудиям.

Опасней немецких пушек оказалось немногочисленное пехотное прикрытие (усиленный пехотный взвод при пулемётах и с невесть откуда взявшимся польским противотанковым ружьём!) и пара двадцатимиллиметровых «Эрликонов», установленных в кузовах грузовиков «Опель».

Стояли зенитные грузовики чуть в стороне и банально не были замечены в суматохе первых минут боя, почему германские зенитчики и успели «наделать дел». Да и много ли нужно, чтобы сжечь лёгкий 7ТР, пусть и с увеличенным во лбу башни бронированием? 20-мм снаряды рвали польскую броню просто «на загляденье», как на учениях, и, если бы не недавно назначенный на должность командир третьей роты, подпоручик Пиотровский, успевший не только обнаружить огневые точки противника, но и сделать несколько выстрелов в ту сторону, обозначая новую цель своим подчинённым, и, дублируя направление ведения огня криками в радиоэфир, забыв, про все правила ведения радиопереговоров.

Сразу десяток снарядов обрушился на позиции германских зенитчиков, потом ещё и ещё. Немецкие орудия замолчали — один из грузовиков даже загорелся. Вот только перед этим, немцы успели подбить аж пять лёгких танков! А потом ещё двоих достали гитлеровские артиллеристы, от которых ненадолго отстали! Свою лепту внесла и германская пехота, которая вела огонь из пулемётов, отсекая от третьей танковой роты пехотинцев из батальона Галецкого. В общем — на несколько минут танкисты остались одни.

Оставшиеся на ходу танки третьей роты сблизилась с германскими батареями, и, ведя огонь из пушек и пулемётов ворвались на огневые позиции немецкой артиллерии. Артиллеристы бросились в рассыпную. Танки давили людей и орудия. Били на расплав стволов танковые пулемёты.

К сожалению, для поляков, у немцев нашёлся смельчак, который смог смастерить

связку из своих «колотушек» и удачно подложил её под гусеницу проезжающего мимо танка. 7ТР прополз ещё несколько метров, поворачиваясь на месте, после чего открылся верхний люк и из машины бросились два танкиста. По ним тут же открыли огонь из своих карабинов редкие, ещё не убежавшие немецкие пехотинцы.

К несчастью, одним из танкистов был подпоручик Пиотровский, посчитавший, что взрыв, который он почувствовал влечёт полное уничтожение машины. Молодой офицер впервые в жизни ошибся, и тут же поплатился за свою ошибку самым главным, что есть у любого человека — своей жизнью.

Впрочем, на этом удача немцев окончательно покинула — наконец поднялись в атаку польские пехотинцы, и сумев преодолеть пулемётный огонь немецкого охранения, следом за танками, ворвались на артиллерийские позиции. Местами завязался рукопашный бой, где поляки имели численное превосходство и своими активными действиями заставили противника отступить. Вообще, в целом, немцы не приняли рукопашного боя и начали поспешно отступать. Поляки было бросились преследовать, но не дойдя до ближайшей деревушки к северо-западу, получили «по зубам» массированным стрелково-пулемётным и миномётным огнём, и, были вынуждены отойти для перегруппировки.

Постепенно начала наступать тишина, прерываемая лишь звуками, издаваемые сотнями людей, занятыми своими делами: кто-то собирал трофеи, кто-то перевязывал раненых, а кому-то досталась прискорбная участь — хоронить своих павших товарищей.

Я к этому моменту уже обосновался у радиостанции одного из своих танков. Приказ о сборе слышали все, и, минут через тридцать неровной линией в поле застыли оставшиеся танки 7ТР. К этому времени уже удалось организовать какой-никакой, а порядок: были выставлены посты для наблюдения за воздухом и за округой, возле придорожного овражка уже организовали полевой перевязочный пункт. Немногочисленные на фоне пехотинцев в маскировочных балахонах танкисты выделялись своими чёрными комбинезонами и ребристыми шлемами. Экипажи боевых машин как раз занимались осмотром своих танков и подсчётом боеприпасов и топлива, как вдалеке замаячили всадники, о которых тут же было доложено мне и капитану Галецкому. Ещё через какое-то время всадники приблизились и в одном из них я с изумлением узнал ротмистра Яблоньского.

Уланский офицер, пришпорив коня, в сопровождении ординарца и трубача двинулся в нашу сторону на рысях. Когда он приблизился, по выражению лица офицера я понял, что он весьма сильно рад видеть меня живым.

Спешившись, ротмистр передал поводья своему ординарцу, после чего приложил два пальца к козырьку своей фуражки, улыбнувшись, сказал, намекая на лежащие то тут, то там тела в серо-зеленой форме «фельдграу»:

— Неплохое выдалось дело?

Я также дежурно откозырял, приложив пальцы к своему танковому шлему и неопределенно пожал плечами:

— Потери большие.

— Ну, на то и война! Вы, вон и танкетки пожгли, и броневики, и пехоту накрошили. Хорошее у вас дело вышло! Знатное! А потери... Пополнят! — С уверенностью в голосе заявил ротмистр. — Опять же, наша бригада подошла в полном составе, ещё и батальоны третьей дивизии на подходе! Да и без артиллерии не обойдётся! Прямо в боевых порядках нашей бригады батареи из лёгкого артполка идут!

— Артиллерия, это, конечно, хорошо! — Кивнул я. — Вот только снарядов и топлива у

меня практически не осталось. Без них, мои танки станут бесполезными железными игрушками!

— Не беспокойся! Грузовики твоего батальона я тоже видел. Они тоже скоро здесь будут!

— Спасибо! Обрадовал! — Улыбнулся, наконец, я.

Настроение у меня резко поползло вверх. Приятно, когда не нужно считать литры топлива и снаряды! Ой как приятно!

Ротмистр Яблоньский обернулся — его эскадрон уже прошёл по дороге в том направлении, откуда по моим прикидкам пришли немцы. Я же бросил беглый взгляд на оставшиеся в строю танки. Было их немного. Всего — девять машин. Остальные были либо уничтожены, либо требовали различного ремонта. Своими силами экипажи обещали вернуть ещё две машины — но это не раньше, чем через полтора часа.

Эскадрон за эскадроном проходила мимо Великопольская кавалерийская бригада бригадного генерала Романа Абрахама. Сам генерал передвигался не верхом, а на легковом автомобиле — по статусу положено. Вот он и остановил своего «Мазура» на обочине, неподалёку, пропуская остальную колонну, после чего в сопровождении ординарца направился в нашу сторону.

Я приказал ближайшему улану, что попался под руку, найти и как можно быстрее доставить ко мне капитана Галецкого.

Генерал внимательно смотрел по сторонам. Оценивал обстановку. И, наконец, подойдя ко мне, приложил два пальца к своему головному убору.

— Пан Генерал! — Вытянулся я, собираясь сделать доклад, но он жестом руки остановил меня:

— Всё вижу, поручик. Всё вижу.

И улыбнулся так генерал, как-то по-доброму, что на душе стало легче, но сильно зазнаваться и расслабляться не дал — тут же перешёл к делу:

— Доставай карту.

Я послушно вынул из полевой сумки карту местности и разложил её прямо на броне ближайшего танка. В этот самый момент за моей спиной появился капитан Галецкий, и, попросив разрешения присутствовать, пристроился рядом.

— Сколько в батальоне целых танков?

— Девять машин условно готовы к бою. Требуется пополнить боекомплект и топливо. Ещё две машины приведут в норму в ближайшие два часа. Остальные нужно ремонтировать.

— Негусто. — Хмуро протянул генерал. — Но и этим воевать можно! Каковы потери в вашем батальоне, капитан?

— Два броневедомола уничтожено. Тридцать семь человек убито. Шестидесять получило ранения различной степени тяжести.

— Благодаря вашим действиям, наша оперативная группа перешла в наступления. Двадцать пятая дивизия мощным контрударом смяла передовые подразделения немецких частей и движется к границе. Разрозненные подразделения десятой пехотной, которые вели оборону весь вчерашний и половину сегодняшнего дня, получили передышку и приводят себя в порядок. Думаю, уже к утру они подключатся к наступлению. Что же касается нашей кавалерийской бригады и третьей дивизии, мы теперь тоже наступаем. Нас щедро усилили артиллерией, и мы должны, проломив оборону противника, выйти к государственной границе, пересечь её и перенести боевые действия на территорию противника [1]. Попутно с

этим требуется наступление вести так, чтобы частями окружать германские подразделения и уничтожать их на марше.

Мы с капитаном Галецким внимательно слушали и делали пометки «в памяти». Я бы сделал отметки и на карте, но в случае, если я её прое... потеряю, не хотелось бы, чтобы лишняя информация попала в руки ко врагу. Поэтому старался впитывать информацию как губка — лишней эта самая информация точно не будет.

— Самое слабое место во всём плане, это германская авиация. Маршевые колонны третьей дивизии уже подверглись бомбово-штурмовым ударам. Потери большие. Поэтому требуется внимательно следить за небом. Впрочем, я смотрю, у вас за ним следят. — Улыбнулся генерал, наблюдая за постами, расположившимся вокруг.

Пока генерал подробно описывал обстановку, сложившуюся на последний час, штаб, совместно с последним эскадром прошёл мимо и на дороге загудели моторы. С радостью я увидел грузовики с опознавательными знаками своего батальона. Теперь у нас есть возможность пополнить боеприпасы, топливо, а маячившая вдалеке ремлетучка намекала на то, что будет шанс восстановить ещё что-либо из танков.

Наконец, генерал уточнил, всё ли мы поняли, и, на прощание бросив последние указания, направился к своему автомобилю:

— Два часа вам, чтобы привести себя в порядок. Мне ваши танки и мотопехота нужны впереди!

Проводив генерала, капитан Галецкий быстрым шагом направился к своим подчинённым. Меня же ждал штабной автобус, и, маячивший возле него начальник штаба батальона, капитан Анджей Завадский.

— Пан поручик! Тыловые подразделения батальона в полном составе прибыли. Разрешите приступить к заправке машин топливом и боеприпасами? — Приложив руку к своему берету, спросил он.

— Разрешаю! — Ответив на воинское приветствие, я протягиваю капитану свою чумазую руку для рукопожатия. Тот не раздумывая, жмёт её.

Дождавшись сигнала, командир взвода технического обслуживания подпоручик Марсель Бандура буквально «на рысях» помчался к своим подчинённым, которые уже начали разворачивать полевую заправочную станцию, встав в поле рядом с уцелевшими после боя танками.

Около получаса ушло на решение текущих вопросов, после чего слово попросил командир роты технического обеспечения, поручик Юстин Спража:

— Пан поручик! Разрешите доложить? — Получив мой кивок в ответ, он продолжил. — По дороге сюда нам удалось восстановить германский пулемётный броневладелец. Водителя мы выбрали из состава роты, но требуется пулемётчик...

О многом ещё говорилось в эти часы. Но главной проблемой были даже не танки — они худо-бедно имелись, а люди. А вот с этим уже начали появляться проблемы, поэтому пришлось тасовать экипажи...

Ну что же, долгий день ещё не закончен!

1. В Реальной истории оперативная группа генерала Абрахама в составе Великопольской и Подольской кавалерийских бригад, второго сентября 1939 года

пересекла границу и атаковала город Фрауштадт (ныне Всхова, Любушского воеводства Польши), уничтожив колонну германской техники, но впоследствии были вынуждены отступить — из-за угрожающего положения, сложившегося на флангах. Теперь же, имея большие силы, поляки могут действовать ещё более решительно, пока у них на это время...

Глава 10. 2 сентября 1939 года. Вечер. Поручик Ян Домбровский

Порядка двух часов ушло на все приготовления: осмотр технического состояния боевых машин, их заправку топливом и боеприпасами, а также на приём пищи — благо, полевые кухни есть в наличии.

Обедали совместно с мотопехотой капитана Галецкого. С ними у нас уже сложилось нечто вроде пресловутого «боевого братства». Взаимодействовать с этим батальоном мы начали ещё летом, отрабатывая всевозможное взаимодействие. Сейчас же, на самом низовом уровне, среди солдат, начало зарождаться «содружество родов войск» и понимание того, что воевать совместно с другими родами войск полезно!

Наши повара постарались. На обед была предложена гороховая похлёбка — в качестве первого блюда, пшенка с чесноком и луком, разбавленная варёной тушеной говядиной из консервов — в качестве второго. Запивать всё это предполагалось сладким чаем или какао на выбор, неизвестно где и как добытого нашим поваром. Впрочем, удостоверившись, что свою порцию получили все, работники полевых кухонь начали выдавать порции добавки всем желающим. Без лимита выдавали свежий серый хлеб с какими-то отрубями.

Получилось вкусно и достаточно питательно.

Не подкачала и ремонтная рота, которая успела привести в норму не только два из повреждённых ранее 7ТР, но и сразу трёх «немцев»: «единичку», «двойку» и бывшего чехословацкого «тридцать пятого».

Отдельное внимание стоит уделить трофеям. Многие танкисты обзавелись германскими пистолетами «Люггер», трофейными часами и ножами. Самые хитрые из младших командиров-танкистов старались раздобыть бинокли. Не забывали и про съестные припасы — достаточно быстро в вещевых рюкзаках танкистов и пехотинцев осели немецкие консервы и фляги со шнапсом.

«Люггер» в аккуратной кожаной кобуре и немецкий штык-нож в ножнах преподнесли и мне. Подарок я принял, причем, кобуру решил не использовать за ненадобностью. Штык занял положенное место справа от пряжки офицерской портупей, а пистолет с запасным магазином перекочевал в объёмный внутренний нагрудный карман комбинезона — его лучше не светить перед офицерами других подразделений, могут не понять.

Пехотинцы же, по моей рекомендации, высказанной капитану Галецкому, особое внимание уделяли гранатам и немецким пулемётам. В итоге, к концу нашего «стояния» на поле боя, мотопехотный батальон получил в своё распоряжение десятков германских пулемётов МГ-34 со всеми принадлежностями. К этому прекрасному коллективному оружию спешно начали готовить расчёты. Я бы объединил все их в одну пулемётную роту, но моего мнения никто не спрашивал, поэтому все трофейные пулемёты были «размазаны» ровным слоем среди подразделений мотопехотного батальона.

Впрочем, это было ещё не всё. Пехотинцы где-то нашли сразу три новеньких германских пистолета-пулемёта MP-38. Где они их нашли — одному богу известно. Но факт остаётся фактом — в мотопехотном батальоне появились первые три автоматчика.

Меня же, помимо бронетехники порадовал другой трофей. Вернее, для меня он не был чем-то необычным, но для местных оказался чем-то... недостижимым что ли? Я, если что, о канистрах, которые лежали буквально в каждой немецкой машине или были закреплены на

бронне германских танков.

В самой канистре не было ничего сложного. Да и похожа она была на те самые канистры, что мне довелось видеть в своём, двадцать первом веке: изготовленная из штампованного металла, соединённая сваркой, весила эта ёмкость для жидкостей всего четыре килограмма, имела три ручки для переноски и обладала прямоугольной формой благодаря чему её можно было складывать друг на друга штабелями, что позволяло облегчить перевозку.

Казалось бы — простая вещь, вот только в Польской Армии её не было! Впрочем, не только в польской. В СССР, Британии и США, вроде как с ними познакомились благодарно немцам, подарившим такую незаменимую вещь разным странам в виде трофеев.

Плохо было только одно — в канистрах был залит бензин. А большинство моих танков имело дизельные двигатели и питались соляркой. Но зато — все немецкие машины и танки оснащались бензиновыми двигателями, так что, трофеи всё ещё можно было удачно использовать в наших целях!

А вот обидно было, что германские зенитные автоматы привести в порядок так и не удастся — повреждены они были основательно и требовали либо заводского ремонта, либо, вообще, переплавки. Зато парочку германских 105-мм полевых гаубиц можно было приспособить к делу вместе с полугусеничными тягачами. Впрочем, оприходованием «крупнокалиберных» трофеев занялись подразделения третьей пехотной дивизии легионов, которые, наконец догнали нас.

Какое-то время ушло на формирование экипажей из «безлошадных» — танкистов, чьи машины были повреждены или уничтожены в бою, но сами люди умудрились не только покинуть обречённые без движения танки, но и выжить в последующим бою.

Хуже всего обстояло с офицерами. Из командиров рот у меня остался только поручик Зигфрид Лось, который в ходе последнего боя был контужен, два двое молодых командиров взводов. Остальные выбыли из состава батальона либо в связи со смертью, либо по ранению.

Вообще, за выбытием личного состава следили максимально серьёзно. Я же делал пометки в своём блокноте: кто погиб, а кто отправлен в госпиталь. В моём понимании, нужно постараться сделать так, чтобы на этой войне со всех сторон было как можно меньше пропавших без вести солдат...

Несколько десятков минут ушло на формирование походного ордера. С Янеком приняли решение, что наши батальоны будут двигаться одной большой колонной.

В качестве головного дозора, впереди пустили четыре мотоцикла с колясками из батальона капитана Галецкого и пехотный взвод на двух грузовиках с радиостанцией. От танкистов вперёд пошёл трофейный броневладелец Sd.kfz 221 с недавно сформированным экипажем. Были в составе дозора и специально обученные на регулировщиков бойцы с флажками, чтобы в случае необходимости организовать на перекрёстках движение должным образом.

В полукилометре от дозора двигалась сводная колонна. Впереди — все мои одиннадцать 7ТР, сведённых в отдельную танковую роту. Следом — мотопехотная рота на грузовиках. За ними штабы обоих батальонов и одна ремлетучка, тыловые подразделения и очередная мотопехотная рота.

Моя ремонтная рота, трофейные танки и взвод, созданный из Калишских полицейских оставались на месте. Как и большая часть «безлошадных» танкистов — для пополнения экипажами восстановленной техники. Остался и один грузовик с радиостанцией с

бензовозом — на всякий случай.

Колонна двигалась не быстро — километров около тридцати в час, но более-менее-организованно. Во всяком случае, за небом было организовано наблюдение, да и бойцы, почувствовавшие вкус первых побед, вели себя уверенно, что не могло не радовать.

Вдоль дороги то и дело попадались следы войны: то расстрелянная с воздуха одиночная машина с польскими номерами и трупами в военных мундирах в кабине, остов старенького польского сгоревшего броневедомобиля, то тела в гражданском, лежащие в беспорядке возле пары телег и бричек — асы люфтваффе не особо стремились разобраться, кого бомбить, оттачивая своё мастерство на беззащитных целях.

Впрочем, война велась не в одни ворота — у одного из поворотов все с радостью обнаружили «воткнувшийся» в землю и сгоревший «Мессер» с чёрными крестами на фюзеляже. Да и остовы германской техники стали попадаться всё чаще и чаще: то застывшая на обочине с открытыми дверьми неброская легковушка, однако, с номерами «WH — ...», относящимися к Вермахту, то парочка грузовых «Опелей» на прострелянных колёсах и с побитыми стёклами, с наспех намалёванными белыми медведями на бортах кузовов и дверях кабин. Разок даже попала пара подбитых германских лёгких танков PZ.1.

Но больше всего меня удивило, когда от одного из перелесков, прямо через поле в нашу сторону, поднимая столбы пыли помчался окрашенный в серый цвет армейский мотоцикл. Мы как раз в это время стояли у Т-образного перекрёстка, пропуская идущую нам навстречу колонну из десятка различных подвод, перевозящих раненных в сопровождении десятка улан.

Я потерял было из вида мотоцикл, но он неожиданно резко выскочил на дорогу, и, обдав дымом из выхлопной трубы нос одной из лошадей, умудрился протиснуться между подводами и остановиться возле моего танка.

Какого же было моё удивление, когда я опознал в молодом командире в пропыленной форме, стянувшем с глаз мотоциклетные очки-консервы, отделившегося вчера от батальона своего офицера разведки и тактики батальона — подпоручика Северена Маршалека, командира одной из посланных вчера на запад конно-механизированной группы.

Вид у подпоручика был, что называется, боевой.

Дорожная пыль, казалось, въелась в молодого двадцатилетнего офицера, состарив его на пару лет. Некогда по-щегоольски скроенная из дорогого материала полевая форма успела потерять свой былой лоск и слегка пообтёрлась. Сам же офицер был перепоясан ремнями портупей, на которой было закреплено огромное количество непредусмотренных уставом вещей. Помимо полевой сумки и кобуры с пистолетом, я обратил внимание на длинный немецкий кинжал в ножнах и брезентовый подсумок на три магазина к пистолет-пулемёту. Из-за ремня торчали сразу три немецкие гранаты-колотушки и рукоятка точно такого же как у меня трофейного пистолета «Люггер». Из-за спины, стволом вниз торчал трофейный пистолет-пулемёт MP-38.

Да и на голове у него вместо привычной фуражки, окрашенный в оливу шлем Wz.31. Именно к нему подпоручик и приложил два пальца, пытаясь перекричать работающие на холостых оборотах двигателя танков:

— Пан поручик, разведывательный отряд...

Впрочем, торчать из башни я не остался — вылез из танка и подойдя поближе, протянул руку для рукопожатия. Тот пожал её и продолжил доклад, крича уже мне на ухо:

— За вчерашний день было два боестолкновения с противником! За сегодняшний день,

также случилось два столкновения! Крупных сил противника избегали. Взяли трофеи! Потери за всё время составили тридцать два человека, включая тех, кто прибился к нам из других частей!

Последняя фраза меня обрадовала — прибившихся можно попытаться удержать в составе батальона, усилив итак внештатный взвод пехоты до целой роты. На всякий случай уточняю:

— Кто прибился? Сколько людей? Какие трофеи?

— Разные люди прибывались, пан поручик! Несколько полицейских, пограничники, пехотинцы из различных батальонов десятой дивизии, оттуда же прибилося отделение сапёров! Есть несколько артиллеристов. Они сейчас осваивают трофейные пушки!

Я присвистнул — интересно, какие пушки мой разведчик умудрился умыкнуть? Примерно такой вопрос я ему и задал.

— Две противотанковых, калибром в тридцать семь миллиметров. Расчёты сводные. Из артиллеристов и пехотинцев. Буксируются двумя немецкими грузовиками. Командует сержант-старослужащий. Трофеями взяты пулемёты и ещё четыре грузовика и легковушка. Все наши танкетки целы и невредимы! Ещё есть три германских мотоцикла. «БМВ»!

Я в очередной раз за день обрадовался — мой подчинённый оказался не просто хомяком, который тащит всё и вся, но и смог проявить себя как неплохой организатор.

— Твои далеко? — Спрашиваю я.

— Никак нет! Рядом! — Отвечает подпоручик и машет рукой себе за спину. — После перелеска мы вашу колонну нагоним! Только это, радиостанция у меня сломалась!

— Ну и чёрт с ней, с этой радиостанцией! Новую получишь! Всё, начинаем движение! Догоняй, подпоручик!..

В небе пару раз появлялся германский самолёт-разведчик. На этот раз это был не «костыль», а что-то другое, что я определить не смог. Один раз немецкий лётчик попытался спуститься поближе и пройти над колонной. Зачем ему это было нужно — не знаю, но получив предупреждение из более чем двух десятков ручных пулемётов и неизвестно скольких винтовок, немец набрал высоту, и, сделав пару кругов вокруг колонны, удалился по-аглички — не попрощавшись.

По колонне тут же пронеслась команда — усилить внимание за небом. Не хватало ещё прозевать налёт германской авиации. Но к счастью, на нас асы из «Люфтваффе» не налетали. Но это только нам так повезло, причём, по непонятно мне причине. Другим подразделениям доставалось достаточно серьёзно — это становилось понятнее и понятнее с каждым пройденным километром по направлению к государственной границе.

Несколько раз наша колонна обгоняла батальонные пехотные коробки и несколько редких артиллерийские батареи на конной тяге из третьей пехотной дивизии Легионов. Что меня радовало, что пехотинцы, что артиллеристы сами уступали дорогу, не начиная устраивать скандалы и практически не заставляя нас сбавить скорость. Должно быть, офицеры понимали, что танки и грузовики движутся быстрее, чем пехота и артиллерийские орудия на конной тяге.

На очередном перекрёстке колонна остановилась. На импровизированном контрольно-пропускном пункте, личный состав которого прикатил на двух мотоциклах «Сокол» с колясками и установленными на них ручными пулемётами и лёгкого броневика, как выяснилось, ждал именно нас. Во всяком случае, старший поста потребовал вызвать поручика Домбровского и капитана Галецкого. Эта весть достаточно быстро прошла по

колонне, и вскоре, мы предстали пред очи местного начальства.

Нас ждал целый пехотный капитан аж с двумя пакетами. Расписавшись в получении, мы с Галецким их тут же вскрыли и прочли новый приказ. Быстро сверившись с картой, прикинули примерный маршрут движения, и вновь направились к колонне.

Полевой командный пункт командира кавалерийской бригады расположился километрах в трёх от государственной границы, неподалёку от перекрёстка просёлочных дорог, в удобном перелеске. Вокруг, несли дозор уланы уже знакомого мне ротмистра. Он же и подсказал нам, где неподалёку можно расположить всю нашу многочисленную технику. Немаловажно, что Яблоньский показал небольшой ручеек с ключевой водой, где мы смогли ополоснуть свои лица и сбить дорожную пыль с формы, прежде, чем направиться к командиру бригады.

На приведение себя в порядок потратили около десяти минут. Я даже успел стянуть с себя замызганный танковый комбинезон и пропотевшую форму, чтобы переодеться в чистый солдатский комплект, поверх которого надел запасной комбинезон, который я одолжил у одного из танкистов — негоже появляться перед генералом, как босяк какой-то.

Капитан Галецкий был примерно такого же мнения, поэтому также смог где-то раздобыть чистый комплект полевой офицерской формы. Он даже где-то нашёл щётку с ваксой, которой мы наскоро освежили свою обувь.

От всего неуставного также решили отказаться. Поэтому на моей голове красовался берет танкиста, ремни португепи туго перетягивали мою фигуру, а на ремне у меня кроме полевой сумки и кобуры не было ничего закреплено — ибо незачем дразнить генерала, может быть он приверженец устава и вместо продуктивной работы устроит нам разнос за неподобающий внешний вид, недостойный офицеров Войска Польского? Кто их, этих генералов знает? Лично я в своей жизни до «попадания» знал только одного генерала. Ну да его вся страна знает, этого генерала в исполнении Алексея Булдакова в «особенностях национальной охоты». Да и логично, что киношный герой отличается от реальных генералов, тем более, что и время, и страна совершенно иные.

Наконец, критически осмотрев друг друга, пришли к выводу, что лучше мы выглядеть уже не станем, да и генерала больше заставлять ждать не нужно, мы направились к временному расположению штаба кавалерийской бригады.

Вопреки моим ожиданиям, всё было достаточно скупо обставлено. Из удобств было лишь несколько небольших складных столиков, составленных так, чтобы из них был организован один большой стол, на котором уже лежала крупномасштабная карта местности и различные принадлежности для работы с картой, да пара-тройка складных стульев. Радиостанцию расположили тут же, буквально в десятке метров в стороне, не став её выгружать из большой телеги. Лишь связист при помощи товарища забирался на дерево, да тянул проволочную антенну вверх, желая, видимо, увеличить дальность связи...

Это был вечер второго сентября 1939-го года... Впереди у всего мира были ещё долгие годы войны...

Глава 11. Вечер-ночь со 2 на 3 сентября 1939 года. Поручик Домбровский

Интерлюдия

За весь световой день второго сентября 1939 года в полосе действия 8-й германской армии

сложилась весьма сложная обстановка, отличительная от истории Второй Мировой Войны мира,

откуда прибыла вселившаяся в тело Домбровского сущность жителя двадцать первого века.

Созданной по инициативе командующего армией «Познань» генерала Кутшебы оперативной

группе генерала Альтера своими стремительными действиями удалось нанести серьёзный урон

24-й германской пехотной дивизии, заставив её поспешно отступать к государственной границе. В

ходе нескольких боёв был дезорганизован, разбит и частично пленён 31-й пехотный полк 24-й

дивизии Вермахта. 32-й и 102-й пехотные полки дивизии, потеряв до батальона пехоты каждый,

сумев сохранить организацию и оставляя заслоны, смогли отступить к укреплениям «Лагеря

Дождевого Червя», укрепив тем самым пограничные подразделения немцев, занимающих эти

укрепления. Серьёзные потери также понесли 24-й артиллерийский полк и приданный ей 1-й

дивизион 60-го артиллерийского полка, которые в нескольких боях потеряли до половины

личного состава и орудий. 24-й разведывательный батальон, вынужденный также вступить в

затяжные пехотные бои, отступал с боем на запад.

Попытавшиеся было вести преследование уланские полки пересекли государственную границу,

заняли несколько приграничных германских поселений, после чего уперлись в серьёзные

немецкие укрепления, которые сходу занять не удалось, были вынуждены перейти к обороне.

К несчастью для германского командование, подобный вариант развития событий был заранее

продуман штабом генерала Кутшебы, который, к тому же, к исходу дня смог наладить связь и

взаимодействие с командованием армии «Лодзь», которая уже вторые сутки вела активные

боевые действия с немецкими частями 10-й армии.

По приказу генерала Альтера, части 25-й пехотной дивизии (бывшей дивизии генерала Альтера)

начали окапываться вдоль линии государственной границы фронтом на запад, попутно активно

ведя разведку на немецкой территории, имея целью захват языков, а также поиск слабых мест в

обороне противника.

Разрозненные подразделения 10-й пехотной дивизии армии «Лодзь», которые всё первое

сентября, а также весь световой день второго сентября вели тяжелые оборонительные бои,

получили передышку, которая позволила командиру 10-й дивизии генералу Диндорф-Анковичу,

наконец, собрать за ночь полки дивизии в единый кулак, получил время на приведение подразделений в порядок и перегруппировку, а также приказ о переподчинении командиру

оперативной группы, генералу Альтеру.

Третья пехотная дивизия Легионов, под командованием полковника Мариана Турковского,

получавшая весь день первого сентября автомобильный транспорт, мобилизованный у местного

населения, к ночи сформировал три моторизованных батальонных тактических группы, которые

устремилась в ещё открытый немцами фланг, на юг, вдоль государственной границы, атакуя

мелкие гарнизоны и подразделения противника на марше.

Из-за создавшейся угрозы, командир 10-го армейского корпуса Вермахта, генерал Вильгельм

Улекс на свой страх и риск отдал приказ о немедленном переходе к обороне 30-й пехотной

дивизии, которая по его замыслу должна была оперативно загнуть свой оголённый левый фланг.

Командир 30-й пехотной дивизии, генерал от инфантерии Курт фон Бризен всерьёз отнёсся к

угрозе, и, приказал выделить весь автотранспорт дивизии для оперативной переброски 46-го

пехотного полка, 30-го сапёрного батальона и 30-го противотанкового батальона на фланг

дивизии. В том же направлении перебрасывался и 30-й запасной пехотный батальон.

Ночью со второго на третье сентября 1939-го года никто не спал — командование по обе линии

фронта слало рапорты своему начальству с просьбами предоставить всевозможное подкрепление. Стоит сказать, что со свободными силами у обеих сторон было весьма скудно, да и

командование 8-й армии отход 24-й пехотной дивизии восприняло как временные трудности, из-

за чего потеряло несколько драгоценных часов, подарив польской стороне инициативу, которой и

поспешили воспользоваться командиры польских частей.

Всего было сформировано четыре мобильных моторизированных батальонных группы (одна из

них с танками), усиленных артиллерийскими и противотанковыми батареями, а также немногочисленными зенитными пулемётами и автоматами. С небольшим отставанием,

следом за

моторизованными группами следовали уланские эскадроны и полки, кавалерийской бригады

генерала Абрахама, а также, пешие полки третьей пехотной дивизии Легионов.

Несколько позже, один из офицеров связи штаба 8-й германской полевой армии напишет:

«Когда меня спрашивают, какой период войны для меня выдался самым жутким, я вспоминаю

ночь со второго на третье сентября 1939-го года. Сейчас, много позже, когда мы прекрасно

знаем, что в общем и целом, германский Вермахт наносил полякам одно поражение за другим,

странно осознавать, что в ту ночь всё висело на волоске...

Сложнее всего было принять правильное решение. Каждые десять-пятнадцать минут я бежал

к командующему нашей 8-й армией, генералу от инфантерии Йоханнесу Бласковицу!

Первые

несколько часов он не придавал значения паническим сообщениям, передаваемым нам из штабов армейских корпусов! В полтретьего ночи, когда командующий, наконец, оценил сложившуюся угрожающую обстановку, уже было поздно!

Польские подвижные группы, атаковавшие немногочисленные встречные гарнизоны на своём

пути, уже несколько часов рвали линии связи, захватывали топливо и боеприпасы прямо во

время транспортировки в наших грузовых колоннах! Уже через два дня некоторые подразделения наших дивизий стали испытывать проблемы с боепитанием! Из-за этих активных действий поляков нам пришлось отложить наступление на Лодзь, практически на

неделю!..

Всего же в ту ночь наши дивизии потеряли около тысячи человек убитыми и полутора тысяч

пропавшими без вести. Часть из них поляки смогли взять в плен...

Преступная халатность, допущенная генералом от инфантерии Йоханнесом Бласковицем

привела к затягиванию конфликта, чем смог воспользоваться польские генералы Кутшеба,

Альтер и Абрахам...»

Поручик Домбровский.

Совещание у генерала Абрахама длилось недолго. Нас представили незнакомому лично мне

полковнику, кратко сообщили, что я с остатками своего батальона, и, капитан Галецкий со своим

батальоном входим во вновь сформированную тактическую группу, которой будет командовать

вышеназванный офицер. После чего нас всех отпустили, и мы направились знакомиться с новым

начальством.

— Полковник Вихрь! — Вскинув руку к фуражке, коротко представился полковник. *

***Вообще, в данном случае Pulkownil Wichel, что переводится на русский, как полковник Вихрь.**

Мы также коротко представились, отдавая воинское приветствие:

— Капитан Галецкий, командир отдельного мотопехотного батальона.

— Поручик Домбровский, командир отдельного танкового батальона.

Я бегло осмотрел полковника:

Был он неопределенного возраста. Ему одновременно можно было дать и тридцать, и сорок, и, с

некоторой натяжкой, даже пятьдесят лет. Телосложения он был худощавого, но... одновременно

крепкого что ли? Ни рыба, ни мясо, в общем. Зато роста высокого. И с лицом типичного ботаника —

только без очков. Если бы полковник чуточку сгорбился и был одет в костюм-тройку, а на нос

повесил бы очки в тонкой оправе — был бы однозначно похож на какого-нибудь профессора. Вот

только короткая стрижка светлых волос, с едва заметной проседью выбивались бы из этого

образа. А вот умные и одновременно печальные голубые глаза этот образ бы дополнили однозначно. Впрочем, передо мной не преподаватель из высшего учебного заведения, а офицер

вооруженных сил воюющей страны, так что отнести к нему нужно с некоторым уважением.

Задав несколько уточняющих вопросов, полковник сразу же узнал, какими силами он располагает

и тут же обрадовал, что его оперативная группа состоит не только из наших батальонов, но и ещё

из нескольких отдельных подразделения: инженерно-сапёрного взвода, батареи 75-мм орудий и

противотанковой батареи 37-мм противотанковых орудий «Бофорс». Также в подчинении

полковника уже находился взвод мотоциклистов и целое отделение подготовленных разведчиков-парашютистов, закончивших обучение в военно-парашютном центре в

Быдгоще.

В общем, по нынешним временам, полковник в своих руках собрал достаточно внушительную силу. Особенно, если учитывать, что всё это хозяйство передвигалось на автомобилях, в том числе и на трофейных.

Пока мы шли к батальонам (полковник пожелал взглянуть на нашу технику), он коротко рассказал о себе, видимо, чтобы в дальнейшем у нас не возникало недопонимания:

— Перед войной я успел закончить Высшую Военную Школу в Варшаве. Войну встретил в Калише, с

семьёй. С первой бомбёжкой отправился в штаб двадцать пятой дивизии, с целью получить

назначение. Первого сентября находился при штабе дивизии, второго числа был направлен в

качестве наблюдателя в 29-й пехотный полк. Из отступающих частей, а также трофеев, собрал

противотанковую батарею и сводный сапёрный взвод. Скорее саперно-пулемётный. Выбил

автотранспорт. Сейчас я тут, с вами.

По просьбе полковника мы устроили краткий пересказ событий первого и второго дня войны.

Командир оперативной группы внимательно выслушал, после чего коротко сказал:

— Это хорошо, что вы уже получили первый опыт дневных боёв. Но сегодня нам предстоит ночной

бой. Нужно готовиться ко всему...

На осмотр наших батальонов полковник Вихрь потратил около часа. В первую очередь он

пообщался с офицерами, потом поужинал сухим пайком с солдатами и даже кого-то угостил

своими сигаретами. Коротко поблагодарив танкистов и мотопехотинцев за сегодняшний день,

полковник направился к ближайшему танку. С лёгкостью запрыгнув на броню, он осторожно

спустился в башню на место заряжающего, жестом показывая, чтобы я занял место наводчика

(командира).

— Поручик, прокатите меня на танке. Стыдно сказать, четвёртый десяток лет идёт, а танки я видел

только на картинках в справочнике. Раз уж вас мне подчинили, я должен знать, в каких условиях

вам предстоит идти в бой!

Я ненадолго задумался, после чего коротко заявил:

— Так точно, пан полковник. Устрою. Только вашу фуражку придётся сменить на шлемофон.

— Раз надо, значит поменяем! — Согласился офицер, после чего высунувшись из танка, подозвал к себе одного из танкистов, на голове которого красовался ребристый танковый шлем.

— Пан полковник, рядовой Мартин Дубицкий! — Подскочил к бронемашине танкист, вскинув два пальца к шлемофону.

— Лихо докладываешь, молодец рядовой! — Похвалил танкиста офицер, после чего протянул ему свою фуражку. — Давай поменяемся на время!

Танкист улыбнулся как ребёнок, получивший в руки долгожданную игрушку и стянул с головы свой шлемофон, протянул полковнику. Офицерскую фуражку же он надел на голову в тот момент, как полковник скрылся в башне. Присутствующие рядом танкисты и пехотинцы из батальона Галецкого засмеялись, увидев невысокого худощавого паренька, которому едва исполнилось восемнадцать лет, в чумазом танковом комбинезоне и в аккуратной, чистой полковничьей фуражке.

Быстро подсказав полковнику, как подключиться к танковому переговорному устройству и показав, как им пользоваться, я с удивлением услышал просьбу полковника: — Как достаются боеприпасы из укладки?

Я быстро зарядил оружие, достав боеприпас из укладки. Полковник внимательно следил за моими действиями. Когда я вернул снаряд на место, офицер несколько раз подряд зарядил и разрядил оружие. Потом уважительно кивнул: — Сноровка нужна. На ходу, должно быть, совсем непросто.

Достаточно быстро полковник ознакомился с приборами наблюдения, с местом командира и механика. Проследил, как я сел за рычаги управления и завёл танк. В момент, когда танк сдвинулся с места, полковник качнулся, но удержался на месте, едва не ударившись головой в шлеме о броню. Когда я увеличил скорость, а Вихрь переместился на место командира, он попытался прикинуть к прицелу, и, закономерно ударился головой. Из-за спины послышалось шипение, но остановиться полковник не потребовал.

Проехав вдоль опушки метров пятьсот, я неожиданно услышал в переговорном устройстве голос полковника: — Остановите машину. Не разворачивайте. Дайте я попробую. Если что, смело

поправляйте.

Я послушно уступил место. Полковник с трудом устроился на месте водителя — с его ростом это

было проблематично. Впрочем, Вихрь не жаловался, и, вначале неуверенно стронул танк с места

на первой передаче, потом весьма лихо развернул боевую машину на месте, и, не без труда, но

всё-таки отогнал танк обратно. С моей помощью полковник заглушил 7ТР, после чего достаточно

ловко выбрался из переднего люка. Офицеры и солдаты батальонов внимательно смотрели за

всеми манипуляциями полковника, который оказавшись на свежем воздухе засмеялся и произнёс:

— Ну всё, я, можно считать, теперь тоже настоящий танкист!

Остальные солдаты и офицеры робко подхватили смех.

Смеялись недолго. Взглянув на свои часы, полковник как-то посуровел и негромко начал свою

короткую речь, солдаты в этот момент затихли, подскакивали с мест и приняли некое подобие

строя, в котором перемещались независимо от рода войск и званий:

— Панове. Солдаты, сержанты, офицеры! Через час нам выступать. Через два мы уже вступим в бой.

Через три, вероятно, кого-то из вас уже не будет в живых! Я счастлив, что мне придётся бок о бок с

вами идти в бой! Я уверен, что мы выполним поставленную перед нами задачу и войдём в

историю, как герои! Панове офицеры! Через десять минут совещание у штабного автобуса

танкового батальона! Вольно! Разойдись!..

Через десять минут офицеры собрались возле штабного автобуса. Полковник начал знакомить нас

со своими подчинёнными. После короткого знакомства, полковник на карте обозначил примерный маршрут нашего движения. Отдельно обрадовался взводу связи в моём батальоне.

Кто-то из офицеров хмыкнул, намекая на Викторию, командира взвода:

— Да с таким взводным, любые связи прекрасны.

Полковник грозно посмотрел на говоруна из «своих» и тот поспешил извиниться, а потом и

заткнуться. Впрочем, сама Виктория сделала вид, что пошлый намёк в свой адрес не поняла.

Маршрут и порядок следования достаточно быстро обговорили. Также я передал всех «приблудышей», которые оказались в батальоне благодаря подпоручику Маршаллеку. В общем —

решали все организационные вопросы.

Прямо перед самым отбытием нас догнали ещё два лёгких танка 7ТР — ремонтники

постарались.

Обе машины были из ранних серий, вооруженные пулемётами. Отправление колонны отложили

ещё на пятнадцать минут — чтобы дозаправить танки.

Уже в сумерках начали формировать колонну.

Тут-то и пригодился взятый сегодня трофеем Sd.kfz 221. Он должен был идти первым, в небольшом

отрыве от мотоциклистов. Сделано это было для того, чтобы любого немца, который вдруг сможет

обнаружить броневомобиль, ненадолго замешкался, видя перед собой броню германского

производства. Следом за броневомобилем следовали два трофейных «Опеля» с разведчиками-

парашютистами. Хорошо было бы одеть их в немецкую форму, но её в нужном количестве не

было, поэтому даже не стали напрягаться. После грузовиков выстроили мотоциклетный взвод. Во

главе основной колонны — танки, единой ротой, под моим командованием, все тринадцать

машин. Вперемешку между ротами мотопехоты — артиллерийские батареи и штаб.

Пока под руководством младших офицеров и сержантов колонна выстраивалась в походный

ордер, командиры подразделений в очередной раз собрались вместе. Началось обсуждение

различных «типовых» неприятностей, которые могли бы встретиться нам на пути. Ненадолго

разразился короткий спор. Кто-то предлагал в случае боестолкновения с врагом остановиться на

занятых позициях, долго и муторно разворачиваться в боевые порядки (ночью, ага), после чего

провести разведку, и, только потом принимать дальнейшее решение.

Я же был резко против, считая, что только активными действиями нам получится добиться успеха.

На мою сторону тут же встал капитан Галецкий и мой начштаба, капитан Завадский. Полковник

согласился с нашими доводами и изрёк:

— При встрече с противником, действовать активно, навязывать свою инициативу!

Активно

использовать гранаты и штыки!..

Глава 12. Ночь со 2 на 3 сентября 1939 года.

Поручик Ян Домбровский

В ночной тьме двигаться было сложно — двигаться пришлось практически в кромешной темноте, увеличивая дистанции между машинами до полусотни метров. Из-за этого моторизовано-механизированная колонна растянулась практически на четыре километра. Отдельным пунктом можно отметить усталость — многие водители несли службу без сна с ночи тридцать первого августа на первое сентября 1939 года, то есть провели за рулём, с короткими перерывами уже больше двух суток. Конечно, водителям старались дать отдохнуть при любой возможности — но что такое сорок минут, да даже час отдыха на сырой земле, укрывшись шинелью и подложив под голову тощий армейский рюкзак? Смех, да и только.

Чтобы хоть как-то разгрузить водителей, за рули и рычаги управления садились все те, кто имел хоть какое-то представление об управлении автомобилями или танками. Вскоре, попеременно, за рулями оказались все, включая полковника Вихря. Я и сам сидел за рычагами танка, подменив молодого капрала, чьего имя мне так и не удалось запомнить.

С первыми немцами мы столкнулись около часа ночи, когда головной дозор подкатил к небольшой приграничной деревушке, через которую проходила дорога. На единственной дороге, проходящей сквозь населённый пункт, немцы спешно оборудовали контрольно-пропускной пункт. Впрочем, несмотря на то, что наступал только третий день войны, КПП они оборудовали славный: огневая позиция из мешков с песком, в которой был установлен станковый пулемёт времён первой мировой войны на треноге (MG-08), возле которого маячил часовой, неизменный шлагбаум, уже окрашенный в бело-черную зебру, с обязательной табличкой и надписью готическим шрифтом «Halt! Prüfung von Dokumenten!»*. Чуть в сторонке стояла обязательная будка для часового... И когда только поставить успели?

***Стой! Проверка документов!**

Бой был скоротечен и был больше похож на избиение младенцев.

Во всяком случае, гитлеровцы не успели организовать сколько-нибудь значимое сопротивление — сыграла ставка на темноту и следующий во главе колонны трофейный броневедомитель. А дальше вполне удачно сработали разведчики-парашютисты, которые успели снять часового и пулемётчика «в ножи».

После занятия КПП последовал условный сигнал карманными фонарями, и, следующий в головном дозоре взвод на немецких грузовиках, спешившись, начал проводить зачистку. Мотоциклисты же, с броневедомителем помчались вперёд по улице. Второй пост снять без стрельбы уже не получилось. Скороговоркой проговорил MG-34 с броневедомителя, снес пулемётчика, пару раз хлестко ударили карабины.

После того, как мотоциклисты наделали шума на другом краю деревни, они оперативно спешили и заняли круговую оборону. Тут же организовался пулемётный расчет для второго MG-08.

Немцы, разбуженные стрельбой, начали тут же выскакивать из домов, одетые кто во что горазд и выделяясь белыми нательными рубашками, майками и кальсонами были отлично

заметны на фоне ночной темноты. Вот только неплохо обученные в мирное время солдаты, покидали свои убежища с оружием в руках.

Вот только им это не помогло. На единственной улице, когда с двух сторон бьют пулемёты и винтовки, особенно не побегаешь. В общем — пришлось пострелять. И даже бросить несколько осколочных гранат, чтобы выкурить тех, кто попытался спрятаться во дворах.

Весь бой длился от силы минут пятнадцать, после чего всё кончилось. Последовал очередной сигнал фонариками, и, колонна вползла на улицу деревни. В населённом пункте сразу же стало тесно, всё свободное пространство на дороге и обочине было заставлено нашими танками и грузовиками.

Пехотинцы уже собирали тела немецких пехотинцев. Несколько разведчиков вели к штабному автобусу двоих пленных. Вскоре вдоль колонны пробежал посыльный от полковника с приказом: «Всем командирам подразделений к полковнику!».

Допрос пленных не занял много времени. Рядовой пехотинец не представлял для нас никакого интереса, в отличие от второго немца. Это был офицер, обер-лейтенант, причём, не первой свежести. Несмотря на то, что атака для него была внезапной, он успел не только натянуть штаны, но и накинуть на себя мундир. Сейчас же он спешно приводил себя в порядок перед вышестоящим, пусть и польским офицером. Ордунг — есть ордунг. Он у немцев в крови.

Переводчик не потребовался. Как выяснилось, полковник Вихрь весьма сносно говорил по-немецки, поэтому вопросы задавал сам, после чего переводил всем собравшимся результаты:

— Имя? Фамилия? Номер части? Должность?

— Ганс Фихте, герр полковник! Обер-лейтенант 10-й запасной батальон, 10-й пехотной дивизии! — С готовностью ответил на вопросы немецкий офицер. — Командир первого учебного взвода, второй учебной роты батальона!

— Где располагаются остальные взвода вашей роты?

Обер-лейтенант замялся. Полковник его подогнал:

— Ну же, обер-лейтенант! Война для вас уже закончилась. Зачем лишнее геройство, когда вы оказались в таких обстоятельствах? Итак, где подразделения вашей роты и батальона? Какие задачи выполняют?

Немец закрываться не стал. Ответил:

— Весь батальон растянут вдоль границы, в населённых пунктах. Несут гарнизонную и караульную службу до прибытия других подразделений.

Полковник кивнул. Немец задал ещё один вопрос:

— Что со мной будет?

— Как я и сказал, война для вас уже окончена. — Ответил Вихрь. — Скоро сюда подойдут наши основные силы. Мы сдадим вас им. Поедете в лагерь для военнопленных, после войны вернётесь домой.

— Благодарю, герр полковник! — Ещё больше вытянулся немец.

Полковник Вихрь задал ещё несколько вопросов. Потом обер-лейтенант показал на карте, подсвечиваемой карманными фонариками, где располагается штаб учебного батальона. После этого немца увели. С ним в охране остались три мотоциклиста, которые должны будут сдать пленных под расписку командиру первого же польского подразделения, которое войдёт в населённый пункт.

На передышку полковник нам дал десять минут — собрать трофеи (оружие и боеприпасы), оправиться, и, в очередной раз, заменить водителей. После чего колонна двинулась дальше, на этот раз по изменённому маршруту, построенному так, чтобы штаб германского батальона обязательно попал под наш удар. Благодаря тому, что за рули и рычаги сели более опытные водители, маршевая скорость оперативной группы полковника Вихря увеличилась километров до сорока в час.

Прежде чем добраться до германского штаба батальона, расположившегося в большой деревне в целых три улицы и полсотни жилых домов, у живописного озера, в котором, должно быть очень многие местные жители любят ловить рыбу, наша растянувшаяся колонна проскочила несколько хуторов в два-три домика и незанятую никакими войсками деревушку в два десятка домов.

Зато уже к трём часам ночи, прибыли на исходные позиции. Технику удобно спрятали за специально посаженной лесополосой, которая должна была защищать поле от ветра. Только заглушили моторы, как полковник уже отдал приказ о выдвижении третьей роты и взвода моих танкеток (5 ТК-3) вдоль озера на юг, с целью обойти деревушку с юго-востока и перекрыть вероятный путь отхода. Вторую роту мотопехотного батальона вместе с посланными вперед разведчиками послали обходить населенный пункт с северной стороны, с задачей развернуться цепью и установить трофейные станковые пулемёты так, чтобы ни один пеший немец не смог уйти в том направлении. Первой роте, сапёрам и спешенным мотоциклистам при поддержке всех 13-ти моих танков предстоит атаковать населённый пункт в лоб. Артиллеристы тут же, развернули свои орудия и при помощи пехотинцев из первой роты выкатили батарею к опушке лесополосы так, чтобы была возможность оперативно перенести позиции батареи в поле, и, при необходимости, следуя за пехотой, поддерживать её огнём. На всякий случай развернули и батарею 81-мм миллиметровых минометов из батальона Галецкого. Совместно с каждой ротой шёл радист с радиостанцией. К половине пятого утра были получены сигналы о готовности.

План атаки был предельно прост — атаковать с рассветом. Пехотой и танками сблизиться с деревней, энергичными действиями ворваться на окраину, закрепиться. Попутно ведя как можно больше огня. Главная цель — выгнать немцев на пулемёты засадных рот. По возможности, взять пленных офицеров и документацию штаба.

Потянулись томительные минуты ожидания. Наконец, на востоке, как бы нехотя начало светлеть. Полковник тут же отдал по радиации сигнал — три семёрки.

Застывшие на броне в ожидании атаки бойцы из первой роты батальона капитана Галецкого, закутанные в маскировочные балахоны нервно сжимали в руках свои карабины и ручные пулемёты.

Взревели тринадцать дизельных двигателей. Быстро набирая скорость, вперёд помчали танки. Те же пехотинцы, которые не смогли разместиться на броне, уже организовав цепь, низко пригнувшись к земле, бежали куцей цепью за танками.

Немцы на очередном аккуратном блокпосте на нас обратили внимание не сразу. Почему? Да чёрт их знает? Может скучающий Ганс или Фридрих, который вёл наблюдение в этом направлении подумал, что ему приснились эти небольшие коробочки, ползущие из перелеска неподалеку? Так или иначе, но прежде чем один из немецких часовых сделал первый выстрел, мы успели преодолеть метров триста открытого пространства. Ещё полкилометра оставалось преодолеть, когда запоздалой скороговоркой заговорил пулемёт, установленный на огневой позиции в ДЗОТе.

Огнём из танков мы отвечать не стали. Буквально через минуту после первой выпущенной германским пулемётчиком очереди, артиллеристы, следующие за пехотной цепью, открыли беглый огонь по германскому укреплению. Вначале одно орудие выстрелило. Потом второе. Третье. После четвёртого выстрела немецкий пулемёт замолчал.

Не доходя до ближайшего заборчика десятка метров, танки остановились как вкопанные. Пехотинцы из первой роты батальона капитана Галецкого, наученные за лето как действовать в подобной ситуации, попрыгали с брони, и, низко пригибаясь к земле, бросились к невысоким оградкам. В смотровые щели и танковый прицел я хорошо видел, как несколько бойцов в маскировочных балахонах, расцветкой похожей на советские «Амёбы», вооруженные карабинами «Маузер», перепрыгнув через ограду, бросились к дому.

Слева и справа, вдоль всех крайних домов, польские пехотинцы врываются в здания, проводя зачистку — оставлять живого противника в тылу не хотел никто. Несколько раз хлётко выстрелили винтовки (я этого не слышал), пару раз «бахнула» граната (этого я тоже не слышал, находясь в танке). Вскоре к танкам подбежала пехотная цепь из тех, кто перебежал через поле пешком.

В люк башни постучали. Приоткрыв его, я выглянул наружу. Выглядывая из-за башни, на крыше моторно-трансмиссионного отсека расположился молодой поручик — командир пехотной роты — в таком же, как и его бойцы балахоне.левой рукой он держался за скобу, приваренную к стенке башни, а в правой у него был зажат пистолет.

— Танкист, двинешь по улице не спеша? Мы за тобой!

Из люка у меня торчала только голова в танковом шлеме, да и погонов на комбинезоне нет, поэтому офицер обратился ко мне, как к обычному солдату. Ссориться с пехотинцами я не стал, лишь коротко кивнул, после чего вновь скрылся под башней, переключил режим ТПУ на рацию, начал вызывать своих:

— Бук-2, Бук-3, Бук-4, Бук-5, Бук-6, по две машины по дороге. Медленно. Пехота за нами!

Поочередно отозвались командиры названных машин. Оставшиеся семь танков, как и было обговорено ранее, под руководством поручика Зигфрида Лося, отходят назад становятся подвижным резервом полковника.

— Механик! Вперёд, медленно! По левой стороне дороги!

— Слушаюсь! — Отозвался молоденький капрал и плавно тронул танк вперёд.

Я завертел маховиками наведения. Башня начала медленно поворачиваться. Чтобы не оторваться от пехоты, которая ведёт зачистку в домах, приходилось то и дело бросать прицел и прикидывать к смотровым щелям. Видно было плохо, но разбираться кто есть, кто мне удалось успешно.

Судя по тому, что пехотинцы достаточно быстро пробирались к центру деревушки, гитлеровцы практически не квартировали в частных домах. Ну, либо, они квартировали на другом конце населённого пункта.

Организованное сопротивление мы встретили в самом центре деревни, на небольшой площади, которую, судя по нескольким небольшим деревянным киоскам (или их правильно назвать палаткой?) установленным двумя небольшими рядками, использовали в качестве рыночной. По правую руку расположился большой двухэтажный дом, сложенный когда-то давно из камня. Судя по внешнему виду и некоей «помпезности», это было чьё-то дворянское поместье. Во всяком случае, массивные ступени с колоннами и выложенная ко входу брусчаткой дорога, а также причудливой формы фонтан говорили именно в пользу

этой версии.

Конечно, квартирующие внутри немцы внесли ряд изменения в изначально задуманный дизайнером дизайн: на колоннах повесили длинные красные полотнища с белыми кругами, внутри которой была изображена германская свастика; возле массивных ворот, перекрывающих въезд в усадьбу, организовались выложенные из мешков с песком позиции и ставшие привычными за сегодняшнюю ночь будки для часовых по обе стороны от ворот.

В голове даже мысль пронеслась — «это насколько они быстрые, что за два дня войны успели тут так освоиться?». Впрочем, раздумывать было некогда.

Для «проформы» я прошёлся длинной очередью по будкам, в которых уже не было часовых, потом, на всякий случай, парой маломощных осколочно-фугасных снарядов развалил укрытия из мешков с песком.

Водя башней из стороны в сторону, я осматривался по сторонам.

Судя по-практически двум десяткам машин, которые стояли за оградой усадьбы, штаб немецкого учебного батальона и подразделение охраны квартировали именно здесь. Хуже всего, что здание двухэтажное, и, из некоторых окон второго этажа уже начали вести огонь германские пулемётчики.

Для острастки я и другие танкисты задрали стволы орудий, благо позволяла дистанция и начали обстреливать верхний этаж, целясь преимущественно в те окна, откуда стреляли германские пулемётчики.

Пехотинцы из моторизованного батальона капитана Галецкого, заняв все мало-мальски подходящие укрытия, тут же принялись поливать здание из всего, что у них было в наличии. Казалось, каждый пехотинец понимал, что если им придётся штурмовать это огромное двухэтажное здание, то потери будут весьма серьезными, вот и выкладывались жолнежи, стараясь убить как можно большее количество гитлеровцев, находясь на относительно безопасной дистанции.

Я же напрягся — такими темпами немцы попросту сожгут всю документацию штаба батальона до того, как мы до неё доберёмся! А ведь на их картах могут быть указаны позиции других немецких войск! Нужно было что-то срочно делать! Понимал это и полковник Вихрь, который уже отдал приказ о вводе в деревню всех оставшихся сил.

Часа пол потребовалось, чтобы во всех прилегающих дворах организованно разместить бойцов ещё одной мотопехотной роты. Третья мотопехотная рота и взвод полицейских должны были занять оборону в крайних домах со стороны дорог и вести наблюдение за округой.

К бою подготовили и трёхдюймовые орудия — их более солидный калибр может потребоваться очень скоро.

Впрочем, долго мне пострелять не дали. Вначале поступил приказ полковника по всем подразделениям — «Прекратить огонь!», а потом меня вызвал к себе Вихрь и отдал совершенно бестолковый, по моему мнению, приказ — Привести себя в порядок!

Пришлось бежать к ближайшему колодцу и умываться, чистить сапоги. Потом один из работников штаба моего батальона прошёлся щёткой по моей полевой форме, в которой я и предстал перед полковником Вихрем.

Командир оперативной группы изучающе на меня посмотрел, после чего вынес вердикт: — Отлично! То, что нужно!

И протянул мне небольшой белый флажок.

Стоит сказать, вначале я не понял зачем он мне, а потом, когда до меня дошло — я

заковыристо выругался по-русски, надеясь, что полковник не поймёт. Он понял. И это меня удивило больше всего. Он понял, но не сказал ни слова. Но по взгляду я понял, что мне ещё предстоит разговор с этим офицером. И разговор этот, будет, как говорится, тет-а-тет.

Глава 13. 3 сентября 1939 года. Утро. Поручик Ян Домбровский

Это было утром, третьего сентября 1939-го года. Одного из долгих дней Второй Мировой Войны...

Переговоры подготовить — не так-то просто, как могло бы показаться. Вначале нужно прекратить стрельбу, раздобыть где-то белые флаги, оповестить противника и понадеявшись на то, что враг захочет вести переговоры, отправить переговорщиков.

Флаги подготовить — не самое сложное. Как-никак мы находимся в населённом пункте, поэтому набрать белых простыней несложно. Сложнее их вывесить так, чтобы на них обратили внимание, осмелевшие из-за прекращения огня немцы, умудрившись при этом, не потерять людей, которые эти самые флажки будут вешать!

Пока специально назначенные полковником Вихрем люди подготавливали всё необходимое, командир нашей сводной оперативной группы занимался инструктажем меня и молоденького стрелка из разведчиков-парашютистов, который, как выяснилось, неплохо говорил по-немецки.

— Ведёте себя спокойно, можно даже сказать, лениво, но при этом чётко и корректно. Главная задача: донести до командира германского батальона, что покинуть это здание живыми они смогут только, согласившись сложить оружие. В ином случае, пленным брать не будут, а здание просто взорвут.

Я послушно кивал, мысленно выстраивая последовательность своих действий.

— Помните, что нас тут много больше, чем немцев. Как бы невзначай можете сказать, что в наступление перешли сразу три наших армии, а наступление это проходит весьма успешно. Проверить это они никак не смогут. На наше счастье, в вашем батальоне, поручик, имеются весьма мощные радиостанции с квалифицированными специалистами, которые уже последние полчаса забивают эфир всякими небылицами. Проводную связь разведчики уже обнаружили и вывели из строя. И главное, поручик. Если поймёте, что противник на переговоры не рассчитывает, просто уходите.

Отправлять на гибель, полковник Вихрь нас не собирался. Именно поэтому к забору уже подобрались пехотинцы и сапёры, которые в случае чего должны будут сделать проходы в ограждении, через которые штурм начнёт рота из батальона капитана Галецкого. Для убедительности, на виду у немцев выставили сразу пять танков 7ТР и пару орудий калибром в 75-мм.

Впрочем, как потом мне расскажет капитан Галецкий, всерьёз атаковать в лоб никто не собирался — разведчикам удалось обнаружить более-менее удобный проход к дому со стороны воды, и, в случае непредвиденных обстоятельств, разведывательный взвод парашютистов и один из стрелковых взводов батальона Галецкого, а также отделение сапёров, должны будут совершить стремительный рывок, и, оказавшись под домом, ворваться в него с тыльной стороны, в тот момент, когда первая рота будет активно изображать атаку в лоб.

В общем — полковник позаботился, кажется, обо всём.

Впрочем, идти на переговоры всё равно было страшновато — в голову почему-то лезли кадры из ещё не снятого советского фильма, как гитлеровцы расстреляют направленных советской стороной переговорщиков, так и не выслушав требования командования Красной

Армии. Да, год сейчас не сорок четвертый, а тридцать девятый, да, передо мной обычные пехотинцы Вермахта, а не корпус Ваффен-СС, но идти всё равно страшно. Но нужно.

Переговоры... Переговоры прошли в нервной обстановке. А как ещё можно передать свои ощущения, когда ты наблюдаешь, что прямо тебе в лицо целятся из пулемёта и десятка карабинов?

К счастью, далеко от забора идти не пришлось — метров двадцать всего прошли и остановились шагах в десяти перед аккуратно вырытым окопчиком на двух человек, из которого прямо на нас смотрел ствол пулемёта. Что характерно, не германского производства. Судя по торчащему вверх коробчатому магазину, смутно напоминающему британский «Брэн», это может быть его прародитель, чехословацкий Zb.vz.26? Хотя что он бы тут делал? А с другой стороны — чехословацкие танки немцы же используют, значит, и стрелкового оружия также не сторонятся, тем более, что калибры практически по всей Европе одинаковые гуляют...

Долго размышлять над историей пулемёта, ствол которого смотрел в мою сторону, было бессмысленно. Тем более, что немецкие пехотинцы в окопчике зашевелились. Так, например, один из солдат, вооруженный карабином, из невидимой для меня ниши достал трубку полевого телефона и начал вызывать неведомое начальство, которое появилось через долгих пять минут.

«Ну уж нет! Ну нахрен! Это последний раз, когда я принимаю участие в переговорах на поле боя, в роли посланца одной из сторон!» — Пронеслась мысль в голове, когда из двери здания усадьбы показались двое.

Когда немцы приблизились, я с изумлением отметил, что на переговоры с германской стороны отправили сразу двух офицеров. Один из них, с виду постарше и как-то поматёрее что ли, двигался уверенно. Было видно — что это настоящий офицер, на счету которого не первая война, носил погоны обер-лейтенанта.

Второй офицер же, несмотря на то, что был немного выше своего товарища, выглядел обычным юнцом, наряженным в военную форму. Нет, форма на нём сидела нормально — подшита и ушита была где и как нужно, вот только... лицо. Детское. В этом лейтенанте я будто бы себя лет в шестнадцать увидел в зеркале, когда впервые отправился на реконструкцию по Великой Отечественной Войне... Форма, правда, в тот момент на мне была красноармейской, да с ефрейторскими петлицами. И зимой это было, к двадцать третьему февраля, поэтому на голове была шапка-ушанка, а не полевая фуражка. Но что-то общее между нами точно было. Наверное, тощая шея, которая торчала из воротника мундира? Не знаю...

Офицеры остановились в паре метрах от нас. У меня появилась возможность подетальнее их рассмотреть.

Обер-лейтенант был не молод. На вид, около сорока, и война эта, на его счету, точно не первая — о чём говорит лента Железного Креста 2-го класса и Железный крест 1-го класса на левой стороне груди. На левой щеке у обер-лейтенанта красовался неаккуратный застарелый шрам. А сам он выглядел как-то... слишком военно, по-фронтовому военно. Это очень сложно описать, но, если поставить к тебе спиной солдата-срочника и сержанта-контрактника, ты издали определишь кто есть, кто. По каким-то незаметным для большинства людей деталям, например, по движениям рук или шагу. Так вот, этот обер-лейтенант двигался как-то просто. Да, именно, что просто. Он не делал никаких лишних движений. Шёл спокойно и лениво. Но при этом просто. Тот же, сопровождающий его

лейтенант, шёл, как-то напряженно, едва не печатая шаг.

Вскинув руку в воинском приветствии, старший немецкий офицер представился:
— Обер-лейтенант Иоганн фон Холдау!

***Von Holdau** — **Lubodski** — рыцарский род, известный с 15 века в Западной Пруссии. Разные ветви этого рода с 1523-го года, используют только польские или немецкие фамилии.

Не знаю почему, но при взгляде на этого офицера хотелось вытянуться по стойке смирно, в качестве дани уважения что ли? Я слегка вытянулся, так, чтобы показать уважение, а не подобострастие, и, приложив два пальца к виску, представился:

— Поручик Ян Домбровский!

Германский лейтенант, вскинул руку в нацистском приветствии и также представился:

— Лейтенант Густав Меер! Хайль Гитлер!

Я мысленно выругался — нашёлся, гадёныш Гитлеровский! С таким ярым поклонником одного австрийского недо-арийского художника переговоры точно вести нельзя.

Впрочем, судя по изменившемуся взгляду обер-лейтенанта, он считал примерно также. Сопровождающий меня капрал также представился, после чего все формальности были соблюдены, и, мы перешли к делу.

— Я уполномочен своим командованием передать послание представителю германского командования! — Начал было я, после чего переводчик начал быстро переводить все сказанные мною слова. Немец внимательно слушал всё, что ему говорят:

— Я, от лица командира передового подразделения Войска Польского, предлагаю вашему командиру почётную капитуляцию! Вчера вечером сразу три наших армии перешли в наступление. Германские части оставляют свои позиции и отступают, бросая тяжелое оружие и технику!

Первым не выдержал молоденький лейтенант Вермахта:

— Вы лжёте!

Кричал, он, понятное дело по-немецки, но я его понял. Да и криком этот возмущенный писк назвать было сложно.

— Германский Вермахт никогда не будет... — Капрал быстро переводил мне слова молодого офицера. Обер-лейтенант же, казалось, вмешиваться вообще не собирался.

А у меня долго выслушивать визг этого молодого «арийца» с тёмными волосами и зелёными глазами желания не было, поэтому я его в грубой форме перебил:

— Герр лейтенант! Это мы вам выдвигаем требования о капитуляции! Если бы ваш хвалёный Вермахт не отступал, мы бы с вами не вели сейчас этот диалог!

Немец возмущенно набрал в рот воздух, надувая щёки, после чего потянулся к висящей на ремне кобуре, намереваясь быстро достать пистолет, и, похоже, рассчитывая нашить меня девятью граммами свинца. Вот только более дальновидный и больше повидавший в жизни обер-лейтенант положил свою ладонь на руку лейтенанта и негромко, на плохом, но понятном польском языке заговорил:

— Я приношу... прощений... извинений... мой коллега. Я передать... Ваш ультиматум... герр гауптман!

Извлечь из полевой сумки запечатанный конверт — дело нескольких секунд, после чего слежу, как принявший из моих рук послание обер-лейтенант прячет его в свою планшетку.

— От себя скажу, что моё командование на раздумье даёт всего полчаса. В случае, если вы будете согласны на предложенные нами условия, новая встреча состоится на этом же месте. Через полчаса.

Выслушав перевод, обер-лейтенант козырнул, и, развернувшись через левое плечо, с достоинством последовал к зданию усадьбы. Мы же, с капралом спокойно направились к своим. Немецкий лейтенант же, зараза такая, на прощание даже не козырнул...

Потянулись томительные минуты ожидания, после чего со стороны германских позиций вышел парламентёр. Это был всё тот же обер-лейтенант, в руках он нёс импровизированный белый флажок. На этот раз он шёл без сопровождающего. Передав исписанный аккуратным почерком листок, немец козырнул, и, повернувшись через левое плечо, удалился.

Полковник внимательно перечитал послание три раза, видимо, не веря своим глазам. Специально для меня, капрал перевёл несколько слов написанных по-немецки: «Мы согласны! Через пятнадцать минут, у главных ворот!».

Немцы выходили без оружия. Шли строем. Организованно. Походными взводными колоннами, выдерживая положенную по уставу дистанцию между взводами в целом, и отдельно взятыми солдатами в частности, будто бы показывая, что всё происходящее сейчас — это досадная нелепость, случайность, случившаяся на войне. Впереди — командир батальона, немолодой гауптман, похоже, также заставший Великую Войну.

Ему навстречу вышел полковник Вихрь. Коротко переговорив, немецкий офицер вынул из кобуры свой пистолет и протянул его нашему командиру. Тот взял его в руки. Что-то проговорил. Немец, церемониально повернулся через левое плечо, отдал какую-то команду своим людям. Те быстро перестроились на площади, встав недалеко от танков, не доходя до оцепления из пехотинцев лишь несколько метров.

Немецкий капитан в очередной раз обратился к полковнику Вихрю, тот внимательно выслушал германского офицера и что-то пообещал.

Немцы стояли молча, вытянувшись по стойке смирно, будто бы на параде.

Полчаса длилось это молчаливое представление, пока посыльный от зашедших в усадьбу по другим направлениям пехотинцев и разведчиков не доложил о том, что на территории усадьбы остались только убитые и раненые гитлеровцы.

Полковник тут же приказал развернуть полевой медицинский пункт. В помощь польским медикам тут же устремились несколько немецких санитаров, работающих под присмотром польских пехотинцев, которые собирали трофейное оружие и боеприпасы, вели его учёт.

В общей сложности сдались двести тридцать пять человек, среди них, почти два десятка офицеров — командиры подразделений учебной роты, служащие штаба учебного батальона, и, имевшие «счастье» остановиться на ночлег среди «камрадов» офицеры фельдъегерской службы.

Были взяты серьёзные трофеи. Одних грузовиков удалось захватить — два десятка. Ещё было четыре легковых «кюбельвагена», с десятков различных мотоциклов (четыре из которых, оказались, бывшими польскими) и ротную полевую кухню. Откуда здесь оказался немецкий полугусеничный бронетранспортёр Sd.Kfz.251 — мы так и не поняли. Мало их должно быть. Однако он тут оказался, и, мы им не побрезговали, вручив его разведчикам-парашютистам.

Стрелковое оружие разобрали по машинам. Пистолеты ушли к офицерам. Мне,

например, достался новенький Р-08 «Парабеллум», выпуска прошлого, тридцать восьмого года...

Взяли и батальонный пункт боепитания, который заботливые немцы тут же и расположили. Капитан Галецкий особо сильно обрадовался восьми ручным и четырёх станковым пулемётам, свалившимся «на его голову». Теперь, можно было сказать, что он командует моторизованным пулемётным батальоном.

Хорошо бы было взять документацию батальона, шифровальные книжки радистов, но перед сдачей в плен, немцы смогли их уничтожить.

А перед полковником Вихрем встал другой вопрос — куда девать такую прорву пленных? Немцев загнали в бывшую конюшню, расположившуюся на территории усадьбы. В охране придётся в очередной раз оставлять людей. В караул поставили мой «комендантский» взвод из полицейских, усилив его двумя отделениями пехотинцев из «пришлых». Всего — семьдесят три человека. Да при семи ручных пулемётах, и, паре противотанковых ружей. По нынешним временам — очень даже неплохо. Оставили и три грузовика с мотоциклом — чтобы с подходом наших частей, «комендачи» быстро попрыгали по машинам и имели возможность догнать нас. Все остальные мотоциклы с колясками забрали с собой, наскоро обучая водителей. А вот немецкие грузовики трогать не стали — водителей уже не хватает, пусть у пехоты голова болит.

Впрочем, перед отправлением, немцев в очередной раз вооружили. Малыми пехотными лопатами. Чтобы они имели возможность выкопать могилы для умерших на пустыре.

Захоронение, понятное дело, делали под присмотром охраны — чтобы у какого-нибудь отмороженного нациста не возникло желание наброситься на польских солдат с лопатой и завладеть оружием.

Пронесло. Даже тот молодой лейтенант особо не выпендривался. Хотя и смотрел злобно, исподлобья.

Перед началом дальнейшего движения, в штабном автобусе моего батальона состоялось небольшое совещание. Порядок движения уже был обговорен, требовалось лишь внести некоторые коррективы в маршрут. Полковник закономерно боялся, что немцы вышлют в этом направлении авиаразведку и она достаточно быстро засечёт наш передовой отряд. А дальше — несколько часов, и при должной везучести германских пилотов, и, от наших подразделений ничего не останется! Ну слишком уж слабая у нас система противовоздушной обороны!

Хуже всего, что местность дальше была, в основном, равнинная, без каких-либо крупных лесных массивов. Всего пара небольших перелесков будет на нашем пути! В редких же посадках такое количество техники никак не спрятать!

Ещё одной проблемой являлась усталость личного состава! Шофёры были за рулём весь вчерашний день и половину ночи! Спать приходилось на ходу, сажая за руль неопытных водителей! Только чудом пока ещё обошлось без аварий! Собственно, об этом я и решил доложить полковнику.

Командир нашей манёвренной группы меня выслушал, и, увидев поддержку моего мнения в глазах других офицеров, принял волевое решение:

— Располагаемся на отдых! Выдвижение в двенадцать ноль-ноль! До вечера будем двигаться без остановок! К этому времени, приказываю, провести осмотр и мелкий ремонт техники, накормить личный состав! Охранение, как обычно, на орлах капитана Галецкого!...

Глава 14. 3 сентября 1939 года

Поручик Ян Домбровский. 3 сентября 1939-го года. День

Знаете, чем хорош план? Тем, что в нём, зачастую, расписано всё, вплоть до мельчайших подробностей: кто, что, как и когда делает. А знаете, чем плоха война? Ну, кроме, конечно, разрухи, смертей и различных, в том числе, и демографических последствий? Тем, что на войне планы всегда идут через одно не литературное место.

Так случилось и в этот раз. Неспроста говорят, что любой план на войне хорош до первого выстрела, а дальше уже начинается импровизация.

Уже минут через пятнадцать-двадцать после начала движения колонны, противник смог определить направление нашего движения. А как иначе, если германский самолёт-разведчик неизвестной мне модели (высунувшись из люка башни, определить тип маневрирующего самолёта, следующего на высоте метров в семьсот определить для меня оказалось непосильно-сложной задачей), кружил над нами около получаса?

Сейчас бы, конечно, не помешало звено польских истребителей, пусть и устаревшие «пулавчане» могли попытаться сбросить с неба одного чрезмерно зоркого наблюдателя — сам видел вчера, как догорал германский разведчик, но чудес не бывает — по нашему заказу их никто не пришлёт, а случайно в этом районе они не пролетали. Поэтому пришлось смириться с наблюдателем со стороны противника и ждать авиационного налёта, усиливая внимание за небом.

Германские бомбардировщики заметили издалека — погода была хорошая, да и после обнаружения воздушного «глаза» противника, казалось, каждый боец всматривался в небо, стараясь первым увидеть самолёты противника.

Немцев было немного. Всего — шесть двухмоторных машин, которые шли двумя тройками. Какого типа они были? А черт их знает? Может быть, «Хенкель» Хе 111, а может быть, и, «Юнкерс» Ю-88, или, допустим, более ранние «Юнкерс» Ю-86? Главное, что это были не пикировщики «Юнкерс» Ю-87, которые, если верить различным теоретикам из моего времени, при должной сноровке могут сбросить свою 250-кг авиабомбу прямо на башню танка. Так это или нет? А хрен их разберёт, но проверять как-то не хотелось!

Авиаторы из Люфтваффе прибыли точно по нашу душу — это стало понятно, когда они начали развернулись таким курсом, чтобы пролететь над нашей колонной от самого конца к началу. Я тут же переключил радиостанцию на передачу и отдал короткую команду — «Воздух».

Как было уже отработано на учениях, танки и грузовики тут же свернули с дороги в разные стороны, и, увеличивая скорость, начали рассредоточиваться, снижая вероятность поражения техники батальона авиационными бомбами.

К тому моменту, когда на дорогу посыпались стокилограммовые авиационные бомбы, все танки и автотранспорт танкового батальона, а также те из водителей различных подразделений подвижной группы, что умудрились понять замысел «танкистов» уже рассредоточились.

Где-то за спиной слышались взрывы. Нет, не слышались, конечно — рёв работы танковых двигателей перекрывал всё, что только было можно, но почему-то мне причудилось, что я «слышу» эти взрывы, следующие серией, друг за другом, с малейшими

перерывами между ними... Может быть мне так показалось, потому что я «почувствовал» эти взрывы — земля то, стала заметнее трястись? Или мне кажется? Не знаю...

Налёт был недолгим — не были приспособлены фронтовые бомбардировщики к долгой работе по точечным целям. Немцы просто сбросили свои бомбы с высоты в полтора километра (может с большей, а может и с меньшей — я с линейкой не стоял и не измерял высоту, с которой по нам швыряли бомбы), как-то лениво развернулись и начали отходить на запад.

— Всем! Стой! — Отдаю приказ в радиостанцию и поворачиваю голову к дороге.

Несмотря на малое количество атакующих немецких самолётов, ситуация на дороге была плачевная... Больше сотни метров просёлка походили на «лунный пейзаж». Виднелись повреждённые, дымно чадающие и разгорающиеся грузовики. То тут, то там раздавались негромкие хлопки, выстрелы — это загорелся грузовик, перевозящий боеприпасы к стрелковому оружию... Начинал рваться груз.

Хорошо бы было вернуться к колонне и поискать раненых, попытаться оказать им помощь, но из-за рвущихся боеприпасов от этой идеи пришлось отказаться — полковник Вихрь не хотел рисковать сапёрами лишней раз...

Наскоро проверили потери. Моему батальону повезло — было лишь трое легкораненых, которые на излёте получили осколки, да капитан Завадский, мой начштаба, порезался стеклом, когда взрывной волной побило окна штабного автобуса. В общем, всё неплохо обошлось!

Хуже было в батальоне капитана Галецкого. Именно на одну из рот и снабженцев его батальона пришёлся основной удар. Потери ещё уточнялись, но по предварительным подсчётам погибло до полусотни человек (было прямое попадание бомбы прямо в кузов одного из грузовиков с пехотой), ещё вдвое больше получили ранения различных степеней тяжести.

Не обошёл осколок и самого Янека Галецкого. Впрочем, ему повезло — малюсенький осколок лишь оцарапал кожу на ладони его левой руки. Капитана наскоро перебинтовал санинструктор, после чего тут же бросился оказывать помощь остальным раненым.

Хмуро выглядел и полковник Вихрь — он ожидал вражеских налётов, был уверен, что они последуют, но радости от своей правоты как-то не испытывал.

По понятным причинам движение было остановлено. Требовалось принять решение, что же делать дальше. Сопревание собрали у штабного «Лазика» пана полковника. Препирались недолго. Хотя вообще не препирались. Вихрь, оправдывая свою фамилию, быстро принял решение:

— Оставляем санитарное отделение, поврежденные грузовики, отделение пехоты и пару трофейных мотоциклов! Водителям, привести грузовики в норму. Неисправную технику бросаем. Санитарам задача, оказать помощь раненым и эвакуировать их в тыл. Действовать осторожно. Остальным, вперёд!

Колонна выстроилась в походный ордер на неповреждённом участке дороги. Короткая переключка, проверка техники, и — вперёд.

«Это не последний налёт!» — пронеслась мысль в голове, когда я обратил внимание на вынырнувший из-за далёких облаков германский самолёт-разведчик. К сожалению, я оказался прав... Уже через полчаса, колонна вновь подверглась бомбово-штурмовой атаке противника. На этот раз в атаку заходили сразу двенадцать манёвренных бипланов, чем-то напоминающих советские «Чайки». Вот только с крестами на фюзеляжах.

По несерьёзного (на фоне «Штук» и «Мессеров») вида машинам стреляли, кажется, из всего, что в принципе может стрелять: из винтовок, ручных пулемётов, противотанковых ружей, и, кажется, даже из пистолетов. И что немаловажно — стрельба эта не оказалась безрезультатной! Один из немецких самолётов врезался в землю недалеко от дороги, а второй, как-то неуверенно отвернул, и ушёл в сторону, что называется, «с дымком».

Потери, которые понесли «Асы Геринга» заставили действовать пилотов Люфтваффе осмотрительнее. Наверное, поэтому они побросали бомбы куда глаза глядят, а потом набрав высоту, с полукилометра сделали пару заходов на пикировании, ведя огонь по грузовикам из пулемётов винтовочного калибра?

Серьёзных потерь в технике после этого налёта не было, но и несерьёзные потери оказались чувствительными... Пришлось оставить на дороге сразу два грузовика и штабной автобус моего батальона.

Но хуже всего было с людьми! Пусть эти самолётики несли какие-то мелкие бомбы, пусть они имели несерьёзный вид! Но! Они! Проведя штурмовку из пулемётов, навели шороху — ещё несколько десятков раненых и убитых пехотинцев!

Полковник, как и все солдаты с офицерами был зол — если так пойдёт дальше, то через пару налётов от манёвренной группы ничего не останется!

Я с командиром был согласен! Такими темпами нас просто перемелет авиация противника ещё до встречи с сухопутными частями врага!

Надолго задерживаться опять не стали. Приказ всё тот же — «Вперёд!».

А немецкий разведчик всё кружил над нами и кружил.

Очередная группа немецких самолётов появилась минут через десять. На этот раз шли пикировщики. Неубирающиеся шасси «Юнкерсов» Ю-87 опознать было весьма просто. И был их, похоже, полный штаффель. Двенадцать машин. И шли они без авиационного прикрытия.

— Вот сейчас бы туда пару звеньев наших! — Сквозь зубы прошипел я.

Но истребителей не было. Ни одного.

И вновь всё пошло по привычному — колонна рассредоточилась, вела огонь из всего, что только можно... Потерь немцы не понесли, и бомбы сбросили вполне уверенно, поразив трофейный броневладелец, один бензовоз из моего батальона и несколько грузовиков из батальона капитана Галецкого. К счастью, наученные горьким опытом, после появления немецких самолётов, все, кроме водителей, спешно покидали машины и прятались по ближайшим норам, пусть, и, ведя огонь из личного оружия по противнику...

После налёта «Лаптёжников», где-то через час, в очередной раз налетели немецкие самолёты. На этот раз — истребители. Всего звено, четыре машины. Они неумело сбросили лёгкие бомбы, обстреляли несколько грузовиков из пушек и пулемётов, после чего удалились.

И снова потери...

А вот после «мессеров» уже никто не появился, что было странно.

Не менее странным показалось, что несмотря на продолжающие висеть над нами «глаза противника» (самолёты-разведчики уже сменились), нам позволили собраться в небольшом перелеске и привести себя в относительный порядок. Всё это навевало нехорошие мысли...

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-я разведывательная рота, 24-й пехотной дивизии. 3 сентября 1939 года. День.

Если бы Вильгельма спросили, какой день в его жизни был самым трудным, он бы с уверенностью смог ответить на этот вопрос. Этим днём было воскресенье, 3-е сентября 1939-го года. Третий день войны, изменившей судьбу миллионов людей, судьбу всего человечества...

Именно третье сентября он запомнил на долгие годы... Предыдущий день, например, когда его подразделение едва не попало под танковую атаку поляков, несколько раз вступало в бой с кавалерией противника он не помнил. Второе сентября было, можно сказать, каким-то наваждением, выпавшим из жизни молодого солдата. А вот третьего...

Всё началось утром, когда вымотавшиеся, уставшие, чудом спасшиеся от гибели разведчики, так не успевшие отдохнуть после тяжелых боёв предыдущего дня и вечера, спешно вгрызавшиеся в сентябрьскую землю всю ночь, получили приказ, совместно с некоторыми другими пехотными подразделениями 24-й дивизии погрузиться в грузовики и спешно следовать в другом направлении, на юг...

На дорогах была вакханалия. Туда-сюда сновали посыльные на мотоциклах. Постоянно встречались небольшие, численностью до роты, колонны пехоты и редкие одиночные грузовики.

Вскоре, небольшая колонна из двух «опелей» и пары лёгких бронеавтомобилей пристроилась к хвосту колонны грузовиков моторизованного полка «Лейбштандарт». Грузовиков полка СС было много. На одном из поворотов, Вильгельм смог насчитать полтора десятка, после чего сбился...

Ещё через несколько минут, уже сводная колонна встала в затор у мостика через небольшую речушку.

Вильгельм с интересом изучал сидящих в кузове вперёдистоящего грузовика солдат. Те лениво смотрели на разведчиков. Форма у всех была одинакова, лишь знаки отличия «СС» отличали солдат в кузове грузовика впереди, от солдат, расположившихся рядом с Вилли. И внешний вид. Форма на их, казалось, была лучше подогнана. Да и в целом — все были как на подбор: рослые, молодые и спортивные...

В общем и целом, на дорогу ушло несколько часов. За это время смешанная колонна прошла, наверное, больше сотни километров. К этому времени, следом за грузовиками разведчиков пристроились несколько трёхосных грузовичков чехословацкого производства, тащившие на прицепе лёгкие противотанковые пушки.

Привала на обед никто не устраивал. Останавливались лишь по техническим причинам — для замены пробитого колеса и заправки автомобилей. Всё чаще стали попадаться посты военно-полевой жандармерии, которые в случае незапланированной остановки появлялись, будто бы из ниоткуда и всячески поторапливали.

Командир взвода, лейтенант Крамер был хмур как никогда — не укладывалось всё происходящее в его голове. Разведчики тоже не могли понять, что это происходит. Почему, вместо запланированного наступления, уже на второй день войны они были вынуждены отступать. А сейчас, на третий день, пройдя серьёзное расстояние, уже оказались на немецкой территории? Впрочем, порядки, царившие в Вермахте, не позволяли задавать лишних вопросов.

Короткий, на полчаса привал, случился уже возле границы. Прямо на поляне возле дороги стояли несколько полевых кухонь, к которым тянулись многочисленные солдаты из полка СС «Лейбштандарт». Следом за ними пристроились и разведчики.

Дождавшись своей очереди, Вильгельм подставил котелок. Толстый повар, зачерпнул своим половником немного тушеной капусты и вывалил её в подставленную тару. Помощник, молодой солдат, в большом белом колпаке, налил в подставленную металлическую кружку немного ячменного кофе и протянул кусок серого хлеба.

Вилли замешкался — хотелось попросить немного добавки, но повар, будто бы предчувствуя вопрос, грозно прикрикнул:

— Чего стоишь, болван? Проваливай давай! Другие тоже жрать хотят!

Вильгельм что-то буркнул в ответ, и, придерживая тару, быстрым шагом направился к дороге. Возле грузовика, на траве уже расположились солдаты его отделения, которые хмуро переговариваясь, уже поглощали свою пищу. С кое-каким удобством расположился лишь лейтенант Крамер, устроившийся в кабине грузовика.

Стоило старшему стрелку Вильгельму Веберу покончить со своей едой, как тут же послышался приказ:

— По машинам!...

На этот раз ехали недолго. Вначале Вильгельм увидел у одного из наскоро устроенных постов столб, на котором готическим шрифтом виднелась надпись: «Солдат Рейха, помни, ты сражаешься за счастье всего германского народа!». Потом стали попадаться следы войны. Всё тоже самое он видел первого сентября: сожженные грузовики, развалины зданий, пара остовов германских танков...

В тот момент никто из сидевших в грузовике солдат Вермахта не знал, что в целях парирования успешно развиваемого польского контрнаступления армий «Познань» и «Лодзь», начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Эрих фон Манштейн на свой страх и риск отдал приказ о формировании мотомеханизированного кулака для удара навстречу наступающему противнику. В качестве основной ударной силы предполагалось использовать 3-ю легкую дивизию генерала Адольфа-Фридриха Кунцена. В подчинение генерала Кунцена временно вводились части 24-й пехотной дивизии (24-я разведывательная рота), 10-й пехотной дивизии (два дивизиона 10-го артиллерийского полка, 1-й дивизион 46-го артиллерийского полка, 1-я рота 10-го разведывательного батальона, 3-я рота 10-го запасного батальона), моторизованный полк СС «Лейбштандарт», который к тому моменту уже понёс существенные потери...

Всего, в составе оперативной группы генерал-майора Адольфа-Фридриха Кунцена было сосредоточено около двенадцати тысяч человек личного состава, более ста пятидесяти лёгких танков и броневозов, 24 легких 105-мм и 12 150-мм тяжелых полевых гаубиц, более полусотни 37-мм и 47-мм противотанковых пушки. В интересах встречного удара германских войск работали и военно-воздушные силы Рейха — Эрих фон Манштейн понимал, ситуация складывается таким образом, что нужно принимать быстрые решения, которые, пусть и противоречат уставам, но окажутся весьма действенными.

Глава 15. 3 сентября 1939 года. Вечер. Поручик Домбровский

Какое-то время германский самолёт-разведчик ещё покружил над нами, но вскоре, видимо, получив какую-то новую задачу, полетел по направлению в наш тыл. Ещё через полчаса, в том же направлении прошла шестёрка немецких пикирующих бомбардировщиков в сопровождении звена истребителей из четырёх машин.

С постов наблюдения тут же послышались истеричные крики:

— Воздух!

— Воздушная тревога!

С разных сторон посыпались матерные выражения, кто-то ворчливо пробурчал «Матка боска Ченстоховска». Но в целом, все повели себя правильно — попрятались во всевозможные норы и стали ждать. Нет, была надежда, что несмотря на недавнюю авиационную разведку нас не заметят — всё-таки сейчас ещё только начало сентября, и листва на деревьях ещё позволяет прятаться в лесу. Вот через несколько дней, когда она начнёт опадать, вот тогда...

— Отбой воздушной тревоги! — Послышалась вновь команда, когда пропал рёв авиационных моторов.

— Не за нами. — С облегчением пробормотал я, после чего вылез из небольшой ямки, присмотренной мной в качестве укрытия.

Организовалась короткая передышка, которая позволила привести себя в порядок и дать несколько часов на отдых водителям транспортных и боевых машин. Разведчики-парашютисты же, будто роботы, не чувствуя усталости, на отдых получили каких-то десятков минут, которые потребовались для того, чтобы полковник Вихрь раздал важные командиру разведывательного взвода.

Кстати, их поручик нашёл общий язык с моим подпоручиком Маршалеком, и, теперь офицер тактики и разведки моего батальона постоянно тёрся рядом. Да и разведчики отнеслись к нему с уважением — трофейный мотоцикл, пистолеты и автомат показывали, что перед ними стоит не юнец, который летом только прибыл в батальон, а настоящий, боевой офицер, пускай и не с очень большим опытом.

Вот и сейчас, подпоручик Маршалек намылился прокатиться на трофейном мотоцикле-одиночке с разведчиками. Впрочем, я его порывы только приветствую — посмотрит опытным взглядом, как там с местностью, разведает удобные подходы к противнику.

Через несколько минут после выдвигания разведчиков на задание, возле дымящихся полевых кухонь начали выстраиваться первые очереди. Бросив взгляд на проходящих мимо меня солдат в стальных шлемах, с карабинами за плечами, и, с котелками и кружками в руках, в животе предательски заурчало. Пришлось идти к «командирскому» танку, брать котелок и кружку.

Нет, можно бы было отправить за едой заряжающего, но мне отчего-то хотелось самому постоять в очереди среди солдат.

В считанные минуты между деревьями, машинами и танками организовались длинные очереди. Увидев их, я тут же пожалел о том, что не отправил за пищей для себя кого-нибудь из подчинённых.

Несколько солдат-пехотинцев, собирались было меня пропустить вперёд, но тут уж я не стал лезть вперёд.

Кто-то из солдат в очереди закурил. Кто-то негромко переговаривался. Я прислушался. Солдаты обсуждали начавшуюся войну и высказывали опасения за своих близких. Больше всего, судя по всему, за близких боялись городские — по батальонам уже проскочили вести о бомбардировках Варшавы, Велюня, Хойнице, Старогарда, Быдгоща, Гдыни, Хеля и Пуцка. Все прекрасно понимали, что немцы бомбят и другие города.

Солдаты ждали и верили, что стоит продержаться пять-семь дней, и, на помощь придут союзники — Англия и Франция.

Слушая разговоры пехотинцев и немногочисленных танкистов, искренне веривших в поддержку западных союзников, которые вот-вот нанесут удар в спину фашистам, я чуть не рассмеялся в голос. С трудом удержался. Но если бы я вдруг рассмеялся, то меня бы просто не поняли. И не объяснишь же никому, что англичане, как истинные джентльмены — хозяева своего слова. Захотели — слово дали, захотели — взяли обратно. А французы — так те вообще, обычные «шестёрки»-подпевалы, которые воевать за Францию не хотят от слова совсем, что уж там говорить о какой-то далекой Польше?

Нет, во Французской армии есть те, кто готов воевать и не будет пресмыкаться перед немцами, когда те придут, но вот сейчас, сторонники активных действий во французской армии не в чести!

Эх, вот вселился бы я в какого-нибудь генерала, году так в тридцать пятом — в того же Андерса — устроил бы переворот и начал сближение с СССР... Хрен бы тогда немцы что сделали и Польше, и Союзу! Сталин — неглупый человек, прекрасно осознает, что лучше иметь буфер между своей страной и враждебным окружением... Вот только угораздило меня «вселиться» в военного рангом пониже, да с возможностями пожже...

Постепенно, за размышлениями о несправедливости судьбы, я оказался возле полевой кухни. Повар — пухлый такой, прямо комический детина, будто бы срисованный из какого-нибудь мультфильма моего времени, в белом переднике, — большим черпаком налил мне в котелок густой похлёбки с крупными кусками мяса. Один из помощников протянул мне несколько кусков свежее испечённого серого хлеба. Второй помощник, в это время налил в кружку настоящего какао.

Наскоро отужинав, я направился к штабному автобусу. Да и к Виктории — поручику войск связи бы следовало подойти, поздороваться, поинтересоваться как она... Третий день войны идёт, а я с ней, можно сказать, даже и не общался ни разу. Хотя ей точно есть, что мне рассказать!

Решено — вначале иду к Виктории, а потом к капитану Завадскому. Пообщаемся «не официально».

Вот только до фургона связистов я так и не дошёл — меня нашёл посыльный от полковника Вихря. Пришлось в первую очередь идти к нему.

Командир нашей оперативной группы с удобством расположился на поваленном дереве, так удачно сломанным, что причудливые древесные фигуры сложили из себя пусть и неказистого вида, но всё-таки лавку.

Судя по тому, что кроме полковника никого не присутствовало, нам предстоит разговор тет-а-тет.

Что же? Этот разговор напрашивался ещё вчера днём, когда я на автомате выругался по-русски.

— Присаживайтесь, поручик. — Негромко сказал полковник.

Я послушно пристроился рядом со своим воинским начальником.

— Разговор нам сейчас предстоит максимально серьёзный. И неофициальный. Я бы сказал, по душам. — Также негромко продолжил полковник, после чего перешёл на русский язык:

— Кто ты? Откуда знаешь русский язык?

Похожего вопроса я и ожидал. Поэтому ответил чистую правду, рассказывая одновременно и про себя-настоящего, и про себя-здешнего:

— У меня мать русская. Вот и выучил язык предков.

Полковник добродушно улыбнулся, после чего негромко, тягуче проговорил, даже, наверное, скорее, пропел:

— От героев былых времён... Не осталось порой имён... Те, кто приняли смертный бой... Стали только...

«Такой же вселенец, как и я?» — Пронеслась мысль в голове — «Нужно проверить!».

— Землёй и травой... — Отвечаю также негромко я.

— Только грозная доблесть их... Поселилась в сердцах живых... — Закончил полковник.

Слова этой песни про Великую Отечественную Войну простой польский офицер знать никак не мог. Пусть этот офицер и в чине полковника. Почему? Да потому, что, если я правильно помню, эту песню написали через несколько десятков лет после войны!

— Что, не веришь, поручик? — Добродушно улыбнулся полковник и также негромко запел другую, не менее известную в моем времени песню:

— Здесь птицы не поют... Деревья не растут... И только мы плечом к плечу...

— Врастаем в землю тут... — Негромко поддержал полковника я.

Опознание как современников прошло успешно. Поэтому Вихрь тут же перестал петь и перешёл к более серьёзным вопросам:

— Ты из какого года сюда попал? Откуда?

— Из две тысячи двадцатого. — Коротко отвечаю. — Из России. Пили с друзьями, день рождение праздновали, я заснул на квартире у товарища, а проснулся уже тут. В начале этого года. А вы?

— А я? — Полковник улыбнулся. — Я из две тысячи десятого. Вот уже десять лет тут. В конце двадцать девятого тут вынырнул. Сам не понял, каким образом в поляке оказался. В МЧС служил, под лёд ребёнок провалился. Ну я и за ним. Наверх вытолкнул, наши его приняли. А самого меня вытащили уже здесь...

— Сложная ситуация. — Кивнул я. — К нашим не пробовал податься?

— К нашим, это куда? — Осторожно уточнил полковник.

— К нашим, это в Союз. — Коротко ответил я, внутренне напрягаясь.

Полковник же, судя по всему, расслабился после моего уточнения:

— Не поверишь, пробовал. В конце тридцать шестого года даже дезертировал из польской армии и отправился воевать в составе интербригады «Домбровского» в Испанию, за что был уволен из армии, потерял чин майора Войска Польского, лишился польского гражданства. До тридцать восьмого года воевал в составе интербригад, активно взаимодействовал с советскими военными советниками. В середине тридцать восьмого года получил осколочное ранение, был оставлен на позициях посреди наступления франкистов. Чудом избежал плена. Спасибо, испанка одна спасла и выходила. Я, на ней, собственно,

потом и женился. Ну а дальше, всё просто. Вначале перебрался в Португалию, оттуда во Францию. Получил французское гражданство. Не просто так, пришлось расстаться кое с какими вещичками, денежными средствами и драгоценностями. Спасибо, Юлия помогла... Жена моя. Вообще, она Хулия, но я её так зову... Сама она из небедной семьи была. Вот её отец и поспособствовал... Ну а потом, опять же, «подмаслив» кого надо, поступил на французскую службу, во всё том же чине майора. Тут уж мои родственники подсуетились, дали кому надо на лапу, и, вскоре я получил подполковника. Ну а потом меня и откомандировали в качестве военного советника обратно, в Польшу. Тут расщедрились и дали полковника. Впрочем, это было уже перед самой войной, в августе.

В жизни всякое бывает, но мне почему-то показалось, что полковник мне что-то недоговаривает. Но расспрашивать дальше я не стал, поэтому перевёл тему:

— А жена? Вы говорили, что она у вас в Калише.

— Да, Юлька у меня в Калише. Она в июне родила... Оставила дочку на бабушку и сорвалась за мной, просто поставив перед фактом. Я, когда телеграмму в Варшаве получил о том, что она выехала... — Полковник махнул рукой.

— А почему именно Вихрь? — Решил сменить тему я.

— По паспорту у меня здесь была фамилия Тышка. Это потом, когда в Интербригаде оказался, взял псевдоним себе, «Вихрь». Помнишь фильм старый? «Майор Вихрь» назывался. В детстве хотел на главного героя быть похожим. Вот как-то так и получилось, что записали меня Вихрем в Испании, им же я и остался.

Я улыбнулся — фильм 1967-го года был неоднократно просмотрен мной в детстве. И приключения майора «Вихря» в исполнении Вадима Бероева, запавшие в память, стали одной из причин, по котором впоследствии я стал интересоваться историей. А как иначе, когда тебе говорят о том, что персонажи полюбившегося тебе фильма оказываются не вымышленными, а вполне даже реальными? Вот и затянуло меня когда-то в изучение истории Второй Мировой Войны, что теперь и пригодилось немного...

— Ладно, обо мне ты много всего узнал. Твоя очередь рассказывать о себе.

Я достаточно коротко, можно сказать, тезисно пересказал свою биографию. Всю биографию — себя из будущего и себя-здешнего. Полковник весьма сильно удивился тому, что я даже не служил в армии.

— Как же тебе удалось добиться целого танкового батальона на весьма неплохих машинах? Опять же, самого Маршала видел. В кабинет к генералу Кутшебе вхож.

— Случайно получилось. Мой «предшественник» служил в комиссии по модернизации войск. Вот я своими проектами и завалил руководство. Спасибо, читал много. Причём не всякую ерунду, а более-менее серьёзную, пусть и художественную литературу. Вот и пришлось воровать идеи из ещё ненаписанных книг.

Полковник добродушно засмеялся.

— Мне тоже так пришлось действовать... Я же старший лейтенант запаса. Служил во внутренних войсках МВД. Пару командировок на Северный Кавказ прошёл, одну из них ещё срочником. Так что, в интербригаде пришлось применять всё, что было изучено в военном училище, да и на срочной службе, как оказалось, тоже много чего в голову вдолбили. Повезло...

— Я, можно сказать, крутился всё детство в кругу полиции и военных. Вот и выпитывал. Одно на ложилось на другое, вот и получилось, что получилось.

— В полиции? — В удивлении изогнув брови спросил полковник. — А президент у вас

кто?

— На момент моего... — Я задумался, как подобрать слова. — «вселения», был Путин Владимир Владимирович. А полиция... Так у нас милицию переименовали. Не помню когда... Году в одиннадцатом или двенадцатом...

С полковником мы общались ещё около получаса, после чего, приняв за аксиому, что нужно держаться друг друга, направились к штабному автобусу.

До «штаба» так и не добрались — прибежал посыльный с одного из постов и доложил о приближении колонны с тыла.

На всякий случай объявили боевую тревогу по пункту временной дислокации — немцы любители обходных манёвров. Да и обожают зайти «с тыла».

Уже через несколько минут мы с полковником и командиром артиллеристов оказались на опушке и в мощные бинокли рассматривали несколько мотоциклов с колясками и разномастные грузовики, среди которых встречались машины с весьма «весёлыми» кабинами тёмно-синего, красного и даже желтого цветов.

Полковник Вихрь уже знал, что третья пехотная дивизия получала гражданский автотранспорт, поэтому с уверенностью заявил, что это наши и тут же отправил к ним навстречу мотоциклиста-посыльного.

В мощную цейсовскую оптику мы видели, как мотоцикл-одиночка выскочил с опушки и прямо через поле помчался к дороге. Вскоре, когда мотоциклисты опознались, дозорные подали сигнал основной колонне и та остановилась. Ещё какое-то время потребовалось на организацию «взаимодействия», и, вот, прямо через поле, в нашу сторону направилась чёрная легковушка «Форд-А».

Через несколько минут, из остановившейся машины выбрались несколько офицеров. Что характерно, одного из них я очень хорошо знал.

Старшим по должности и званию явно был немолодой, пузатый, как персонаж актёра Мадянова — полковник Колобков из сериала моего детства «Солдаты». Да и внешним видом он был похож на актёра. Только на левой щеке у него был едва заметен застарелый шрам. На погонах были видны две полоски и две звезды — подполковник.

Следом за подполковником следовал небезызвестный мне майор военной контрразведки Врубель, непонятно что забывший в составе боевого подразделения.

Третьим был непримечательный пехотный капитан высокого роста.

— Подполковник Шляхтур. 3-я пехотная дивизия! — Коротко представился старший из прибывших, небрежно приложив два пальца к козырьку фуражки.

— Майор Врубель. — Не указывая своей должности, представился контрразведчик, повторив движения старшего по званию.

— Капитан Апель! — Вытянулся третий офицер.

— Полковник Вихрь! — С некоторой «ленцой» откозырял командир манёвренной группы.

Прибывший подполковник, услышавший фамилию нашего командира, видимо, вспомнив что-то неприятное, как-то быстро осунулся, побагровел и лишь коротко спросил:

— Ты? Полковник? — После чего неожиданно резко для всех потянулся к кобуре и попытался выхватить из неё свой пистолет. Вот только сделать это у него не получилось. Ему в грудь уже смотрел ствол «браунинга» полковника.

Мне же помешать подготовить оружие к бою никто не смог, чем я и воспользовался, разорвав дистанцию между собой и майором-контрразведчиком на пару шагов.

Майор Врубель, как и ожидалось, к кобуре тянуться не стал, но в ладошке у него я заметил малюсенький пистолетик, который, впрочем, он так и не стал ни на кого направлять.

Капитан-пехотинец лишь недоумённо смотрел на происходящее и попыток завладеть оружием не предпринимал.

Зато пехотинцы, находившиеся на посту на опушке перелеска не скрываясь защёлкали затворами своих винтовок и карабинов, готовясь защищать полковника Вихря, о чём недвусмысленно намекнуло непонятно откуда появившееся пехотное отделение в маскировочных костюмах.

На шум прибыл и капитан Галецкий, с рядом офицеров рангом пониже.

Собственно, капитан Галецкий и задал вопрос, который меня больше всего и интересовал:

— Панове офицеры, а что, собственно, происходит?

Глава 16. 3 сентября 1939 года

3 сентября 1939 года. Вечер. Поручик Ян Домбровский

— Панове офицеры, а что, собственно, происходит?

Вопрос, заданный капитаном Галецким, разрядил обстановку. Действительно, не будут же четыре офицера Войска Польского стрелять друг в друга? Тем более, что один из офицеров — целый полковник, а второй — контрразведчик в не самом маленьком чине, и, судя по всему, обладающий весьма широкими полномочиями.

Как-то само-собой вышло так, что оружие убрали все. Лишь бойцы охранения, неуверенно закинув карабины на ремень, напряженно поглядывали на «пришельцев».

— Если честно, не ожидал такой «бурной» реакции с вашей стороны, пан подполковник. — Злобно прищурившись сказал Вихрь.

— А какой ещё реакции вы ожидали по отношению к дезертиру? — Начал закипать офицер, похожий на актёра Мадянова из моего времени.

— Почему же, дезертира? Рапорт на отпуск был написан по всем правилам. Рапорт об увольнении из рядов Войска Польского командованием также был получен. Ну а если кадровики что-то там намудрили, то не я в этом виноват. — Добродушно улыбнулся полковник, вот только взгляд у Вихря остался такой же цепкий и тяжелый, не скрывающий неприязненного отношения к подполковнику.

— А фамилия? Насколько мне известно, ранее вы носили другую фамилию?! — Голос подполковника буквально сквозил неприязнью.

— А что фамилия? После того, как уволился из армии, сменил. Имею полное право. Тем более, что Польша всех своих патриотов, которые оценили опасность фашизма сильно раньше всех остальных, лишила гражданства. Так что, теперь я гражданин Французской Республики, офицер Французской Армии, направленный в Польшу в качестве военного советника. И полковник Войска Польского, спасибо командованию вашей, польской армии.

Подполковник ещё сильнее покраснел — налился краской, будто помидор, но промолчал.

— Пан майор, если я правильно понимаю, из военной контрразведки? — Дождавшись утвердительного кивка, полковник достал из нагрудного кармана своего мундира стопку документов. Среди которых я увидел паспорт Французской Республики и несколько сложенных вчетверо листов. Отдельно майору была вручена серая книжечка офицерского удостоверения, точно такая же, как лежит у меня в нагрудном кармане. — Изучите эти документы, пан майор. Думаю, у вас хватит опыта, чтобы отличить фальшивые бумаги от оригиналов? Если потребуется, пошлите запросы. А сейчас, я бы вам рекомендовал убрать ваших людей с дороги. Технику рассредоточить, а личному составу окапываться под прикрытием деревьев. Рыть окопы полного профиля, ходы сообщения, и, по-возможности, отсеченные позиции.

Высокий капитан, стоявший всё время рядом и прикидывающийся ветошью, не дожидаясь подтверждения приказа своего непосредственного командира, бросился вначале к машине, а потом, уже на автомобиле укатил в сторону застывшей на дороге колонны. Через несколько минут, судя по тому, что из грузовиков начали высаживаться и строиться солдаты, капитан Аппель развил бурную деятельность.

Капитан вернулся минут через десять. За это время майор Врубель успел изучить все

документы, предоставленные полковником и подтвердил, что документы настоящие. Во всяком случае, польские — все метки стоят там, где нужно, печати нужных оттенков, форм и расположились там, где и должны быть. В общем — вопросов у него, майора военной контрразведки к пану полковнику нет, но запросы он на всякий случай пошлёт.

— Это правильно, пан майор. Сейчас бдительность важна как никогда. — Кивнул полковник. — Противник может пойти на любые хитрости. И к этому нужно быть готовыми.

Сложившаяся ситуация явно выводила из себя подполковника Шляхтура, но поделаться он ничего не мог. Во всяком случае сейчас. Да и война идёт, а это значит, что нужно заняться более приземлёнными вещами, чем сведение личных счётов. Поэтому, кое-как взяв себя в руки, и, проигнорировав некоторые элементы дисциплины и субординации, он залез в свою полевую сумку и достал из неё несколько желтоватых листов, протянул полковнику.

Бегло изучив их, Вихрь уточнил:

— Ваш батальон придается в усиление моей оперативной группе. Какой численный состав батальона? Средства усиления? Наличие боезапаса?

Подполковник начал докладывать. Несмотря на личную неприязнь к Вихрю, делал он это обстоятельно, но при этом коротко — сразу видно неплохое военное образование:

— Батальон трёх ротного состава. На вооружении помимо лёгкого стрелкового оружия, 12 станковых пулемётов, 12 лёгких 46-мм гранатомётов образца 1936-го года, батарея из шести 81-мм миномётов Брандта. Также батальон усилен двумя артиллерийскими батареями. Одна из них — 75-мм полевые орудия. Вторая — 37-мм противотанковые пушки. В батальоне четыре полевые кухни. Ещё одна у артиллеристов. Тридцать восемь различных грузовых автомобилей, полученных по мобилизации у местного населения. Общая численность личного состава, восемьсот человек.

Усиление получалось серьёзным. Теперь в подчинении полковника Вихря оказывался целый полк, пусть и разномастный. По нынешним временам — сила.

И всю эту силу требовалось как-нибудь организовать. Именно поэтому полковник Вихрь, в сопровождении меня, своего адъютанта и отделения охраны двинулся к вновь прибывшему батальону, желая пообщаться с личным составом и понять, кто же в этом батальоне чего стоит.

Контрразведчик же, тут же двинулся в сторону нашего взвода связи, и, как мне потом сказали, оккупировал радиостанции практически на час...

В батальоне подполковника Шляхтура мы провели около трёх часов. За это время личному составу удалось создать какое-то подобие оборонительной линии, вырыв стрелковые ячейки и начав соединять их ходами сообщения. На этом положительные моменты заканчивались. Проблем в батальоне было много — примерно треть должностей командиров взводов занимали сержанты и капралы из сверхсрочников, так как офицеров низового звена не хватало. Были проблемы с боеприпасами — к каждой винтовке и карабину было около полусотни патронов, к пулемёту — две сотни. У личного состава практически отсутствовали гранаты. Не хватало и банальных вещей — стальных касок, которые часть солдат побросала ещё в первый день войны, после изнурительного дневного марша под сентябрьским солнышком и атаками авиации противника.

С патронами проблему удалось решить просто — отгрузив некоторое количество из наших трофеев. Всё-таки хорошо, что сейчас большая часть армий Европы использует одни калибры... С гранатами было сложнее — трофейные, конечно, передали, но запас был мал, и, надолго их не хватит.

Плохо всё оказалось с офицерским составом батальона — командиры рот, судя по всему не были полными дураками, но боевого опыта как такового ещё не имели, но имели проблемы с боевым духом.

Вообще, странная ситуация сложилась! У солдат неплохой боевой дух — они готовы сражаться! Ну, за исключением отдельных групп — украинцев и белорусов, коих на общем фоне было мало. А вот офицеры... Они не понимали, что происходит и зачем они должны воевать против немцев, ведь совсем недавно, с этими же самыми немцами, Польша поделила Чехословакию и захватила часть бывшей чехословацкой территории.

Я бы мог провести агитацию «за советскую власть», как говорил мой дед... Но... Нет. Конечно, агитировал бы я сейчас за «войну до победного конца» против немцев. Вот только сомневаюсь, что меня бы поняли. В общем — уверенности в офицерах у меня нет, о чём я и сообщил полковнику Вихрю.

Полковник лишь устало кивнул, соглашаясь со мной...

Когда мы закончили общение с личным составом батальона, усилившего нашу оперативную группу, уже было около одиннадцати часов вечера. Как-то сразу похолодало. К этому времени уже все подразделения окопались, поужинали, и, завернувшись в шинели, легли спать возле замаскированных костров.

До Виктории вечером третьего сентября я так и не дошёл...

3 сентября 1939 года. Вечер-ночь. Подпоручик Северен Маршалек.

Колонна из шести мотоциклов неспешно двигалась на юго-восток по ещё не разбитой войной дороге. Со стороны вообще могло показаться, что и войны-то никакой нет, но это было не так... Разведчики, заранее распределившие сектора наблюдения, несмотря на использование колёсного транспорта, были настороже, и, периодически останавливались, глушили моторы и прислушивались к окружению.

Как потом оказалось, меры предосторожности были не лишними — уже ближе к полночи, когда разведчики собрались возвращаться обратно, во время одной из таких остановок, подпоручику Маршалеку показалось, что он слышит какой-то далёкий шум.

Сообщив старшему по званию, поручику из парашютистов-диверсантов, Северен с радостью обнаружил, что к его ничем не обоснованному предположению прислушались и тут же начали действовать.

— Мотоциклы в укрытие и замаскировать! Ожежко, с пулемётом влево, на тридцать метров! Чернецкий, с пулемётом займешь позиции у тех кустов, справа! Синкевич, в охранение, у мотоциклов! Остальным, занять позиции и замаскироваться! Оружие держать наготове, но не стрелять!

Мотоциклы удалось быстро откатить с дороги и спрятать в небольшой низине с раскидистым кустарником на дне.

Найти подходящие позиции для наблюдения также не составило большого труда — разведчики расположились на окраине той же низины, растянувшись цепью. Три ручных пулемёта (два Браунинга и один МГ-34) могли создать необходимую огневую мощь на узком участке дороги, позволяя разгромить небольшую вражескую колонну в случае необходимости. В качестве дополнительных аргументов в наличии был один трофейный автомат, пять польских карабинов, пистолеты и по несколько осколочных гранат у каждого разведчика, чего на короткий огневой контакт с противником должно хватить с избытком, но было явно мало для борьбы с каким-либо более серьёзным противником. Впрочем, в задачи разведки не входит прямое боестолкновение с превосходящим по силам

противником... Да и пулемёты взяли из-за того, что они были установлены на колясках мотоциклов. Шли бы пешком — вооружились бы все карабинами и автоматами (если бы их удалось найти).

Ждать пришлось долго — больше часа. За это время разведчики успели неплохо замаскироваться (чему поспособствовали вечерние сумерки, плавно переходящие в темноту), слегка передохнуть, перекусить сухим пайком, и, даже усомниться в том, что подпоручик Маршалек что-то действительно слышал.

Зато через час, каждый разведчик мог понять, что подпоручик не ошибся, ведь с каждой секундой звук становился слышен всё лучше и лучше...

Ещё через какое-то время по дороге проскочили три мотоцикла с колясками. «Коллеги» — Сразу же понял Северен. Следом за ними, через несколько минут, потянулась колонна немецких войск.

Подпоручик Маршалек, нервно сжимая в руках автомат, начал считать, благо, яркая ночная луна и свет от фар позволяли это сделать...

Впереди колонны шли сразу четыре лёгких броневедомоцикла, видимо, сделанных на базе обычных гражданских легковых машин с большими белыми крестами на броне. Вооружены эти броневедомоциклы неизвестного типа были пулемётом, установленным за бронированным щитком.

Следом за броневедомоциклами шли германские танки. В них подпоручик без труда смог опознать бывшие чехословацкие PZ.38(t). Северен насчитал всего пятнадцать единиц бронетехники.

После танков, выдерживая положенную дистанцию, шли германские тентованные грузовики. За некоторыми из них были прицеплены лёгкие пушки различных калибров.

Подпоручик мысленно выругался — по его подсчётам, по дороге сейчас движется целый мотопехотный батальон, усиленный к тому же танками и артиллерией!

Наконец, колонна прошла и наступила тишина.

Поручик-десантник, командовавший разведкой, решил устроить короткое совещание с подпоручиком Маршалекком. Продлилось совещание недолго — уточнили ещё раз подсчитанные силы противника, и прикинули, как действовать дальше. Сошлись на мнении, что нужно как можно быстрее доложить о приближении противника полковнику Вихрю. Вот только как это сделать? Радиостанции в группе нет, а на мотоциклах можно и не успеть.

После короткого совещания, приняли решение выдвинуться обратно на мотоциклах, удерживая колонну противника на дистанции, а в подходящий момент, используя сигнальные ракеты, привлечь внимание обязательно выставленных на ночь часовых — благо, есть целых два сигнальных ракетницы и большой запас разноцветных ракет.

Вот только потом придётся уносить ноги как можно быстрее!

Интерлюдия. Положение дел на фронтах к ночи с 3 на 4 сентября 1939 года.

Боевые действия в полосе левого фланга армии «Познань» и армии «Лодзь».

Активные действия, предпринимаемые поляками в ночь со второго на третье, а также днём третьего сентября потребовали пересмотра ближайших планов германского командования. Совместными усилиями отдельных частей армии «Познань» под командованием генерала Тадеуша Кутшебы и части армии «Лодзь» под командованием генерала Юлиуша Руммеля, наступление левого фланга германской группа армии «Юг» было приостановлено на два дня. Ряд мощных контратак, предпринятых польскими войсками, вынудили германское командование перейти к обороне, а на некоторых участках

отойти к государственной границе.

На короткий период времени польскому командованию удалось перехватить инициативу.

Боевые действия в полосе армии «Поморье», а также в полосе правого фланга армии «Познань».

Задачей армии «Поморье» было прикрыть «польский коридор» от немецких атак с запада и с востока, в связи с чем армия была разделена на две части. Угроза возможного захвата немцами Данцига (в Польше именуемого как Гданьск) привела к тому, что часть войск была выделена для прикрытия границ с ним (отдельная группа «Косцежина» и отдельная группа «Старогард»). С учётом того, что на 60-ти километровом участке Вислы в том районе не было ни одного моста, в случае решительного удара немецких войск с запада, северная группировка войска могла быть отрезана от основных сил армии.

С началом боевых действий, ввиду просчётов командования армии, войск для защиты западного направления не хватало, и, удар немецких танковых и моторизированных частей, обнаруженный только благодаря авиационной разведке, стал полной неожиданностью для польского командования, которое в спешном порядке собирало разрозненные силы, с целью защиты стратегически важного направления. На пути наступления германских войск вставали отдельные подразделения: отделения, взвода и роты, батареи противотанковой и малочисленной зенитной артиллерии — всё то, что удавалось найти здесь и сейчас. Бросали в бой и части ополчения — бригад народной обороны.

Понимая, что часть армии может попасть в окружение, поляками была предпринята попытка контрнаступления во фланг прорвавшейся немецкой танковой дивизии с целью прорыва на юг и занятия обороны по рубежу Вислы. Из-за слабой подготовки и неподготовленности действий, все атаки поляков были отбиты

Ночью с первого на второе сентября, стратегически важный мост был взят под охрану отдельным моторизованным противотанковым батальоном из армии «Познань» и кавалерийской бригадой из армии генерала Кутшебы.

Весь световой день и вечер второго сентября, велись бои за мост, в ходе которого немцы потеряли несколько десятков танков, но поставленной задачи так и не выполнили.

У армии «Поморье» появилась возможность избежать окружения...

Боевые действия в полосе армии «Модлин».

В задачу армии в случае войны входило прикрытие Варшавы и Плоцка с севера от удара из Восточной Пруссии. Предполагалось, что армия даст приграничное сражение, опираясь на укрепленные позиции в районе Млавы, после чего организованно отступит за реки Нарев и Висла.

В течении трёх дней армия «Модлин» противостояла ударам 3-й германской армии, наступавшей из Восточной Пруссии. В ходе этих боёв польские войска понесли значительные потери, а к вечеру третьего сентября, командующий армией, генерал Крукович-Пшеджимирский потерял связь с дивизиями.

Боевые действия в полосе армии «Краков».

К началу боевых действий армия «Краков» занимала оборону на широком фронте с большими разрывами между соединениями; в резерве у командующего армией находились лишь 10-я моторизованная кавалерийская бригада (полковника Мачека) и часть сил 6-й пехотной дивизии.

1 сентября немецкая 1-я танковая дивизия ударила в стык между армиями «Лодзь» и

«Краков», создав своим продвижением угрозу их флангам. Одновременно по выдвинутым к границам главным позициям армии «Краков» был нанесён фронтальный удар. К вечеру северный и центральный участки обороны армии оказались прорванными. Никем не обороняемый промежуток между внутренними флангами армий «Лодзь» и «Краков» в польских штабах вскоре стали называть «ченстоховской брешью».

Южнее Катовиц германская 5-я танковая дивизия, разбив польскую 6-ю дивизию, прорвалась к Освенциму, захватив польские склады горючего и снаряжения. В 14.30 2 сентября генерал Шиллинг (командующий армией) связался с Варшавой и доложил Рыдз-Смиглы, что «положение требует оставления Силезии и сосредоточения ближе к Кракову». Главком немедленно согласился, и приказал отводить одновременно оба крыла, чтобы «не позволить разорвать армию на части».

Быстрый отход польских сил не позволил немцам окружить армию «Краков» в Силезии, немецкой 14-й армии пришлось заняться фронтальным преследованием.

Отличий от известных поручику Домбровскому событий не было.

Боевые действия в полосе армии «Карпаты».

Армия «Карпаты» с первых дней войны взаимодействовала с армией «Краков», вела оборонительные боевые действия на 350-км протяжении государственной границы. По планам командования, части армии должны были обороняться, опираясь не на горы, а реки Дунаец и Сан, однако из-за засухи лета 1939-го года оказалось, что они не представляют из себя серьёзного препятствия для противника.

Из-за малой численности армии не удалось закончить строительство полевых укрепления, а на строительство фортификационных сооружений попросту не хватило средств. Малочисленность привела к тому, что некоторые долины вынуждены были оборонять отдельные роты.

Тем не менее, оборонительные бои продолжали и после 3 сентября...

Глава 17. 4 сентября 1939 года

Поручик Ян Домбровский. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Спать я лёг около полуночи — на душе почему-то было беспокойно. Да и вообще, осознание того, что несмотря на несколько наших побед, и то, что история пошла по немного отличающемуся от знакомого мне по учебникам истории и интернету пути, как-то глобально изменить историю у меня не получится, давило на психику. Где-то внутри, будто что-то надломилось и у меня появилось какое-то дурацкое желание — бросить всё, и, скинув форму, переодевшись в гражданского, рвануть на восток или юго-восток — навстречу ещё не наступающей Красной Армии или в Румынию.

Я бы так и поступил, наверное — сбежать этой ночью получилось бы достаточно легко: все пароли и расположения постов мне были известны, да и многие солдаты батальона капитана Галецкого, чьи подразделения несут сегодня караульную службу, знали меня в лицо и не должны бы были задавать лишних вопросов.

Предположим, сбежал бы я. Удалось бы мне пройти все посты, не нарваться на военные патрули, а дальше что? Как будут относиться к перебежчикам румыны — мне неизвестно. Но тюрьмы не избежать — это точно. Как и в варианте с Советским Союзом. А в тюрьму не хотелось...

Бежать в Венгрию? А там что? Всё тоже самое — придётся какое-то время посидеть в тюрьме. Вариант, согласитесь — не очень...

В общем — в размышлениях о будущем мне удалось заснуть и забыться на несколько часов.

Мне даже сон приснился. Впервые за долгие дни с начала войны...

Какая-то усадьба — с искошенным забором. Большой белый дом с черепичной крышей, с массивными колоннами и длинной лестницей, ведущей к главному входу... Причудливый фонтан в виде человека неопределённого возраста, держащего на вытянутых руках здоровенную рыбу, из пасти которой, по задумке архитектора должна течь вода...

Ах да, и вокруг, судя по всему, зима! Бело вокруг. Снег на крыше лежит, фонтан им буквально обсыпан...

И во двор в этот самый момент въезжает танк...

Почему-то — «Тридцатьчетвёрка». Но не из тех, которые стоят на постаментах практически в каждом городе на территории СНГ моего времени, а более ранняя — с башней «лепёшкой» или «блином», с трёхдюймовой пушкой. А следом за первой «тридцатьчетвёркой», с отчётливыми следами боя (сколами на броне, едва заметными вмятинами на верхней лобовой детали, оторванными крыльями), шёл второй, третий и четвёртый танк... Такие же «тридцатьчетвёрки», с редкими, закутавшимися в длинные полы шинели бойцами, настороженно оглядывающимися по сторонам, и, сжимающим в руках автоматы ППШ с дисковыми магазинами...

Вот, головной танк остановился, открылся башенный люк и из него выбрался танкист в чёрном комбинезоне и таком же чёрном, ребристом шлеме. На плече у него был точно такой же автомат ППШ, как и у автоматчиков, спешно спрыгивающих с брони...

Неожиданно массивные двери главного здания усадьбы открылись и из помещения вышел немолодой седобородый дед, одетый в непривычно хорошее по этому времени пальто и уверенно пошагал прямо к сгрудившимся у фонтана офицерам, которых можно было

узнать по широким жестам рук, которыми они раздавали указания немногочисленным пехотинцам.

Вдруг один танкист, тот самый в чёрном комбинезоне повернулся в сторону гражданского и в его чумазом лице я узнал... себя...

Досмотреть сон не получилось — кто-то настойчиво дергал меня за плечо. Пришлось открыть глаза и прислушаться к тому что пытаются донести до моего разума:

— ...ан поручик! Пан поручик! Вас полковник Вихрь вызывает! Срочно! Пан поручик!

Разбудил меня молодой, лет восемнадцати солдатик в явно большой для него шинели, неуклюже придерживая правой рукой приклад висящего на плече карабина, который так и норовил сползти у него с плеча.

— Ты чего там шепчешь, солдат? — Спрашиваю я.

Посыльный, поняв, что я проснулся, неумело вытянулся по стойке смирно, и неуклюже приложив руку к каске начал докладывать:

— Пан поручик! Вас полковник Вихрь вызывает! Срочно!

Говорил солдат писклявым, ещё не сломавшимся голосом, из чего я сделал вид, что парнишке явно меньше восемнадцати лет, о чём я и решил спросить:

— Сколько тебе лет, воин?

— Восемнадцать. — Негромко ответил посыльный.

Я мысленно усмехнулся — судя по едва заметному дрожанию в голосе, парень врёт.

— А если подумать? — Немного добавив в голос металла, спрашиваю.

— Шестнадцать... — Едва не всхлипнув сказал парень.

Встав на ноги и натянув на голову танковый шлем, я ещё раз посмотрел на посыльного. Было в нём что-то не правильное. Вот только что? Одет в форму, туго перепоясан ремнём, на котором висят под сумки для патронов и ножны со штык-ножом. На голове уставной шлем. На плече маузеровский карабин.

При едва просачивающимся сквозь ветви деревьев свете ночной луны, понять, что же не так с этим юнцом было сложно. Но, отчего-то мой взгляд зацепился вначале за ремень карабина на правом плече парня, а потом и за погон, на котором этот самый оружейный ремень и лежал.

И я, наконец, понял, что не так — непонятные вышитые вензеля на погонах! Что они означают? Курсант какого-нибудь военного училища? Но откуда тогда он здесь? Нужно уточнить.

Добавив ещё немного металла в голос, спрашиваю:

— И откуда ты такой взялся? Что-то я тебя не помню, солдат.

Парень, ответил через несколько секунд:

— Так из войсковой подготовки, пан поручик... Прибился я к пану полковнику ещё вчера...

Я мысленно задумался. Что такое войсковая подготовка? Что-то вроде советской «пионерии» или «скаутов» у америкосов? Однозначно — какое-то патриотичное объединение, направленное на воспитание молодёжи. Что-то вроде «Юн Армии» в моем времени. С уклоном на дальнейшую военную службу. Организация, конечно, хорошая, нужная — главное, чтобы направление развития было в нужную сторону!

— Ладно, веди к пану полковнику. Раз приказано. — Добродушно сказал я, окончательно придя в себя.

Спать хотелось очень сильно — предыдущие дни выдались очень изматывающими.

Поспать нормально практически не удавалось. Опять же, ночевать приходилось где придётся — на земле и на траве, завернувшись в шинель, устроившись на брезенте. Согласитесь, организму, привыкшему к нормальной кровати, спать в таких условиях несколько неудобно. Нет, я понимаю, что если выживу сейчас, то долгие годы мне придётся жить в таком ритме. Но сейчас организм ещё не привык, да и спина затекла... В общем — приятного мало. Ещё и в глаза, будто бы песка насыпали!

За то время, пока мы шли к полковнику, обстановка резко поменялась. По расположению носились посыльные и будили командиров, передавали им какие-то приказы, после чего офицеры и сержанты криками, а иногда и пинками начинали будить вверенный им личный состав...

У штабного автобуса было весьма многолюдно. Присутствовали как знакомые офицеры из моего батальона и батальона капитана Галецкого, представители от артиллеристов и миномётчиков, так и офицеры батальона третьей дивизии пехоты Легионов. Всего — больше двух десятков человек в званиях от поручика до полковника включительно.

Что-то происходило, вот только что именно? Это мне и предстояло узнать.

Ещё несколько минут потребовалось на то, чтобы все вызванные офицеры собрались и организовали своеобразный полукруг перед штабным автобусом, который полковник изъясил из моего батальона под штаб своей оперативной группы. И вот, наконец, полковник, жестами привлекая внимание, начал говорить:

— Панове офицеры!

После первых слов у меня буквально защемило сердце.

— Сегодняшней ночью в батальонах нашей оперативной группы случились чрезвычайно важные происшествия. Думаю, командиры батальонов смогут сообщить вам о них лучше, чем я.

Стоявшие чуть в стороне капитан Галецкий и подполковник Шляхтур. На правах младшего по званию, первым свой рассказ начал мой хороший знакомый и друг — капитан пехоты Януш Галецкий:

— Передовое охранение несёт первый взвод третьей роты моего батальона. Полчаса назад, при проверке постов, начальником караульной смены было обнаружено отсутствие двух парных постов, вынесенных вперёд на удаление четырёхсот метров от опушки...

У меня в голове сразу всплыла картинка виденного мной при свете солнца поля и в памяти всплыла небольшая канава, удобно расположившаяся примерно в полукилометре. Эту самую канаву с густым кустарником, словно специально придумали для того, чтобы там можно было выставить пару секретов. Вот там-то и расположили два парных поста при одном пулемёте бойцы батальона капитана Галецкого. Особенностью этого оврага, помимо густого кустарника, неплохо маскирующего тех, кто может расположиться там на ночлег, является удобный изгиб по направлению к опушке слегка наискосок, благодаря чему, пускай и с крюком в пару сотен метров, но к постам с нашей стороны можно было подобраться практически незаметно. По оврагу также протянули телефонный провод и поставили полевой телефонный аппарат, чтобы была возможность оперативно связаться со штабом.

— Караул был поднят в ружьё. Следов нападения на охранение не было обнаружено. Полевой телефон был отсоединён от сети и забран с собой. Никаких следов кроме нескольких окурков не обнаружено. Окурки от самокруток. Свёрнуты из старой польской газеты.

Дезертирство... Я мысленно выругался. Этот бич многих армий невозможен

искоренить столетиями... Дезертиры были, есть и будут всегда... Даже когда армия ведёт победоносную наступательную войну — всегда найдется паршивая овца среди стаи львов, которая захочет сбежать... А уж в обороне...

Ещё раз мысленно выругавшись, задаю вопрос:

— Разрешите?

Получив позволительный кивок от полковника, уточняю:

— Кем по национальности были пропавшие?

Капитан Галецкий ответил практически, не задумываясь:

— Три украинца и белорус.

Я понятливо кивнул. После попыток полонизации населения Западной Украины и Западной Белоруссии, проходившей с жестокостью по отношению к местному населению, многие из жителей вступали в различные националистические движения, вроде ОУН-УПА на Украине. А ведь были ещё разные подпольные партии, вроде КПЗ(У) и КПЗ(Б) — компартии западной Украины и Белоруссии, которые также не особо желали воевать и погибать за Польшу, которая делала всё, чтобы искоренить самобытность этих народов... Вот дезертиры, уловив подходящий момент и бросили посты и убежали. А украинцы, так те в годы Второй Мировой Войны весьма сильно запятнали себя связью с нацистами, так что вполне могли убежать к немцам, что они и сделали, иначе я не могу представить, как они могли незамеченными пройти через другие наши посты. А значит, убежали они в сторону немцев, что очень плохо...

После капитана свою историю рассказал и подполковник. У него сбежало сразу семь человек. Все тоже с территории «Кресов Восточных» — украинцы и белорусы. Бежали с оружием. Следов обнаружить не удалось.

Оргвыводы полковником были сделаны тут же. Посыльные к командирам, оставшимся в подразделениях уже были посланы. Приказ прост — проверить наличие личного состава. О самовольном отсутствии солдат — докладывать немедленно.

Но и это было не всё. Полковник Вихрь приказал в срочном порядке отойти назад и спешно окапываться. Было видно, что мой соотечественник из будущего опасается попадания беглецов в плен к немцам. Кто их знает, что они там наговорят?

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-я разведывательная рота, 24-й пехотной дивизии. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Нормально отдохнуть разведчикам не удалось. Казалось — только прибыли к месту назначения, начали располагаться на ночлег, причём без всяких удобств (всё подходящее жильё уже было занято танкистами и эсэсовцами), как командир взвода, герр лейтенант Крамер был вызван к полковнику из «местных». Кое-что начавший понимать старший стрелок не спешил укладываться. Как оказалось, он был прав. Буквально через несколько минут вернулся хмурым командир взвода и отдал короткий приказ:

— Взвод! Строиться возле машин!

Свои последние мотоциклы разведчики передали в другие подразделения ещё вчера, получив взамен два тупоносых грузовика «Опель».

Послушно построившись, разведчики, перешедшие границу ещё первого сентября, застыли, слушая слова своего командира взвода. Лейтенант, сблизившийся со своими подчинёнными за эти несколько дней войны, несмотря на вбитую на занятиях любовь к уставам, говорить начал совершенно не уставными словами, чем заслужил ещё капельку уважения своих подчинённых:

— Ну что парни? Знаю, вы очень устали! Эти поляки оказались проворнее, чем мы сначала думали. К счастью, господь наградил Великую Германию такими солдатами как мы с вами! Поэтому нам придётся исправлять неизбежные просчёты нашего командования. Итак, парни! Готовится удар по противнику. На острие этого удара предстоит быть нам, разведчикам — глазам армии. Вопреки привычным правилам, командование решило нанести удар не рано утром, а ночью. Поэтому нам с вами не удастся нормально поспать сегодня. Но ничего! Надерём сегодня задницу этим проклятым польским свиньям, а потом отдохнем! Когда у нас всё получится, противник побежит, а мы походным маршем войдём в Варшаву! А там все польки будут ваши! Особо отличившимся сегодня ночью, герр полковник обещал железные кресты! Так что? Надерём задницу полякам?

Одобрительный рёв стал лейтенанту ответом.

Что-то одобрительное кричал и старший стрелок Вебер, воспитанный в духе германского реваншизма и верящий в то, что неприятности, возникшие в первые дни войны, вызванные обычными просчётами, будут решены в самое ближайшее время. А как иначе? Ведь у Великогерманского Рейха лучшие в мире генералы и самые стойкие на планете солдаты!

Погрузка завершилась быстро — все имущество взвода было уже в грузовиках, поэтому оставалось лишь занять свои места на скамейках вдоль бортов, да проследовать к уже выстраивающейся на дороге колонне.

Вильгельм, не утешившийся, и, высунувшийся из-под тента, заметил, что грузовики из подразделения СС «Лейбштандарт», в которые до этого также грузились солдаты, двинулись следом за грузовиками разведчиков...

Построение колонны было странным. Впереди пустили мотоциклистов (Вилли с сожалением посмотрел на новенькие «Цундаппы» с установленных на них пулемётами MG-34). Следом за ними двинули основную колонну, во главе которой двигались четыре лёгких броневедомола Sd.Kfz.13, следом за которыми пятнадцать бывших чехословацких лёгких танков, и только потом — пехота. Ротные колонны пехоты перемежались немногочисленными артиллерийскими взводами 75-мм лёгких полевых и 37-мм противотанковых орудий. Взводу разведки же почему-то пришлось пылить в хвосте колонны и быть в роли тылового охранения. Это было странно. И именно это раздражало герра лейтенанта Крамера...

Спать на ходу — то ещё удовольствие, но уставший Вильгельм справился и с этим, после чего заснул, скорчившись в неудобной позе, держа руки на карабине. Некоторые солдаты последовали его примеру и тоже уснули.

А проснулись все из-за резкой остановки грузовиков. Вильгельм даже упал со своего места на пол кузова и раздраженно пробурчал:

— Вот дерьмо!

Что-то подобное бурчали и другие разведчики.

Колонна остановилась. Что бы это могло значить? Хороший вопрос. Который вскоре прояснился благодаря лейтенанту:

— Вебер! Давай за мной!

Послушно спрыгнув на землю, Вильгельм закинул карабин на плечо вверх стволом, и, наспех отряхнув форму, быстрым шагом направился за лейтенантом.

Колонну, растянувшуюся на несколько километров обходить было максимально неудобно. Но как выяснилось, оно того стоило. У штабного внедорожника «Кюбельваген»

уже столпилось несколько десятков эсэсовцев. Кто-то держал в руках карабины, а кто-то освещал фонариком четырёх человек. В польской военной форме.

Вильгельм мысленно улыбнулся — похоже, командование всё рассчитало правильно, если поляки сами начали сдаваться в плен.

Глава 18. 4 сентября 1939 года. Ночь

Поручик Ян Домбровский. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Позиции покидали в спешке — желаний оставаться на позициях, которые могут стать известны противнику, не было никакого. А я в очередной раз подумал о том, как же мне повезло, что вселился я в танкиста, а не кавалериста или пехотинца... Кавалерист — он, прежде, чем что-либо сделать, должен за лошадкой своей поухаживать, и, неважно, как сильно ты устал. Опять же — пока накормишь и напоишь её, замаешься. А подпруги, седла, попоны? Это же целая наука, которой многих учат с самого детства! А в пехоте что? Всё на своем горбу, да своими ногами... Тоже — не сахар. То ли дело на танке! Все имущество внутри машины или на броне. Ходишь мало — едешь много... Нет, конечно, кое-что приходится делать и пешим порядком — местность осмотреть, определить проходима ли она для техники, разметить позиции, или, например, в сортир ты на танке не поедешь. Есть, конечно, и свои нюансы. Например, пока танк, пусть такой лёгкий как 7ТР, окопаешь — руки в кровавые мозоли сбить можно. Это если без навыка. Но с другой стороны, броня — пусть и не ультимативная, но всё-таки защита! Что не может не радовать!

Высунувшись из башни, я смотрел на ночное небо и думал о том, что когда-то давно, ещё в том, двадцать первом веке, у меня были возможности провести ночи на крышах домов или на природе, в компании с прекрасными девушками — одноклассницами в старших классах или одноклассницами в институте — , но по какой-то причине, я этой возможностью не пользовался. Дурак был...

Сказать честно? Несмотря на все приключения, что уже произошли со мной, и, вероятно, произойдут, если выживу, я бы с огромной радостью обменял всё обратно. Меня — в моё тихое и относительно мирное время, а... а сюда кого? Не знаю...

Мысленно сплюнув, я обернулся и оценил растянувшуюся колонну танкового батальона. Также мысленно, как сплюнул, выругался — всего несколько дней назад, в батальоне была почти сотня единиц техники, а сейчас, не факт, что с полсотни наберётся. Танков — тех вообще, если так посчитать, практически не осталось! На один, ну, на два более-менее серьёзного боя. Хорошо хоть, топливо и снаряды в достатке. Пока в достатке. Что будет через пару дней — неизвестно...

Следом за танками, потянулись грузовики с 37-мм противотанковыми и 75-мм лёгкими полевыми пушками. Потом — грузовики мотопехотного батальона капитана Галецкого. Я мысленно выругался — если найдётся у противника хороший «слухач», то он нас услышит, несмотря на перелески и посадки, которые, в теории, должны глушить звуки. А был бы в воздухе хотя бы один самолёт-разведчик противника — он бы нас однозначно заметил! Вот как вышло, что часть техники, на четвертый день войны не оборудована светомаскировкой на фарах?

Я в очередной раз выругался. Кто бы чего не говорил, но поляки с русскими очень похожи! Что русское, что польское раздолбайство — всё едино. Разница только, что одни других «кацапами» да «москалями» называют, а другие — «курвашами». Да и то — не всех...

Я в очередной раз выругался. Складывающаяся ситуация меня напрягала. Несмотря на одержанные победы (а ведь действительно, последние пару дней, наши подразделения, пусть и с потерями, но всё-таки одерживали верх в сражениях с противником), но дезертирство

уже началось. Процесс разложения армии пошёл. Теперь — при первом удачном случае бегать начнут...

Колонна всё удалялась и удалялась от позиций, которые занимала ещё сегодня ночью. Как назло, все намеченные ранее, как удовлетворительные для ведения обороны места не могли позволить скрытно сосредоточить всю нашу технику в одном месте. Нет, позиции можно было занять в первой же посадке, имеющей обширные кустарники и неплохой обзор во всех направлениях. Вот только... Смысла с этого обзора, если отойти нормально не получится, да и окопы нормально вырыть тоже — максимум, одну линию, и, всё. Про всякие отсечённые и фланкирующие позиции можно вообще забыть. Да и вообще, единственная посадка на несколько ближайших километров изрядно привлекает внимание. В общем — позиции не для нас!

Вскоре, вдоль колонны пронёсся мотоцикл с коляской. Пассажир активно размахивал руками, зажимая в одной из них карманный фонарик с красным светофильтром, привлекая внимание, призывая остановиться.

— Прижмись к обочине! — Коротко отдаю приказ в танковое переговорное устройство, после чего боевая машина прижимается вправо, освобождая место для прохода грузовиков. Остальные танки батальона, повинувшись приказу «делай как я», также замедлили ход и прижались к обочине. Теперь, грузовики, следующие за нами, могли, с выездом на другую обочину, объехать нас.

Отключившись от ТПУ, спрыгиваю с брони, и, направляюсь к мотоциклистам. Сидевший в коляске круглолицый офицер с погонами подхорунжего, уже выбрался на божью землю, и, приложив два пальца к своему глубокому шлему, коротко сообщил:

— Пан поручик, вам срочный приказ полковника Вихря!

Из-за шума работающих танковых двигателей и шума проходящих мимо нас грузовиков, нам приходилось кричать друг другу на ухо.

Подхорунжий залез в полевую сумку, после чего извлёк вчетверо сложенный листок, протянул его мне. Я, при помощи карманного фонарика, извлеченного из кармана комбинезона, изучил написанные строки, после чего задумчиво почесал затылок.

Приказ мне не понравился. Исходя из него, мне, возглавив взвод из пяти танков, придётся действовать в отрыве от основных сил мобильной группы. Батальон же следует передать капитану Завадскому.

Вопросов с тем, кого брать с собой у меня не было — вон, четыре машины с экипажами стоят, следом за моим танком. Они и поедут. Тем более — экипажи все по боевому опыту примерно одинаковы, да и по боевой подготовке тоже. Не зря же всё лето учились воевать и отдельными взводами-ротами, и, батальонами.

В одной из обгоняющих нас легковушек, я увидел на переднем пассажирском сидении полковника Вихря. Тот, видимо, хотел со мной поговорить. Во всяком случае, он остановился перед моими танками, и, выбравшись из машины, направился в нашу сторону. Следом за легковушкой, от колонны отделились два грузовика с пехотой внутри. Из кабины одной из машин выскочил молодой подпоручик-пехотинец и также побежал в нашу сторону.

— Выбрал уже экипажи? — Без предисловий спросил полковник, после отдания воинского приветствия.

— Так точно, пан полковник. — Коротко отвечаю я, после чего неопределенно киваю вправо, туда, где на обочине застыли танки. — Вот они, стоят.

— Отлично! Без пехоты я тебя не пошлю, но и пехоты много дать не могу! — Прокричал

Вихрь, стараясь перекричать рёв автомобильных двигателей. — Поэтому, вот, подпоручик! Из третьей пехотной дивизии! У него взвод! Пятьдесят три человека! И два грузовика! Тяжелого оружия у них нет!

— Понял! — Киваю в ответ, а сам пялюсь в сторону молодого офицера-пехотинца. — А к чему такая спешка? Почему только взвод от батальона?

— Появилась неподтверждённая информация! Что немцы создали несколько маневренных групп по образу и подобию нашей! И попытаются сегодняшней ночью и утром нанести удар навстречу боевым группам наших частей! Если солдаты третьей дивизии будут двигаться также беспечно, как батальон известного нам подполковника! То они нарвутся на танковую колонну немцев! Не верю я, что они будут по старинке, одной пехотой воевать! Обязательно там танки будут! Поэтому твои пушки как раз и будут подходящей поддержкой пехоте! Ты, же, насколько я знаю, всё лето учился танки противника уничтожать?

— Да! Учился! — Кричу в ответ.

— Вот и покажешь своё умение! Я подготовил рекомендательное письмо и приказ, позволяющий тебе временно подчинять мелкие подразделения! Пользуйся им с умом! И последнее! Майор Врубель поедет с тобой! На случай, если что-то пойдёт не так!

Я мысленно выругался — захотел мой соотечественник и товарищ по путешествиям во времени избавиться от всевидящего ока военной контрразведки, вот и послал меня подальше! И контрразведчика, век бы его не видеть, подсунул!

Судя по следующей фразе полковника, я понял, что мои мысли были просчитаны вышестоящим командованием заранее:

— Он сам вызвался! Когда я обратился к нему с просьбой предоставить тебе в помощь кого-нибудь из свои подчиненных! С ним же ещё три человека приехали! Они просто с подразделениями батальона были!

Я понятливо кивнул. Будем считать, поверил.

Только мы закончили разговор о контрразведчике, как он тут же появился. Вот не было его, и, он, вдруг появляется. Впрочем, как потом мне сообщил один из танкистов — контрразведчик отчего-то путешествовал на подножке одного из грузовиков, и, просто прыгнул на дорогу, когда машина оказалась в нужном месте.

— Приказ капитану Завадскому я уже отдал! — Продолжил полковник. — Батальон, ты, считай, уже передал! А теперь по документам!

Полковник полез в свою полевую сумку, и, вынул из неё несколько конвертов. Один из них, запечатанный сургучной печатью нёс рекомендательную записку — «Вручить командиру полка или дивизии». Второй, уже без печати, содержал листок с отпечатанным на печатной машинке приказе, о том, что предъявитель сего приказа может подчинять себе подразделения численностью до роты включительно, в целях выполнения особо важного задания. Что характерно, на документе стояли печати Генерального Штаба Войска Польского и подпись — бригадный генерал Вацлав Стахевич. Начальник Генерального Штаба, между прочим.

Я мысленно присвистнул — не только мне удалось обзавестись подходящими связями, похоже!

— И последнее! Я прикинул ваш примерный маршрут! Нанёс его на карту! Но ты сам смотри! Действовать можешь по своему усмотрению! — Полковник протянул мне сложенную вчетверо карту, после чего, дождавшись, когда я уберу полученные документы в полевую сумку, пожал мне руку, откозырял и направился к ожидавшему его автомобилю.

Свободное плавание началось...

Подпоручик Северен Маршалек. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Следовать за колонной противника было сложно и страшно. Опасаться приходилось всего. Шутка ли — впереди под тысячу вооруженных до зубов человек с танками, пушками и пулемётами. Противопоставить им польские разведчики могли лишь три ручных пулемёта, пять карабинов и один трофейный, германский автомат MP-38. Вступать в бой с такими силами было глупо.

Вообще, всё было глупо. Только сейчас подпоручик Северен Маршалек, наконец, осознал, что находится не в своей тарелке. И это, несмотря на то, что он офицер и занимает должность офицера разведки и тактики танкового батальона.

Впрочем, как это бывало и раньше, заниматься посторонними размышлениями времени не было. Один из самых глазастых разведчиков, разглядевший что-то неладное впереди, начал сигнализировать трофейным фонариком с красным светофильтром себе за спину, чтобы все останавливались. Поскольку двигались мотоциклисты с выключенными фарами, все те, кто сидел в колясках, повторили эти сигналы, стараясь передать их так, чтобы посторонние наблюдатели, если такие будут, их не заметили.

Вскоре, когда мотоциклы остановились, и, их откатали с дороги, а вперёд ушли трое разведчиков, потянулись томительные минуты ожидания...

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-я разведывательная рота, 24-й пехотной дивизии. 4 сентября 1939 года. Ночь

На допрос пленных поляков потратили около получаса. За это время офицерам благодаря переводчику удалось узнать примерную численность польских войск и расположение нескольких постов, благодаря которым удавалось примерно представить всю схему охранения.

После короткого совещания, на котором, по понятным причинам Вилли не мог присутствовать, было принято решение — атаковать противника ночью.

Лейтенант Крамер был хмур. Что-то ему не нравилось во всём происходящем. Это напряжение передалось вначале Вильгельму, а потом и другим солдатам взвода разведки.

— Парни. Принято решение атаковать противника! — С нарушением устава, негромко, но так, чтобы лейтенанта слышали все подчиненные ему солдаты, начал свою речь командир взвода. — Скажу честно, дело нам предстоит сложное. Ночной бой, вообще дело необычное! Поэтому, будьте предельно внимательны и аккуратны! Возьмите побольше гранат, но действуйте ими аккуратно. Воевать, судя по всему, придётся в лесу!

Вильгельм едва заметно вздрогнул — полноценной егерской подготовки некто из их взвода не имел, конечно, в учебном лагере проводили теоретические занятия по ведению боя в лесистой местности, но уже оценивший, какие неприятности может преподнести противник, Вилли отнёсся со всей серьёзностью к предстоящему испытанию.

На подготовку к выдвиганию ушло около десяти минут. За это время все разведчики проверили свою амуницию, попрыгали, проверяя, чтобы ничего не брэнчало и не звенело. Унтер-офицеры и фельдфебели придирчиво осматривали каждого из бойцов, периодически поправляя различные элементы снаряжения.

Эсэсовцы, сгруппировавшиеся неподалёку, удивленно смотрели на все приготовления разведчиков и негромко посмеивались. *

*((Для умников, которые считают Waffen-SS элитой, которая крушит всё и вся на своём пути, поясню про войска СС в 1939-м году на примере полка «Лейбштандарт Адольф

Гитлер», который был элитой среди элит, и, с которым уже столкнулся наш главный герой — поручик Домбровский, и, с кем сейчас бок о бок воюет старший стрелок Вебер. Кандидаты проходили суровый отбор, зачислялись лишь те, кто подходил отдельным требованиям: возраст 23–30 лет, рост от 184-см, арийское происхождение, германское гражданство, отличная физическая подготовка, а также требовалось подтвердить свою верность национал-социалистическому государству.

Таким образом, в «Лейбштандарт» набирали наиболее крепких физически и морально военнослужащих. Так как «Лейбштандарт» выполнял до войны больше караульные и парадно-церемониальные обязанности. Фактически это было «парадное подразделение», имеющее слабую боевую выучку, но при этом обладающее хорошо замотивированным личным составом. Так, например, к 1 сентября 1939 года полк был приписан к 13-му корпусу фон Вейкса, наступающему на Лодзь. Этот полк был единственной моторизированной частью корпуса и на неё возлагалась огромная роль. Вот только в первых же боях, полк не только не смог выполнить поставленные задачи, но и из-за активных действий польских войск и слабой боевой выучки, едва не оказался в окружении. После чего полк был выведен с фронта и занимался «зачистками». Позже, по указанию Гитлера, полк был передан 4-й танковой дивизии, наступающей на Варшаву. Дивизия с приданным полком СС участвовала в битве на БЗУРЕ, но при этом подразделения «Лейбштандарта» в активных боях участия не принимали, понеся при этом серьёзные потери... Вот после этого, стараниями командования СС и Йозефа Дитриха (командира полка), началась преобразование «парадной» части в «боевую». Так что, на сентябрь 1939 года, полк СС «Лейбштандарт» — это хорошо мотивированные, но плохо обученные воевать люди с оружием, которые впоследствии будут отыгрываться за свои поражения на гражданских. Вот и думайте.)))

По плану атаки, разведчики должны были идти впереди, обнаружить посты противника и незаметно «снять» их, после чего в атаку должны перейти две пехотные роты «Лейбштандарта». В случае необходимости, огневую поддержку им должна оказать шести орудийная батарея 7,5-см лёгких полевых орудий. Танки с бронеавтомобилями, противотанкистов, а также третью роту было решено придержать в качестве резерва.

Пока роты СС строились цепью, разведчики уже ушли вперёд.

Вначале посланные вперёд солдаты двигались достаточно быстро, но с каждым пройденным метром, напряжение нарастало, заставляя останавливаться и внимательно осматриваться по сторонам.

Лейтенант Нервничал.

Остальные разведчики также были напряжены, но продолжали двигаться вперёд, низко пригибаясь к земле. В тот момент многие из эсэсовцев и солдат вермахта не знали, что идут в западню... Хотя некоторые из них, тот же лейтенант Крамер понимал, что что-то идет не так...

Глава 19. 4 сентября 1939 года. Ночь

Старший стрелок Вильгельм Вебер. 24-я разведывательная рота, 24-й пехотной дивизии. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Всё шло совсем не так. Посланные вперёд ветераны (а сами солдаты 24-й дивизии, вступившие в бой утром 1-го сентября 1939-го года, иначе как «ветеранами» компании себя уже не считали) нервничали и суетились, рассчитывая, что будут обнаружены противником, после чего будут просто обязаны вступить в бой.

Вот только всё шло несколько не так, как предполагали разведчики — постов противника обнаружить, так и не удалось, хотя следы пребывания каких-то людей получилось найти: Вильгельм сам наткнулся на несколько окурков от папирос и следы, когда спустился в небольшой ров или канаву. Была и примятая трава, но судить о количестве людей, примявших эту траву, ночью Вилли не собирался — слишком уж это сложно.

А других следов, кроме слов пленных поляков и не было.

Скопившись в овражке, где, если верить пленным, должно было находиться польское охранение, лейтенант Крамер решил развернуться цепью и продолжить прочёсывание местности. Было видно, что происходящее ему не нравилось.

Пока разведчики перестраивались в другой боевой порядок, разглядывали возможные укрытия и готовились идти дальше, их догнала цепь следующих за ними эсэсовцев.

Вильгельм скривился — слишком уж шумно двигались солдаты «Лейбштандарта». Было видно, что они слабо обучены боевым действиям. Опять же, шли они, не скрываясь, громко переговариваясь, не скрываясь. Оставалось только на губных гармошках играть, чтобы точно привлечь к себе внимание.

— Стой! Кто старший! — Непривычно громко задал вопрос ближайшему эсэсовцу лейтенант.

Один из эсэсовцев с карабином, висящем по-походному на плече, как-то нехотя, «через губу» ответил:

— Оберштурмфюрер Мольтке.

— Где его найти?

Будто бы услышав последний вопрос, сзади громко задали вопрос:

— Кто меня ищет?

К лейтенанту Крамеру подошёл молодой, подтянутого телосложения офицер, лет двадцати пяти от роду. На голове у него была набекрень надетая фуражка, а на плече весел старенький, возможно, ещё заставший Великую Войну MP-18.

— Оберштурмфюрер! Какого черта вы творите? Почему идёте в полный рост? Почему шумите?

— А как мы должны идти? От кого скрываться? Поляков бояться? Если бы не вы, не ваша 24-я дивизия, мы бы уже рвались вперёд, к Варшаве. А сейчас приходится останавливать этих польских свиней тут. — Эсэсовский офицер пренебрежительно махнул рукой, и, не желая ничего слушать, махнул рукой, прикрикивая на своих людей. — Ну? Чего встали? Шевелитесь! Я не хочу тут до утра торчать!

Цепь эсэсовцев двинулась вперёд. Разведчики, удивленные происходящем, застыли на месте, не понимая, как такого идиота могли поставить командовать людьми.

— Да он пьян! — Вдруг воскликнул кто-то.

— Врешь? — Тут же, спросил кто-то из разведчиков.

— Клянусь! Он пьян! От него же перегаром пахнет!

— Мне тоже так показалось. — Вдруг поддержал своего товарища ещё один разведчик.

— Прекратить разговоры! — Грозно воскликнул лейтенант Крамер, после чего приказал:

— Продолжить движение. Идём цепью. Следом за эсэсовцами!

Следом за прошедшей вперёд цепью двинулся вначале командир взвода, а потом и остальные солдаты. Вильгельм следовал за своим командиром в паре шагов позади.

Неожиданно за спиной, там, где осталась одна из рот эсэсовцев, грузовики с артиллеристами и лёгкие танки, разгорелась интенсивная стрельба. Судя по всему, били сразу несколько пулемётов и едва ли не десяток винтовок. Тут же, буквально через несколько долгих секунд, когда разведчики, повинувшись вбитым на полигонах и в бою инстинктам, повалились в траву, там, где кто был.

Нет, не все попадали. Ушедшие вперёд эсэсовцы почему-то остановились и начали вертеть головами во все стороны, не понимая, что же происходит.

Лейтенант негромко выругался и тут же отдал приказ — вперёд, продолжить движение! Быстро!

Вильгельм одним из первых вскочил на ноги и бросился вперёд, к спасительным деревьям.

Логика в действиях лейтенанта была — останься они в поле, очнувшись после шума в тылу у немецких войск поляки, обязательно открыли бы огонь из всех стволов и попросту уничтожили бы весь разведывательный взвод. В случае, если разведчикам удастся добраться до опушки и завязать ближний бой и активными действиями выиграть время. Ну а дальше — оставалось надеяться лишь на эсэсовцев, застывших в нерешительности буквально в паре десятков метров от опушки.

Разведчики пробежали между застывшими эсэсовцами и устремились дальше. Когда первые разведчики оказались за первыми, спасительными кустами, глубоко в тылу разгорелся настоящий бой. По звукам можно было опознать винтовки и пулемёты, лёгкие 7,5-см полевые пушки и 3,7-см танковые орудия...

Как заговорил пушки, вперёд, следом за разведчиками побежали и эсэсовцы.

В нескольких метрах от крайних деревьев началось настоящее столпотворение — поляков нет!

Следы стоянки крупного подразделения поляков были, а вот самих поляков нет!

Валялись консервные банки, какие-то бумаги, кажется, газеты. Были следы колес и гусениц. Но поляков не было!

Разведчики настороженно шли по лесу, проклиная всё вокруг: ночь, войну, и, конечно же, в первую очередь, поляков, которые неизвестно куда запропастились!

Следом за разведчиками, всё также, с шумом, забыв про строй, мелкими, хаотично сформировавшимися группками двигались эсэсовцы.

С каждым пройденным шагом настроение у Вильгельма поднималось — это же получается, что не будет необходимости вести ночной бой! А что поляки ушли — так это даже хорошо! Боятся они воинов непобедимого Рейха! Вот сейчас догоним их, быстро принудим сдаться, и...

Что будет дальше, старший стрелок Вильгельм Вебер придумать не смог. Каким-то чудом, несмотря на паршивое освещение в виде едва проходящего сквозь ещё не опавшие

листья и ветки света, Вилли заметил какой-то блеск под ногами впереди идущего разведчика, и, кажется, услышал характерный звук выдираемой чеки.

Прежде чем успеть подумать, Вилли начал падать на землю, не забыв при этом предупредить:

— Granaten!

Подпоручик Северен Маршалек. 4 сентября 1939 года. Ночь.

Рассматривая немцев в мощную оптику, подпоручик в очередной раз удивился — а ведь поручик-то их, оказался, похоже, более осведомлённым, чем всё польское командование? Или просто повезло? Нет, в такое везение подпоручик Маршалек не верил. Только сейчас, на четвертый день войны, он, подпоручик бронетанковых войск, понял, что всё лето их готовили к войне против конкретного противника — немцев. И упор в подготовке делался на борьбу с бронетехникой противника. Опять же, пусть и в общих чертах, но силуэты основных типов танков немцев в батальоне знали и каждый солдат, и офицер мог сходу опознать любой танк противника. А примерные характеристики?

Опять же, поручик неоднократно говорил о шаблонности действий противника. И вот, в очередной раз за эти четыре дня, подпоручик убеждается — прав командир батальона! Немцы только встали, как тут же начали рассредоточивать технику. Грузовики с тентованными кузовами остались на дороге, и, возле них лениво начали строиться вражеские пехотинцы. Несколько автомобилей без тентов, в кузовах которых отчетливо были видны бочки с топливом.

Выстроившись по какому-то непонятному для поляков порядку, возле грузовиков с бочками начали суетиться солдаты противника. Ещё через несколько минут, к грузовикам по одному начали подъезжать немецкие танки.

— Да они полевую заправочную станцию разворачивают! — Негромко, так, чтобы слышал поручик-парашютист, поделился своим предположением Северен. — Нам командир батальона, поручик Домбровский как-то рассказывал на манёврах, что противник будет использовать каждую свободную минуту с максимальной пользой. Чего от нас и требовал!

Офицер-парашютист что-то неразборчиво пробурчал в ответ, после чего, уже разборчиво, задал вопрос:

— Уверен, что они полевую заправочную станцию разворачивают?

— Уверен. Видишь, пан поручик, возле крайнего справа грузовика встали сразу два танка? Пока неясно только, как они будут заправляться. Если с бочек — это долго. А есть ли у них насосы, я не знаю.

Насосы для перекачивания топлива у немцев оказались. Оба офицера внимательно рассматривали в бинокли, как пара германских солдат в чёрных комбинезонах собирали какую-то конструкцию, после чего начали к ней присоединять гибкие шланги.

План, как произвести максимум шума и света за короткий промежуток времени появился сам-с собой. На это потребуется лишь несколько минут. Ещё и мишени хорошие, большие и неплохо заметные в лунном свете. Будто бы подыгрывая, немцы зажгли карманные фонарики, добавляя ещё немного так необходимого полякам освещения.

— Внимание! Всем бить на расплав стволов. Задача — поразить грузовики противника с бочками в кузове. Внутри бензин. Потом, через полторы-две минуты, всем зарядить трассирующие и зажигательные патроны! Бить туда же!

Разведчики, сразу поняв, чего же хотят от них офицеры, заулыбались — если пулями удастся пробить бочки, то топливо из них начнёт сочиться вниз. За полторы-две минуты,

какое-то количество топлива должно будет вытечь, и, возможно, даже разольется вокруг. А зажигательные и трассирующие очереди dokonчат это дело — подожгут бензин.

Парашютисты-диверсанты защёлкали предохранителями. Послышались звуки передёргиваний затворов. Офицеры несколько ещё несколько минут всматривались в бинокли и благодарили бога, за то, что яркая луна позволяла вести наблюдение на приличной дистанции от противника. Наконец, посоветовавшись, офицеры приняли общее решение и переназначили цели. Длинной цепочкой стояли сразу три грузовика. Как раз по одному пулемёту на грузовик и получается. А стрелки с карабинами и винтовками — просто добавляют в общий бедлам немного шума.

«Три костра наблюдатели точно должны будут заметить!» — Злорадно подумал подпоручик.

Разведчики начали готовиться. Вначале развернули мотоциклы. Потом, растянувшись жидкой цепью, приготовились стрелять. Северен же, до белизны в пальцах сжимал бинокль, ожидая команды.

Команда на открытие огня, несмотря на то, что её все ждали, раздалась неожиданно. Вначале, как-то неуверенно, будто бы смущаясь нарушать ночную тишину, раздалась короткая очередь из трофейного MG-34, а потом, спустя долю секунды, всех, можно сказать, отпустило — к стрельбе подключились оставшиеся два ручных пулемета Browning.wz.28 и карабины системы Маузера.

Немцы поняли, что происходит не сразу. За время, пока пулемётчики отстреляли первые магазины (из Browning wz.28) и ленту (из MG-34), противник не произвел ни одного ответного выстрела.

Северен, в свою мощную оптику, лишь смог заметить, как в кузове одного из грузовиков повалился прямо на бочки заправщик.

К сожалению, противник всё-таки опомнился и тут же открыл беспорядочный огонь во все стороны из всего оружия, которое только было под рукой. К счастью для польских разведчиков, стреляли немцы хотя и «от души», но вразнобой, без четкого определения дистанции и целей. В итоге, позволив полякам воспользоваться полученной неразберихой и завершить свой план так, как им это было нужно.

Вскоре, все три грузовика противника начали разгораться. Постепенно огонь начал перебираться и на стоящие на заправке ранее танки. Но поляки этого уже не видели. Как и не видели детонации вначале топлива в бочках, а потом и детонации боеприпасов сначала в одном, а потом и во втором танке противника...

Разведчики к этому моменту, выпустив ещё по паре магазинов, не собираясь задерживаться, добрались до уже подготовленных к бегству мотоциклов, и, попрыгав по своим местам, пользуясь неразберихой, начали спешно покидать место своей диверсии.

К сожалению, для разведчиков, без потерь всё-таки не обошлось. Шальную пулю в спину получил один из пулемётчиков, уже усевшись в коляске мотоцикла. Погиб и поручик-десантник — такая же шальная пуля попала ему в затылок. Эти потери не сразу даже и заметили...

Запись из личного дневника майора ..., в 1939-м году — командира танкового взвода 3-й лёгкой дивизии Вермахта. Bundesarchiv.

«03–04.09.1939.

22:00 по берлинскому времени:

Подготовка завершена. Сегодня в бой. Выдвигаемся прямо сейчас, ночью. Странно.

Обычно такого не было.

23:45 по берлинскому времени:

Уже больше часа едем навстречу противнику. Говорят, эти польские свиньи навалили нашим парням из 24-й дивизии. Несколько десятков человек из их разведроты двигаются с нами. Командир нашей кампфгруппой им не доверяет, считая, что, побежав однажды с поля боя перед поляками, эти «вояки» побегут снова. Поэтому они следуют в конце нашей колонны... Посмотрел я на них, с виду — неплохие солдаты. Но командованию виднее.

00:35 по берлинскому времени:

Двигаться приходится медленно. Командование обеспокоено возможных ловушек, выставленных поляками. Как мне кажется, проще было бы ударить всей дивизией навстречу полякам и разметав их, будто метлой, по сторонам, по свободным дорогам устремиться к Варшаве. Уверен, что эти польские свиньи ничего не смогут нам противопоставить!

2:15 по берлинскому времени:

Передовое охранение задержало нескольких поляков.

Как я и думал — поляки оказались никудышными солдатами. Я не могу поверить, что хоть кто-нибудь из воинов нашего непобедимого Рейха добровольно сдастся в плен. Не могу себе представить, что кто-то из немецких солдат будет стоять на коленях и молить о пощаде перед врагом нашего Рейха.

2:35 по берлинскому времени:

Командование нашей кампфгруппой решило дать возможность этим дармоедам из 24-й дивизии искупить свою вину перед Рейхом! Мудрое решение, которое позволит исправиться растерявшимся солдатам, и, если так решит Бог, в случае гибели в бою, они всё-таки отправятся не в Ад, а в Валгаллу!

Нам же, танкистам, опять необходимо заниматься техникой. Ничего — вскоре мы окажемся на острие атаки и наши имена войдут в историю Непобедимого Рейха!

5:40 по берлинскому времени:

Эти чёртовы поляки атаковали нас! (Зачеркнуто).

Эти польские свиньи, не умеющие воевать по всем правилам, атаковали нас ночью! Просто начали стрелять в спину! Говорят, что противник атаковал силами примерно батальона! Вот только как он смог просочиться прямо у нас под носом?

Хуже всего, что им удалось сжечь три грузовика с топливом и два танка.

6:00 по берлинскому времени:

Вернулась посланная вперёд разведка из 24-й дивизии. Польских войск они так и не встретили, но понесли потери, напоровшись на мины противника.

Эти чёртовы свиньи заманили нас в западню! Посовещались и мы, танкисты Рейха приняли решение отомстить полякам.

6:50 по берлинскому времени:

Десять минут назад расстреляли этих польских свиней, которые завели нас в эту ловушку.

Командир кампфгруппы принял решение: немецкие солдаты — прежде всего. Поэтому не будет никакой пощады к врагам Рейха.

Как же нам повезло с командиром!»

***Специально для любителей Баварского и тех, кто считает, что немцы бы из-за потерь не стали расстреливать пленных, кратко, в двух словах поведаю о 3-й лёгкой**

дивизии, куда по сюжету книги и входил неизвестный автор этого дневника...

Итак, в реальной истории, 4 сентября 1939 года (совпадение, не правда ли?), солдаты дивизии вошли в район Катовице, где встретили сопротивление местного населения, которое пыталось перекрыть дороги (не пустить технику, видео похожего противодействия мирного населения армии мы могли наблюдать в феврале-марте прошлого года, сами знаете где), не пустить технику. Кто-то из местных (по неподтверждённым данным) начал кидать в солдат вермахта камни. В качестве возмездия «за понесённые унижения», солдатами Вермахта были собраны около 80-ти солдат польской армии и полицейских на площади Костюшко в Катовице и казнены.

В очередной раз скажу — любителям Баварского у меня делать нечего.

Глава 20. 5 сентября 1939 года. Утро

С каждым пройденным метром, отдаляясь от основных сил моего танкового батальона (вернее сказать — его остатков), от боевых товарищей (тех же капитанов Галецкого и Завадского), настроение мое опускалось всё ниже и ниже, уже давно преодолев отметку «ниже плинтуса». Вот только поделаться ничего особо было нельзя — приказ получен, и, его нужно выполнять!

Вот его я и выполнял, нервно осматриваясь по сторонам.

На этот раз порядок движения был прост и незамысловат: впереди все мои танки (аж пять штук), следом за ними — оба грузовика с пехотой. Во главе колонны — моя командирская машина. Дистанцию между машинами старались выдерживать, плюс-минус двадцать пять метров.

Постепенно, с рассветом немцы начали приходить в себя. Вернее, не все немцы, а их воздушная часть — «эксперты» Люфтваффе, проснулись, и, испив кофею на своих аэродромах, рассевшись по кабинам самолётов, полетели бомбить непокорных поляков.

Вы, конечно, понимаете, что про выпитый кофе — это мои домыслы. А вот про полёты — уже нет. Видел я вдалеке группу из нескольких десятков чёрных точек, следующих куда-то на северо-восток. И у меня почему-то была уверенность в том, что самолёты эти — немецкие. Ну не видел я больших групп польских машин в небе — хоть убейте, не видел! Приходилось наблюдать за тем, как малочисленные звенья истребителей вступали в бой с противником, видел и подбитые немецкие самолёты. Но одновременно двух или трёх десятков польских самолётов в небе — не видел!

Размышления о вражеской авиации, совсем выбили меня из колеи. Во всяком случае, в себя мне удалось прийти только после того, как мехвод, в очередной раз по танково-переговорному устройству решил уточнить:

— Командир, а дальше куда?

Встрепенувшись, я повертел головой. Судя по начавшей оседать пыли, колонна стоит уже пару минут. Да и командир следующей второй машины, встревоженно смотрит в мою сторону.

Дорога, по которой мы ехали, переросла в «Т»-образный перекресток. В очередной раз раскрыв свою планшетку, я быстро сверился с картой, потом нашёл следующий пункт, обозначенный полковником, как контрольная точка нашего примерного маршрута. И в этот самый момент, неподалеку, загрохотало.

Вокруг поля. Видимость неплохая. И на ближайšie пару километров, вокруг никого. Но противно грохочет. Будто бы гром вдалеке. Хотя нет. На гром похоже лишь отдаленно.

В любом случае — неприятно.

Я выругался. Судя по звуку, работало сразу несколько артиллерийских батарей. Две или более? Причём, судя по всему, калибром, миллиметров так в сто пятьдесят. Во всяком случае, тяжелые, «басовитые» звуки говорили не о «хлопушках» калибра в сто пять миллиметров, а о более серьёзных орудиях. Дивизион? Или сразу артиллерийский полк? А есть ли в германской армии сейчас пушечные артиллерийские полки? А хрен их знает? У немцев всегда всё шло не как у людей! Там, где в такой желанной, советской армии шел артиллерийский полк, у противника числился какой-нибудь батальон тяжелого вооружения, с численностью орудий большей, чем в советском артполку. С танками тоже самое. У

немцев — батальон, а у нас целая бригада с такой же численностью машин!

Тьфу.

В очередной раз мысленно выругавшись, понимаю, что по плану, предложенному полковником, нам следует повернуть по извечно-мужскому маршруту. Налево, то есть. Вот только, по моим прикидкам, как раз в той стороне и работают германские стопятидесятимиллиметровые гаубицы! А с гаубицами, по-хорошему, должны быть и силы прикрытия. Рота, а то и батальон пехоты, со штатными противотанковыми средствами. И будет этих немцев, сотен пять. А у меня, с учетом танкистов, и сотни не наберётся!

Вот только решение принимать нужно как можно быстрее — если противник развернул артиллерию к северу от нас, то, получается, мы сейчас находимся за передовыми позициями противника. А это значит, что вот-вот по этой дороге пойдут колонны противника. Не обязательно с войсками. Будут раненых вывозить, боеприпасы подвозить. Ну, и, конечно же, подкрепления.

Немецкие артиллеристы, судя по всему, старались работать из своих орудий на пределе возможностей, а это значит, что скоро, совсем скоро немецкие войска перейдут в наступление. Вот сколько они будут там работать по противнику? Десять минут? Пятнадцать? Полчаса?

Свой артиллерийский обстрел немцы начали уже минуты три назад.

Если удастся ударить в тыл немцам в момент их атаки, то можно спутать немецкому командиру все планы. Хуже всего, что пехота у меня передвигается на обычных грузовиках, а не на бронетранспортерах. Даже пары трофейных «Ганомагов» нет. А очень хотелось бы!

В очередной раз выругавшись, машу рукой, подзывая офицеров и командиров машин.

С офицерами, скажем прямо, у меня — «голяк». Я, майор Врубель, подпоручик-пехотинец (чего имени так и не узнал). А командиры машин — сержанты.

— Панове сержанты и офицеры. К северу, как вы слышите, противник развернул свою артиллерию. Мной принято решение, атаковать противника. Разнесём им пушки, после чего ударим во фланг или тыл наступающему противнику. Рации «на приём». Возможно, после атаки на артиллеристов, придётся спешно отходить.

Все офицеры и сержанты внимательно слушали, не перебивая меня.

— Сложнее всего придётся пехоте, командиром которой у нас является, подпоручик...

Поняв моё затруднение, молодой офицер представился дрожащим голосом:

— Подпоручик Хмель.

Я в очередной раз мысленно выругался — судя по голосу, подпоручик боится.

А как не бояться? Я тоже боюсь. Постоянно. И погибнуть не хочется. И людей под пули подставлять. Только я немного постарше, чем он. Ну, я настоящий. Да и я нынешний — на пару лет перерос подпоручика.

На вид, подпоручик — совсем молодой парень, почти мальчишка, которому едва двадцать лет стукнуло. По внешнему виду — совсем не Геракл, да и не старается им быть. Высок, худощав. Обычное, подростковое лицо, на котором едва-едва начала появляться растительность. Блондин. И глазки такие голубые-голубые, но бегают из стороны в сторону. Если протянет пару лет и заматерееет, немного набрав вес — одним своим видом будет сводить с ума девчонок. А сейчас... Обычный, самый обычный парень. Который и очень сильно боится, плюсом ко всему. И, в бою не был. Ни разу. Даже в самом паршивеньком. Хотя, под авианалетом бывал — колонны третьей дивизии бомбили регулярно. Может этого и боится? Авиации противника? Как бы не напортачил со страху...

Вот только говорить ему об этом нельзя. А вот доверие высказать нужно.

— Так вот, сложнее всего придётся подпоручику Хмелю. Без его пехоты наши танки просто пожгут. Гранатами. Бутылками с бензином. Могут ещё что придумать. Поэтому, на подпоручика с его людьми возлагается серьёзная задача!

Выслушав мою короткую, всего на пару десятков слов речь, о том, что конкретно ему, подпоручику Хмелю, придётся стать тем самым фактором, который обеспечит нам победу в бою, парень приободрился. Было видно, что ему приятно осознавать тот факт, что ему доверяют. Опять же, глаза бегать перестали и в них стала появляться какая-то осмысленность.

А может не подведёт? Не должен!

Знаете, чем хорош Вермахт образца сентября 1939-го года? Тем, что в нём ещё воюют дилетанты. Да-да. Дилетанты! Пусть с оружием, военным образованием и какой-никакой, подготовкой, но дилетанты, которым кровью погибших боевых товарищей ещё не вбили, что на войне все регламенты и наставления требуется соблюдать с точностью до каждой запятой. То есть — подготовить позиции, окопаться, выставить посты, замаскировать пулемётные позиции, поставить наблюдателей.

Так вот, почему я завел разговор о дилетантах? Так потому, что вражеские артиллеристы расположились прямо возле дороги. И заморачиваться с укрытиями не стали. Просто вытянули в линию гаубицы, выдерживая метров около двадцати между орудиями, развернули полевой командный пункт, и, всё.

Батарей было две. Одна, как я и предполагал — вооружена 150-мм тяжелыми полевыми, а вторая — лёгкими 105-мм полевыми гаубицами. Всего — восемь штук. Из средств тяги — старые-добрые лошадки.

Стало быть, воюем мы не против моторизованного противника.

Было у немцев и прикрытие, которое, впрочем, с занятием позиций тоже особо не заморачивалось. Просто отошли в сторонку, да разведя несколько костров, начали кашеварить, поставив оружие в пирамиды. А что? До поляков ещё километров пять. Ну попрдержал германский командир роту пехоты, на всякий случай. Ну и что? Всем же известно, что эти поляки ничего не могут противопоставить доблестному германскому Вермахту?!

Нет, пехотинцы про свою охрану не забыли. Выставили аж двух караульных. Прямо на дороге. И эти самые караульные вместо того, чтобы строгим взором изучать округу на предмет поиска вероятного противника, просто смотрели на то, как их камрады готовились к приёму пищи и нежились на ещё теплом сентябрьском солнышке.

А офицеры, прилегшие на плащ-накидках чуть в стороне, устроившись с максимально возможным комфортом, почему-то совсем «забили» на своих подчинённых, оставив их на попечение унтер-офицеров и фельдфебелей.

О чём думал командир пехотной роты и его командиры взводов, я не знал. И не хотел знать. Я лишь благодарил Бога (если он есть) и всех святых (если они также всё-таки есть) за то, что противник так безалаберно относился к своим обязанностям.

И что самое характерное. Нас, выскочивших из-за густого кустарника примерно в полукилometре за артиллерийскими позициями, немцы, похоже, даже не заметили? Или заметили, но не обратили внимания, приняв за своих?

У них уже не спросишь!

Короткая команда, и, танки, развернувшись цепью, выдерживая дистанцию в полсотни метров между машинами, увеличивая скорость, мчались вперёд, поливая артиллерийские позиции противника малокалиберными, 37-мм осколочными снарядами и длинными пулемётными очередями.

Следом за танками, развернувшись в жидкую цепь, в атаку шёл наш пехотный взвод. Всего — пятьдесят четыре человека. В общую цепь даже встал майор Врубель. Не думаю что толку от его пистолета будет много, но как дополнительное руководящее звено, как дополнительная пара командирских глаз, он в бою явно не лишний.

Следующие несколько минут (или полчаса, а может, и час?) слились для меня в один единый калейдоскоп. Я наводил, стрелял из пушки по артиллеристам противника, стрелял из спаренного пулемёта по пехоте противника, и, вновь наводил и стрелял из пушки. Кажется, что-то кричал. В том числе и в рацию.

А потом... потом немцы побежали. Артиллеристы от того, что им не удалось оперативно развернуть свои многотонные орудия для отражения нашей атаки. А пехота, прикрывавшая батареи врага... Пехота бежала из-за того, что у них не было противотанкового вооружения. Противотанковые ружья они ещё не ввели в состав пехотных рот. Да и противотанковые пушки не положены обычной пехотной роте.

Без потерь, к сожалению, все равно не обошлось. Пятеро убитых и десятков раненых, четверо из которых — тяжелые.

Нет, немцев мы положили много. С полсотни будет точно. И пушек их лишили. Но потери...

А тут ещё во мне хомяк проснулся. Хотелось утащить всё и сразу. А нельзя. Нечем. Поэтому пушки выводили из строя, подрывая в стволах немецкие гранаты-колотушки.

Радовало, что подпоручик Хмель не подкачал. Он как в той советской песне — «Как только бой угас, звучит другой приказ!» * ... Озадачил всех своих подчинённых. Кто-то уже оказывал помощь раненым, кто-то собирал трофеи, а кто-то вёл наблюдение за окружением — мало ли, немцы опомнятся и вернуться?

***Автор знает, что текст этой великой песни несколько отличается. Но ошибки созданы осознанно. В стрессовые моменты (согласитесь, первые минуты после боя, тот ещё стресс), мы можем помнить всё что угодно, но делать ошибки в простых вещах, которые нам кажутся обыденными. Вот и наш герой вспомнил слова песни в несколько видоизменённом виде.**

Трофеев взяли немного. Немцы, хоть и бежали, но личного оружия не бросали. Поэтому собрать удалось лишь несколько десятков карабинов, один ручной пулемёт чехословацкого производства, да какое-то количество гранат. С собой пехотинцы хватили и ремни с подсумками и лопатками, а также вещевые рюкзаки немцев. Вот только потрошить противника у нас времени не было. Буквально через пятнадцать минут прибежал посыльный от наблюдателя, расположившегося в тылу, и, наблюдающим за той дорогой, по которой мы приехали.

— Немцы!

Короткая команда, и, два танка с отделением пехотинцев на броне, выдвигается назад. Задача проста — обстрелять противника, нанести максимальный урон, после чего спешно отходить назад.

Кроме этого, подпоручик Хмель отправил нескольких бойцов вперёд — на разведку. Но далеко разведчики не ушли. Уже через полкилометра их обстреляли из нескольких

карабинов. Судя по всему, противник скапливает силы в небольшом овражке, который, как выяснилось позже, не был обозначен на моей карте.

Танки вернулись минут через десять. Всё это время мы слушали трескотню пулемётов и негромкие «чавканья» тридцатисемимиллиметровых танковых пушек. К сожалению, без потерь и в этот раз не обошлось. Ответным огнём противника был ранен сержант, командир отделения пехотинцев. Одного взгляда на раненого хватало, чтобы понять — не жилец. Три пули в живот, одна в плечо... Такие ранения в полевых условиях, даже в моем времени, наверное, не лечатся!

Ещё и один из пехотинцев пропал. То ли раненый упал и не смог отступить с остальными. То ли просто дезертировал? Кто его разберет?

К этому моменту стрельба уже слышалась со всех сторон. Да и ситуация складывалась паршивая. Сзади — противник. Спереди — накапливающиеся после бегства пехотинцы и артиллеристы в овражке. Ещё дальше, в нескольких километрах, судя по интенсивному ружейно-пулемётному огню и достаточно редким звукам артиллерийской стрельбы идёт бой.

В мою сторону уставилось несколько десятков пар глаз. И в каждом из них читался немой вопрос — «Что, пан поручик, завёл нас в западню? Как вырваться теперь будем?».

Срочно требовалось решение. Именно его от меня ждали сейчас все.

— Слушай мою команду! — Решил не растягивать я. — Подпоручик Хмель! Определить людей на броню танков. Одно отделение выделить в подчинение майора Врубеля.

— Слушаюсь! — Подпоручик, изрядно побелевший в лице, тут же позвал оставшихся в живых сержантов и начал раздавать указания. Было видно, что офицер боится, но борется со своим страхом.

— Майор Врубель! — Контрразведчик, являвшийся старшим по званию, и, формально мне не подчиняющийся, вытянулся, приняв подобие строевой стойки. Вообще, сейчас, после боя, этот офицер не был похож на того Врубеля, которого я знаю по Франции. Он больше не был похож на «щеголеватого паркетника» в идеально выглаженной форме. Сейчас контрразведчик походил на обычного, уставшего мужика в военной форме. Да и трофейный карабин на плече придавал ему некой солидности. — Вы, с отделением, которое вам выделит подпоручик, будете следовать на грузовиках. Ваша задача, охрана раненных.

— Слушаюсь! — Устало вскинув два пальца, к козырьку своей полевой фуражки-конфедератки, отрапортовал майор, после чего направился к уже ожидающим его пехотинцам.

Я же, ещё раз взглянув на карту, позвал к себе всех командиров танков и водителей. Через минуту, когда вокруг меня организовался небольшой полукруг, продолжил постановку задачи:

— Мы вот тут. В четырех с небольшим километрах к северо-востоку, населенный пункт. Судя по всему, с упором на него, неизвестная нам воинская часть держит оборону. Мы им уже оказали помощь, выведя из строя артиллерию противника. Осталось прорваться к ним, сдать раненых и пополнить боезапас. Какими силами противник атакует, я не знаю. Поэтому действовать нужно быстро. Впереди идёт мой танк. Остальные машины встают клином. В центре, грузовики с ранеными и трофеями. На нашей стороне броня и скорость...

Глава 21. 5 сентября 1939 года. Утро. Поручик Домбровский

Ещё несколько минут ушло на более детальную постановку задачи и озвучивание действий в случае потери какой-либо из машин. Решение было одно — бросать технику. Мне люди важнее.

Конечно, это была перестраховка, да и без танков мои экипажи бесполезны — потому что пехотный бой, это далеко не только личные навыки по стрельбе, а целый комплекс умений, которые развиваются у солдата месяцами, без перерыва на отдых, при том, казалось бы, в самых неожиданных действиях. У меня же долгих месяцев на подготовку «сверхчеловеков» не было, да и не умею я готовить, этих самых «Рэмбо» местного разлива. Поэтому и делал упор на то, что считал нужным — на управление вверенным личному составу военным имуществом, да на личные стрелковые навыки, которые при определенной доли везения должны облегчить жизнь некоторым моим подчинённым.

А вообще, танки найти — не проблема. У немцев, например. Да и у тех же поляков есть. Хотя и мало. В любом случае — потеря личного состава для меня намного хуже потери танков. Именно поэтому, танки сейчас решено бросать, в случае чего. А вот грузовики с ранеными — эвакуировать любой ценой!

В общем, через пять минут, когда все заняли места согласно купленным билетам, мы, наплевав на радиомолчание двинулись вперёд.

Первыми, кого мы встретили, оказались немцы. Причём, это были те самые немцы, ещё четверть часа назад бросившие свои орудия на произвол судьбы. Судя по тому, что за это время гитлеровцы смогли устроить какое-то подобие линии обороны с опорой на едва заметную на местности канаву или небольшой овражек (не отмеченный, кстати, на карте), кто-то из офицеров у них всё-таки выжил и попытался организовать сопротивление.

А ещё кто-то у гитлеровцев смог прихватить с собой пару ручных пулемётов, которые и били длинными очередями по танкам, облепленным танковым десантом и грузовикам с ранеными.

Нет, два ручных пулемёта и с полсотни солдат с лёгким пехотным оружием (карабинами) — это не та сила, что может остановить пусть и небольшой, но всё-таки танковый отряд, но крови, эти немцы попили нам немало! Аж троих пехотинцев с брони смели, не оставив тем никаких шансов.

Прощать такую дерзость никто не собирался, поэтому, несколько длинных очередей из спаренных танковых пулемётов и с пару десятков 37-мм осколочно-фугасных снарядов, всё-таки заставили немцев прижаться к земле.

А в этот самый момент, другие пехотинцы, воспользовавшись организовавшейся заминкой, уже начали погрузку в кузов одного из грузовиков тел погибших в бою товарищей.

Наконец, когда все вновь были готовы, мы продолжили движение.

Пять километров прошли на максимальной скорости без проблем, как-то «походя» разгромив небольшой обоз гитлеровцев из пяти груженных гужевого повозок.

Если честно, мне очень хотелось дать команду на остановку, чтобы собрать трофеи и изучить груз немецких тыловиков, вот только делать этого было нельзя — каждая минута задержки могла стоить жизней наших боевых товарищей. Поэтому, скрепя сердцем, я отдал команду ускорить движение.

Вообще, в своё время, советский лётчик-ас, Трижды Герой Советского Союза, Александр Иванович Покрышкин вывел (или только выведет?) формулу победы советских ВВС в годы Великой Отечественной Войны: высота — скорость — маневр — огонь.

Говорил ли кто-то что-то подобное про танковые войска? Не уверен. Поэтому скажу я. Может быть не так лаконично и ёмко, как великий лётчик страны советов, но от души: броня — скорость — натиск — огонь. Именно по такому принципу я и планировал вывести своих людей из ситуации, в которой мы оказались.

По дороге мы пересекли сначала одно, а потом и второе неубранное поле. Потом, свернув на перекрёстке, замечаем небольшую колонну из двух трёхосных грузовиков чехословацкого производства, двигавшихся нам навстречу. Судя по серо-металлическому цвету автомобилей и разложенному на капоте одной из машин красном флаге с «каракатицей» на белом фоне — немцы.

Короткая команда в танковое переговорное устройство, и, почти десятитонная машина застывает как вкопанная.

Плавное движение рукой, и, башня, слегка развернувшись, наводит орудие на головной грузовик. Плавное нажатие на спуск. Лязг затвора, в гильзоулавливатель летит стрелянная гильза, а в нос бьёт запах сгоревшего пороха.

Следом, заряжающий, тут же заряжает малокалиберный тридцатисемимиллиметровый осколочный снаряд. Очередное нажатие на спуск, и, новый снаряд летит в сторону противника.

В хорошую оптику прицела было хорошо видно, как снаряды кромсают кабину головного грузовика. Также было видно, как шедшие следом за моей машиной танки, развернувшись в боевые порядки, посылали по противнику снаряд за снарядом.

Никакого руководства боем нет. Каждый делает то, чему учился в последние предвоенные месяцы. Мне только и остается, что делать поправки и жать на спуск — руки, натренированные за последние дни, действуют в отрыве от головы, что называется, на автомате. Сделав пять или шесть выстрелов, замечаю небольшой белый кружок с красным крестом, наспех намалёванный краской на лобовом стекле дальнего от нас грузовика.

Осознав, что у меня в прицеле оказываются грузовики с ранеными, переключив рацию на передачу, собираюсь отдать команду о прекращении огня, но... не успеваю. В оптику танкового прицела хорошо видно, как после одного из выстрелов с польской стороны, санитарный грузовик резко вспыхивает и в считанные секунды превращается в весело горящий и дымно чадающий костер.

Почему загорелся грузовик с символикой красного креста? Не знаю... Да и не до этого мне было в тот момент!

К горлу тут же подкатывает какой-то не то сгусток, не то, ком. Виски, после осознания произошедшего, нещадно начинает ломить. Ещё и горло пересохло. Прежде, чем мне удастся произнести хоть слово, оставшиеся четыре танка, чьи наводчики (они же — командиры), не знавшие, что ведут огонь по санитарному транспорту, успели сделать ещё по паре выстрелов.

— Прекратить огонь! Всем прекратить огонь! — Раненым медведем кричу в рацию, наблюдая через танковый прицел, как полыхает грузовик с эмблемой «красного креста».

Невыносимо захотелось завывать. Лишь каким-то невероятным усилием воли заставляю себя закрыть рот и перевести дух. В голове тут же начинает клубиться целый рой мыслей:

«Я убил некомбатантов...», «Чем я лучше нацистов?!», «Как мне теперь с этим жить?!»

...

Вопросов в голове было так много, что я не сразу услышал запрос одного из командиров танков в наушниках радиостанции:

— ...Продолжить движение? ...

Каким-то краем сознания понимаю, что, если мы сейчас остановимся — тут же все и останемся. Нужно действовать. Неважно как, но действовать!

Переключив радиостанцию на передачу, отдаю команду в миг осипшим голосом:

— Всем. Продолжить движение!

Взревев двигателями, танки двинулись вперёд.

Пока что нам откровенно везло — у противника не было ни одного противотанкового орудия или противотанкового ружья. Тех же, трофейных польских. Вот уверен я, что немцы — неглупые вояки, и, при первой же возможности постараются усилить огневую мощь своих подразделений всем, что только может стрелять.

Пока размышлял об опыте и запасливости германских офицеров, танки и грузовики с ранеными оказались у небольшого защитного лесного насаждения, или, проще говоря, у небольшой лесополосы.

Вариантов было два: пойти по дороге и рвануть дальше, навстречу неизвестному польскому подразделению, или, сначала провести разведку.

По уму — нужно провести разведку, как и требуют различные наставления и уставы всех армий мира. Идти вперёд, неизвестно куда — глупая затея, что весьма логично. Вот только логично это в мирное время или в составе действующей армии. Под моим командованием же, не то рейдовое подразделение, не то окруженцы... В общем — стандартные правила работать вряд ли будут. Поэтому и не стал заморачиваться.

Колонна быстро проскочила лесополосу, и, перед поляками (танкистами и пехотинцами) открылась занятая картина.

Представьте себе обычную просёлочную дорогу, идущую через поле.

Представили?

А теперь представьте себе, что на этом поле расположились люди. Много людей. Причём не просто люди, а солдаты. Солдаты вражеской армии. Представили? Получилось?

Тогда усложним задачу!

Сможете представить моё лицо, когда я осознал, что волей случая мы наткнулись на полевой германский штаб?!

Почему именно штаб?

Ну, первое, что бросилось в глаза — несколько десятков повозок, запряженных лошадьми. А в поле, на ровном участке — столы. Небольшие такие, складные. И на некоторых из них, судя по всему, расположено радиооборудование. Во всяком случае, пару «коробок» радиостанций с длинными антеннами, установленными на самодельные «штыри», со склонившимися над ними связистами, я заметил.

А может и не штаб, а обычный полевой радиоузел?

Да какая разница?

Короткая команда, и, застывшие на несколько секунд танки, открыли шквальный артиллерийско-пулеметный огонь по противнику!

Немцы забегали.

Врать не буду — наше появление гитлеровцы не проспали, стрельбу в своем тылу они должны были слышать! И именно немцы открыли огонь первыми. Правда, ручные пулемёты серьёзного ущерб бронетехнике не нанесут... А вот пехотинцам на броне — не

позавидуешь.

Снаряды и патроны мы не сэкономили, смысла в этом не было.

Пара минут потребовалась на то, чтобы «заткнуть» пулемётчиков противника. Ещё несколько минут ушло на подавление организованного сопротивления, после чего, по очередной команде, танки, а вместе с ними, и, грузовики, рванули вперёд.

Конечно, мы не всех немцев перебили. Было их там несколько десятков человек. Но десятка два, должны были обзавестись новыми земельными участками. А остальные... Остальные действовали каждый в меру своей патриотической и боевой подготовки. Кто-то стрелял нам вдогонку из своего карабина, а кто-то побежал и был сражен пулями танковых пулемётов и пехотинцев танкового десанта.

Проскочив очередное препятствие, вырвались на оперативный простор, или, проще говоря, выскочив из-за очередной лесопосадки, оказались в поле. На этот раз, намного большем, чем до этого. Я вдалеке даже домики заметил. Часть из них, кстати, горела.

И что характерно, на этот раз мы оказались за позициями немцев!

Вот только тут нас уже ждали!

Пехотинцы наскоро вгрызались в землю. Дорогу караулили сразу несколько броневинов, к счастью, пулемётных.

Как и всегда на войне, началась вакханалия.

Радовало, что серьёзный калибр орудий только у нас, поэтому, спустя несколько минут, на поле уже дымно чадили, разгораясь три германских броневедомокола. Ещё два, не приняв боя, куда-то быстро ретировались.

Собственно, на этом наша удача и закончилась.

Вот как мне сквозь пусть одну-единственную, ещё не готовую, но всё-таки линию окопов проводить грузовики с ранеными? Сколько вот перед нами немцев? Рота? Две? Полнокровный батальон? Если батальон — дело плохо, у них могут быть и противотанковые пушки.

Накаркал!

Откуда-то слева, с той стороны, куда отошли два оставшихся германских броневедомокола, в нашу сторону открыли малокалиберные орудия.

Стоять на месте нельзя. Короткая команда — вперёд, и, дальше, кому как повезёт!

— Механик, не останавливаться! — Не своим голосом кричу в танковое переговорное устройство.

— Слушаюсь! — Отзывается танкист.

Несколькими поворотами маховиков, разворачиваю в сторону вражеских орудий башню и начинаю один за другим посылать в ту сторону осколочные снаряды. Толку от этой стрельбы немного — стрелять приходится на ходу, в прицеле скачет небо и земля, несколько раз я приложился лбом о прицел — но, была надежда, что таким образом удастся хоть чуть-чуть сбить прицел противнику!

А механик-водитель — молодец! Постоянно менял скорость, бросал машину из стороны в сторону, делая всё, чтобы сбить прицел вражеским наводчиком. Несколько раз мне даже казалось, что я вижу, как прямо в меня летит вражеский снаряд, но машина резко меняла направление движения, и, всё обходилось!

Не стоит думать, что я один умный и могу что-то придумать в этом мире! Командир одной из машин, открыл, вдруг, люк своей башни и высунул наружу руку с зажатой в ней дымовой палочкой. Хуже всего, что ветер дул не в нужную нам сторону, и, густой чёрный дым

не мог скрыть нас от артиллеристов противника. Это понял и экипаж танка. Смельчаки изменили направление движения и увеличили скорость, стараясь прикрыть нас от противника дымовой завесой. У них почти получилось, но в самый последний момент танк вдруг дёрнулся и застыл. Спустя несколько секунд в него тут же врезалось сначала два, а потом ещё три снаряда.

7-ТР загорелся как спичка. Боевую машину так никто и не покинул.

Несколько раз сильно «тряхануло» и мой танк.

— Германские окопы прошли! — Обрадованно сообщил в танковое переговорное устройство механик-водитель.

В его голосе, искаженным оборудованием чувствовалось облегчение. Он понимал, что остался последний рывок, какой-то километр с небольшим, и, мы окажемся среди своих!

Лицо заряжающего также засветилось улыбкой. У него словно открылось второе дыхание, он даже снаряды стал заряжать в два раза быстрее.

А я... Я устал.

Горло першило. Лоб саднил. Ещё и пот глаза заливает!

В очередной раз протерев глаза от пота, кручу маховики наводки орудия. Башня, благодаря усилиям электропривода плавно поворачивается на месте, как вдруг... Мощный удар.

Танк дёрнулся и резко остановился на месте.

Меня отбросило вниз.

Ещё один удар.

Что-то больно ожгло лицо.

Неважно!

Поворачиваюсь в сторону и вижу тело молодого парня — заряжающего моего танка. Оно неестественно скукожилось, прижавшись к стенке боевого отделения. И... у... танкиста не было головы.

Ком, подкативший к горлу, едва не вырвался наружу.

С трудом удалось сдержаться.

— Покинуть машину! — Не слыша своего голоса кричу я, после чего отсоединяю разъём от танкового переговорного устройства, и, открываю верхний люк.

Припадая к броне, стараюсь скрыться от вражеских стрелков бронёй. Удаётся слабо — несколько раз по броне защёлкали рикошетирующие пули.

Неприятно. Но неважно.

Спрыгнув на траву, тут же ложусь и стараюсь прижаться к земле.

На то, чтобы отдышаться времени нет.

Ещё и пот заликает лицо. Ничего не видно.

Мысленно выругавшись, ползу вперёд. Сейчас нужно отползти от застывшей боевой машины.

Через несколько десятков секунд слышу рядом тяжелое сопение.

Остановливаясь и протираю грязным рукавом комбинезона лицо. С радостью замечаю рядом с собой двоих — своего механика-водителя и капрала из бойцов танкового десанта, что был на броне во время последнего боя.

— Где остальные? — Задаю вопрос капралу.

Солдат лет двадцати пяти, низко прижимая голову в защитного цвета стальном шлеме, докладывает, а сам смотрит на меня так, осуждающе:

— Всех побили. И сержанта... И ребят...

Пот вновь заливает глаза. Вновь сложно видеть, что происходит вокруг. В очередной раз вытираю лицо грязным рукавом. Несколько липких капель упало на ладонь.

— Ползком, подальше отсюда! — Отдаю команду, и, наблюдаю, как оба солдата спешат удалиться от поврежденного танка.

Перед тем, как начать ползти за ними, слегка приподнимаю голову над травой и пытаюсь осмотреть происходящее вокруг.

Судя по всему, от незаконченной линии германской траншеи мы умудрились отойти метров на триста ил четыреста. Позади, помимо сожженных германских бронев автомобилей застыли два горящих танка — один из них, мой. Три других 7-ТР, маневрируя на поле, вели артиллерийскую дуэль с противотанкистами противника, отвлекая их внимание на себя, а грузовики... Грузовики мчались к занятой поляками деревеньке.

— Твою мать! — Громко выругался я, когда в очередной раз рядом со мной появились фонтанчики земли. Судя по всему, немецкие пехотинцы заметили меня, и теперь сделают всё, чтобы отыграться за весь сегодняшний день и уничтожить меня.

Глава 22. 5 сентября 1939 года. день

В своё время, в интернете я наткнулся на одно интересное наставление. Название я уже не припомню, но в нём подробно описывались различные способы передвижения военнослужащих: от парадного марша, до ползанья по-пластунски. Изучил я это наставление, кое-как — дурак был, знал бы, что пригодится, то обязательно вызубрил бы всё так, чтобы от зубов отскакивало, как и многие другие наставления и уставы. Но не об этом сейчас...

Так вот, как-то так само-собой случилось, что кое-что из этого наставления мне запомнилось. А именно — переползание по-пластунски. Там было всего несколько пунктов, доходчиво объясняющие, что и как нужно делать военнослужащему. Даже самому тупому и физически неподготовленному.

Вот именно этому наставлению я и старался следовать, вспоминая когда-то прочитанные в прошлом-будущем пункты и негромко повторяя их про себя:

— Первое, — Начинал бубнить я. — Лечь на землю плотно, взять оружие за ремень у верхней антабки и положить его на предплечье правой руки.

Конечно, в наставлении, написанном через несколько десятилетий после этой войны упор делался на среднего солдата-срочника, зачастую не обладающего сколько-нибудь развитыми умственными способностями. В общем — советские наставления, это то, что мне нужно. Вот где вы ещё найдёте человека, который зная, что война начнется всего через полгода, вместо того чтобы свалить подальше от боевых действий, решил остаться неизвестно ради чего? Вот как назвать такого человека? Идиотом — это точно. Особенно, если учитывать тот факт, что оказался он в армии, которая весьма недружественно относится к армии его родной страны.

Да-да, это я себя сейчас тупым называю. В тот самый момент, когда очередная шальная германская пулеметная очередь, прошла, кажется, у меня над самой головой!

— Второе, подтянуть правую ногу и одновременно левую руку как возможно дальше... — Продолжал я бубнить по-русски. — Третье, отталкиваясь согнутой ногой, передвинуть тело вперёд, подтянуть другую ногу, вытянуть другую руку и продолжить движение в том же порядке...

Действия — максимально простые. Но и в них нужен опыт. Это я понял буквально через пару метров такого передвижения. Мне казалось, что я то жопу высоко подниму, то ноги у меня задираются... Ещё и ремень с португеей, то и дело, стараются за траву зацепиться! Да и темп движения у меня, по сравнению с моим механиком-водителем и малознакомым капралом-пехотинцем, как выяснилось, сильно отличался. Во всяком случае, минут через пять, когда я в очередной раз вытер заливший глаза пот и остановился, чтобы отдышаться и осмотреться, никого из двух моих товарищей по несчастью, мною так обнаружено не было!

Зато три целых танка, старались увеличить дистанцию, и, маневрируя, продолжали вести обстрел германских позиций. А грузовиков с ранеными уже не было и видно!

Как, впрочем, не было и видно поляков, занимавших деревеньку. А ведь могли бы как-нибудь поддержать огоньком. Из станковых пулемётов или каких-нибудь миномётов? Ведь должно же у них быть хоть какое-то коллективное оружие? Факт — должно быть. Другой факт — это коллективное орудие молчало.

Передохнув пару минут и изучив обстановку, в последний раз бросаю взгляд на верно

сослужившего мне последнюю службу боевого товарища — лёгкий танк 7ТР. В какой-то момент мне даже показалось, что по хмурой «мордашке» боевой машины стекла слеза. Хотя, это, наверное, непонятно откуда взявшейся конденсат или топливо... или масло... да чего гадать?

А ведь, если скажу кому-то, что мне кажется, что я вижу эмоции своего танка, то за психа меня примут точно... А сейчас не примут? Может быть это вообще сон какой-то дурной? Из России двадцать первого века, какого-то хрена оказался в Польше двадцатого века?! Расскажи кому — точно за умалишенного примут.

Хотя, рассказал же — пану генералу Кутшебе. И ни чего — в дурку не сдали. Хотя — могли. Да, и, думаю, сдал бы он меня в дурку, если бы немцы первого сентября не начали! А ведь могли не начать! Был же даже термин такой — «Бабочка Брэдбери». Или явление? А черт его знает! Дурак был — не запомнил в двадцать первом веке. Разве что, пару фраз из рассказа «И грянул гром» помню: «Раздавленная ногою мышь — будет равна землетрясению, которое изменит образ Земли», и, по-моему... А, не важно! Первой фразы тоже хватит, хотя она, кажется, была написана не совсем так...

Мои размышления прервала очередная пулемётная очередь, которая легла в каком-то десятке сантиметров справа от меня!

«Это кто такой меткий?» — Пронеслась паническая мысль в голове.

Как и любому нормальному человеку, мне не хотелось получить пару-тройку пуль калибра семь девяносто два миллиметра в какую-нибудь из своих частей тела.

Близкая пулемётная очередь заставляет ускориться. Двигаю ногами и руками на автомате. Пару раз, кажется, даже слегка приподнимаюсь «на четвереньки» — настолько сильно хотелось ускориться — но, близкая пулемётная очередь, по какому-то стечению обстоятельств, опять легла чуть в стороне и заставила вжаться в землю.

К счастью, где-то через полчаса переползания от одной кочки к другой, после безвозвратной потери неизвестного количества нервных клеток, мне удалось найти ямку побольше, в которой меня уже ждали.

Своего механика-водителя я был рад видеть. Как, впрочем, и незнакомого капрала-пехотинца, который с перепугу чуть не выколол мне глаз стволом своего карабина.

Впрочем, отмахнувшись от ствола «Маузера», понимаю, что опознание прошло успешно.

Хуже всего, что для троих в этой ямке места явно маловато. Поэтому, кое-как потеснившись, приходится разместиться.

— Пан поручик, у вас кровь. — Испуганно сообщил механик-водитель.

— Это не моя. — Попытался отмахнуться я, после чего со лба по лицу скатилась небольшая липкая капля и попала на верхнюю губу. Облизав её сухим языком, понял, что кровь всё-таки моя.

— Давайте, пан поручик, лицо вытрем и посмотрим? — Дрожащим голосом предложил капрал из пехоты, протягивая обтянутую чехлом флягу, объёмом около литра. — У меня воды немного осталось.

Воды было немного. Меньше полулитра. Но её нам хватило на то, чтобы освежиться и кое-как попытаться обеззаразить рану, образовавшуюся у меня на лбу.

Механик-водитель достал из кармана своего черного танкового комбинезона перевязочный пакет, и, разорвав плотную упаковку, наскоро перебинтовал мне голову.

Прижимаясь друг к другу, просидели ещё минут пять.

— За мной! — Коротко команду и первым выползаю из ямки.

Ползти первым было сложно. И, надо было поторапливаться — мало ли, немцы в атаку надумают идти? А тут мы, прямо на их пути? Проползли ещё метров сто. Я окончательно выбился из сил — ноги и руки тряслись, мышцы, не задействованные ранее в подобных мероприятиях, неприятно ныли. Зато глаза больше ничего не заливало — кровь и пот впитывались в повязку.

Плюнув на всё, принимаю волевое решение:

— Нам до польских окопов, осталось, наверное, метров с двести! Короткими перебежками. По одному. Рывками. И петляем. Из карабинов немцы стрелять вряд ли будут, а пулемётами могут попробовать достать.

Про миномёты я умолчал. Хотя ротными, 50 миллиметровыми, которые есть у них в каждой роте, по идее, нас ещё могли достать.

— Главное, чтобы наши опознали... — Хмуρο пробубнил капрал-пехотинец. — Давайте я впереди... На мне форма польская, а то вас в ваших комбинезонах спутать с германцами можно.

— Дельное замечание. — Коротко киваю. — Вы, капрал, первым. Потом я. Замыкающий, ну, ты понял...

Последняя, совсем не уставная фраза, заставила слегка улыбнуться механика-водителя. Чёрт! Совсем забыл его имя... Как же его? Фамилию помню, а имя? Потом спросить надо!

— Все готовы? Тогда, перебежкой! Вперёд!

Ожидавший команды пехотинец, бросился вперёд несколько не пригибаясь, подняв над головой свой карабин и крича в сторону польских окопов:

— Мы поляки! Поляки! — Кричал капрал.

Поступок, как по мне, был глупым. Нет, кричал он правильно — обозначил для своих себя. Но вот бежать в полный рост, находясь между позициями двух противоборствующих сторон? Глупо.

Не желая двигаться тем же маршрутом, отпустив капрала метров на пятнадцать, бросаюсь вперёд, низко пригибаясь к земле. Пробежав метров десять, падаю вниз и перекатываюсь в сторону. Полевая сумка неудобно бьёт по голове, но последний мой манёвр спасает жизнь — с ужасом понимаю, что пулемётная очередь только что вспорола землю в том месте, где я был буквально секунду назад.

Перед тем, как вскочить на ноги, переползаю ещё на несколько метров в сторону. Вновь короткий рывок, метров на десять-пятнадцать, и, тут же, как подкошенный падаю на землю — жить то хочется.

К счастью, на этот раз пулемётчик был занят другой мишенью — во всяком случае, я не заметил, чтобы целенаправленно стреляли по мне.

Неожиданно, пришла помощь, откуда, как говорится, не ждали — один из танков перестал вести артиллерийскую дуэль с противотанковой батареей противника и решил пройти по немецким окопам. Конечно, через танковый прицел видно не очень хорошо, но, когда гитлеровцы осознали, что произошло, пулемётчики прекратили огонь, чтобы не подставляться пусть и под малокалиберные, но всё-таки артиллерийские снаряды.

Таким счастьем требовалось пользоваться. Я и воспользовался — что есть мочи, рванув в сторону окопов...

К счастью, к наспех подготовленным укрытиям, добрался без приключений. Да и в

оплывший окоп, спустился как-то обыденно, не испытав ожидаемой радости. Это, наверное, от того, что прямо мне в грудь уставились сразу две винтовки Мосина.

В общем, как говорится, радости мало.

Ещё и лица направившие в мою сторону стволы не внушали оптимизма. В первую очередь из-за того, что говорили между собой по-украински.

Нет, я к украинцам, в целом, хорошо отношусь. Ну, к тем, кто в мою сторону не тычет смертельно опасными железяками. Тут же история совсем другая. И на мою почти вежливую фразу, прозвучавшую по-польски, они не отреагировали никак, только больше напряглись:

— Винтовки опустите, олухи, а то ещё выстрелите случайно!

Видимо, на «олухов» эти двое и обиделись. Хотя должны же были понять, что я это на эмоциях. С виду же — опытные мужики, обоим «за сорок» уже. Ан нет, не поняли, обозлились и что-то проговорив на непонятном мне суржике, начали передёргивать. Затвор, если что, а не то самое, о чём могли подумать вы.

Почему начали? Да потому что, было видно, что окромя лопат, два этих мужика (солдатами их назвать язык не поворачивается) в руках ничего не держали. Во всяком случае, передёрнуть затвор они не смогли. То ли с предохранителей снять забыли, то ли руки сильно тряслись с бодуна — не важно. Главное, что с оружием они справиться не смогли. А я с их оружием справиться смог — пусть неловко, едва не отбив себе руки, но смог схватить одну винтовку под самый целик, кое-как вырвать её у одного из «солдат», после чего, орудуя Мосинкой как палкой, смог повалить на оплывшую стенку окопа второго.

Ну а дальше, несколько секунд, и, у меня в руках оказывается верный, табельный Vis. Приведённый к бою. О чём я и сообщаю, выстрелив в воздух, заставив обоих украинцев закрыть глаза и сжаться от страха.

Только после этого, обращаю внимание на петлицы этих горе-воjak — чёрного цвета, инженерные... Саперы... Должно быть, недавно мобилизованные.

— Когда мобилизовали? — Коротко спрашиваю я.

— Двадцать восьмого августа. — Сквозь зубы отвечает один из саперов.

— Когда оружие получили?

— Вчера утром...

Всё встало на свои места. Вполне может быть, что они даже и в армии толком не служили, чтобы оружие освоить. От этого и заминка.

— Ты оружие не лапай. — Коротко говорю второму, который незаметно (как ему казалось), пытался передёрнуть затвор. — Винтовочку аккуратно приложи к стенке окопа. А потом в ход сообщения. Оба.

Нехотя сапёры подчинились.

Я, продолжая держать их на прицеле, водрузил себе на левое плечо обе винтовки, после чего скомандовал:

— К ближайшему офицеру. Ведите. Оружие верну потом.

Интерлюдия. Положение дел на фронтах к обеду 5 сентября 1939-го года.

Боевые действия в полосе армии «Поморье», а также в полосе правого фланга армии «Познань».

В ходе боёв, продлившихся с третьего по пятое сентября, благодаря активным действиям отдельных частей и подразделений армии «Познань», а также отступающих подразделений армии «Поморье», через занятый ночью с первого на второе сентября 1939-го года польскими войсками стратегически важный мост, удалось вывести из намечающегося

окружения отдельные подразделения армии «Поморье».

Всего, через «горлышко», соединяющее армию «Поморье» и армию «Лодзь», удалось вывести: 15-ю и 9-ю дивизии пехоты, а также один из полков 27-й пехотной дивизии. Также отступили разрозненные подразделения Поморской Кавалерийской Бригады и Поморской Бригады Национальной Обороны.

Польские войска отступали без тяжелого вооружения, потерянного в боях, под постоянными налётами вражеской авиации, отражая танковые атаки противника.

В боях с третьего по пятое сентября, гитлеровцы потеряли до тридцати танков, часть из которых впоследствии будет восстановлена и поставлена в строй.

Боевые действия в полосе левого фланга армии «Познань» и армии «Лодзь».

К утру 5-го сентября, германское командование смогло перегруппировать часть сил для нанесения мощного удара. Искусно маневрируя подвижными соединениями, за два дня боёв, германское командование вынудило перейти к обороне наступавшие ранее части левого фланга армии «Познань» и правого фланга армии «Лодзь».

Захваченная ранее поляками инициатива, медленно, но верно стала переходить к германскому командованию, впрочем, несмотря на это, отдельные подразделения армии «Познань» продолжали наносить серьёзный урон, превосходящим по численности силам противника...

Боевые действия в полосе армии «Модлин».

Весь световой день, четвертого сентября, потерявший ранее связь со своими войсками, генерал Крукович-Пшеджимирский, пытался принять меры для восстановления порядка во вверенной ему армии. К вечеру четвертого сентября, порученцы командарма смогли организовать несколько разрозненных подразделений, которые, впрочем, не должны были представлять для немцев серьёзной угрозы.

По приказу командования Главного Штаба Войска Польского, под командования генерала Круковича-Пшеджимирского определялись различные резервные подразделения, но, было очевидно, что не имеющая должного уровня моторизации, польская пехота может не успеть занять позиции до следующей атаки...

Боевые действия в полосе армии «Краков».

Утром на четвертое сентября, неплохо показавшая себя 6-я пехотная дивизия, после короткой артподготовки перешла в контрнаступление. Не ожидавшее активных действий польской армии германское командование на несколько часов потеряла связь с 5-й танковой дивизией. В результате чего, в ходе многочасового боя, немецкие танкисты были отброшены на несколько километров назад. Пехотинцы 6-й пехотной дивизии же, смогли взять исправными полтора десятка германских танков и бронемашин.

Генерал Бернанд Монд, командир дивизии, прекрасно наблюдавший возможности танковых войск в недавних боях, в короткий срок смог сформировать танковую роту из трофейной бронетехники для дальнейшего использования её в боях.

В боях 3–4 сентября отличилась и Бронекавалерийская Бригада полковника Мачека — в нескольких засадах ими было уничтожено порядка двух десятков танков и танкеток противника. Активные оборонительные действия бригады полковника Мачека, также, как и активные действия 6-й пехотной дивизии, позволили армии «Краков» избежать намечающегося окружения...

Боевые действия в полосе армии «Карпаты».

1-2 и 3-4-го сентября основные силы армии «Карпаты» малыми силами (отдельными

взводами и ротами) вели оборонительные бои в горах.

Положение исправилось, когда в состав армии были приданы отдельные подразделения 11-й Карпатской пехотной дивизии и 24-й пехотной дивизии.

К утру пятого числа, в состав армии также была придана свежая, не бывшая до этого в боях, 36-я резервная пехотная дивизия, а также несколько батальонов национальной обороны, которые, к линии фронта уже не успевали и должны были составить вторую линию обороны, спешно создаваемую командованием армии.

Глава 23. 5 сентября 1939 года. день

По траншее я шёл низко, пригибаясь к земле — не хватало ещё какой-нибудь осколок шальной получить. Или пулю. А вот незадачливые солдаты этой предосторожностью пренебрегали, и, один раз, это пренебрежение едва не стоило одному из сапёров жизни. Правда, я так и не понял, пуля это была или осколок, но с головы у впередиидущего бойца кепка слетела просто играючи. Вот только, вместо того, чтобы спрятаться, этот «тормоз» застыл на месте в оцепенении.

Зато второй сапёр сделал всё правильно — силой стащил своего товарища вниз, чем, вероятно спас ему жизнь.

Организовалась небольшая заминка, которой второй солдат и воспользовался, приводя в чувство оцепеневшего сослуживца. Пара пощёчин, несколько глотков воды из фляги, и, «тормоз» пришёл в норму. Ну почти.

— Чего застыли? К командиру взвода меня! Быстро! — Начал выходить из себя я.

Нехотя, сапёры поднялись на ноги и продолжили идти по траншее. На этот раз, пригибаясь.

Метров через тридцать, за небольшим изгибом, мы уткнулись в большой окоп. Судя по наличию станкового пулемёта *skm wz.30* на треноге — это была позиция ротного пулемёта.

Возле оружия поддержки пехоты «скучковались» трое. Все в пехотной форме. У двоих пустые погоны, а у третьего «лычки» сержанта. Именно он и обратил на меня внимание.

— Кто такой? А вы, почему без оружия?! — Зло рявкнул он на сапёров, когда увидел, что их оружие у меня.

— Поручик Домбровский! — Коротко представился я. — Моя маневренная группа вышла на ваши позиции.

— Вы из одного из тех танков, что германец подбил? — Недоверчиво спросил сержант.

— Именно.

— Почему их оружие, — Зло покосился сержант на сапёров, — у вас?

— Пораниться могли. — Краешком губ улыбаюсь я, после чего, по одной сняв «трёхлинейки» с плеча, протягиваю их сержанту. Тот нехотя принял их из моих рук, но не вручил своим подчинённым, а просто прислонил их к стенке окопа.

По «красноречивому» взгляду унтер-офицера я понял, что совсем скоро этих двоих ждёт неплохая такая взбучка. Вот только меня это мало интересовало, мне бы сейчас с командованием связаться, да узнать о итоговых потерях моей подвижной группы.

— Сержант, мне бы к вашему командованию и узнать, как там мои.

Унтер-офицер понятиливо кивнул, после чего, повернувшись к одному из двух пехотинцев, спросил:

— Пржибыльский, сам с пулемётом справишься?

— Так точно, справлюсь, пан сержант! — Чуть приосанился молодой пехотинец.

— Отлично. Тогда ты, Плюта, — Обратился он ко второму пехотинцу, после чего ткнул в «тормоза» пальцем, — вместе с ним, вернёшься на позиции, оставленные этими двумя.

— Слушаюсь, пан сержант! — Второй пехотинец поднял прислоненную к стенке окопа винтовку и протянул её «тормозу». Тот нехотя взял в руки оружие и испуганно уставился на сержанта.

— Вы ещё здесь!?! — Начал закипать унтер-офицер. — Бегом! Позиции без приказа не

оставлять!

Я мысленно улыбнулся — если бы все солдаты и офицеры действовали по такому же принципу, то потеря германская армия уже в Польше понесла бы намного больше... Но... Все мы знаем, что далеко не всё решается усилиями «низового» звена. Как там говорилось то? Стадо баранов под предводительством льва — сильнее стада львов под предводительством баранов?

Вот этот сержант — судя по всему, лев. А в руководстве Польши, по большей части — бараны. Причём, что характерно, независимо от времени и века.

— Пан поручик, прошу за мной. А ты, — Сержант ткнул пальцем во второго сапёра, — Остаешься тут. И не дай Боже, ещё раз дашь кому-то забрать своё оружие! Понял!?

Солдат взял в руки винтовку и быстро-быстро закивал, подтверждая, что понял услышанное правильно.

По траншее мы петляли ещё минут десять. Что могу сказать? Оборону держала сборная солянка из разных частей: ополченцы, сапёры, резервные (учебные) взводы разных батальонов. Был даже неизвестно откуда взявшийся полуэскадрон улан. Получился такой, своеобразный батальон, численностью под две сотни человек. А из тяжелого оружия, как выяснилось, было лишь три станковых пулемёта, да две старых, видевших ещё Великую Войну французских 75-мм полевых орудия, к которым практически не было снарядов.

С патронами к стрелковому оружию, дело тоже обстояло весьма плачевно — на каждую винтовку имелось по двадцать пять-тридцать, на ручной пулемёт по полторы сотни, а на станковый — по три сотни патронов.

Одним словом — бардак. И немцы этот батальон не сбросили с позиций только благодаря тому, что мы вовремя вмешались, разгромив артиллерийскую батарею и потрепав передовые подразделения противника.

Ещё и наспех вырытые окопы, как оказалось, были весьма слабо оборудованы. ДЗОТов, блиндажей, «лисыих» нор, как выяснилось позже, тоже не было. Отсутствовала и телефонная связь между подразделениями. Любое управление боем осуществлялось только через посыльных.

Наблюдательный пункт командира взвода был расположен тут же, в первой (и единственной) линии траншей и представлял из себя точно такой же пулемётный окоп, в котором, разве что, имелось лишь немного удобств: несколько пустых патронных ящиков, которые использовали вместо стола.

Ну и относительно «многолюдно» было на наблюдательном пункте командира взвода. Особо это почувствовалось, когда мы с сержантом «заглянули на огонёк».

Командир сводного взвода — молодой, лет двадцати хорунжий. Худощавый, высокий, да ещё и с очками в тонкой оправе, на изогнутом как у коршуна носу. Одно слово — не красавчик. Но за свою жизнь переживает — он один из присутствующих в стальном шлеме wz.31.

Рядом с ним — сразу пятеро солдат, что называется, «возрастом постарше». У одного из них, кстати, несмотря на полевую форму, виден шнур «за отличную стрельбу». Вот только все пятеро на головах носили полевые кепи, а не шлемы, что для меня было странно.

— Пан хорунжий! — Проводивший меня сержант старательно приложил два пальца к козырьку своей полевой фуражки. — Пан поручик. С одного из подбитых танков. Вышел на позиции первого отделения.

Хорунжий, внимательно изучавший меня своими печально-серыми глазами в очках,

вытянулся словно на параде (во всяком случае, ему так казалось), вызвав при этом едва заметную ухмылку у солдат, приложил два пальца к шлему:

— Хорунжий Бялек! Можно ваши документы?

Вопрос этот молодой офицер задал правильный. Вот только голос... Голос был натурально «детским», не попробовавшим табачного дыма, не знающим срывов... В общем — не заматерел ещё хорунжий. Я даже засомневался в точности своей первоначальной оценки его возраста. Сейчас я бы не дал ему больше шестнадцати лет!

И это вызвало мою улыбку. Но я всё-таки ответил на его воинское приветствие, представился:

— Поручик Домбровский. Да, конечно!

Внимательно изучив мою офицерскую книжку, на что было потрачено несколько минут, и, задав несколько простеньких, уточняющих вопросов (вроде даты выдачи удостоверения личности и номера табельного пистолета), он тут же принял единственное верное решение и попытался сбегать меня подальше.

— Вам, пан поручик, к командиру требуется. Я дам вам провожатого до командира роты. А там уж как он решит.

Я даже мысленно похлопал хорунжему — молод, судя по голосу ему и двадцати ещё нет, но рассудителен. Как и любой нормальный человек сразу же попытался избавиться от «заезжего варяга» в моём лице. И при этом бдительность проявил — документы проверил, наскоро задал несколько уточняющих вопросов, после чего сделал всё, чтобы избавиться от «чужого» в своём подразделении.

— Делайте, как считаете нужным, пан хорунжий. — Улыбаюсь я, принимая свои документы.

Командир взвода оказался, что называется, «шустрым». Тут же выделил сразу двоих бойцов для моего сопровождения. Одним из них оказался тот самый, со шнуром «За отличную стрельбу».

Хуже всего, что нормального хода сообщения в тыл не было, поэтому передвигаться пришлось перебежками, от укрытия к укрытию. Первым укрытием оказалась какая-то наскоро вырытая ямка. От неё наш путь лежал до невысокого плетённого заборчика, а оттуда, практически не скрываясь, мы нырнули за дом и оказались скрыты от противника. В общем и целом — метров сто пятьдесят пробежали. Но выдохся я сильно...

Командир роты, кстати, свой НП устроили в развалинах разрушенного деревенского дома. И расположился он, кстати, весьма вольготно. Во всяком случае, немолодой усатый подпоручик (судя по всему, призванный из запаса), восседал на пусть и запылившемся, но всё-таки кресле и преспокойно попивал кофе из чудом сохранившейся фарфоровой чашки.

Данный офицер разительно отличался от командира взвода. При одном взгляде на него, было видно, что этому человеку совершенно безразлично всё вокруг. Для него важен только личный комфорт.

Будто бы в подтверждение моих мыслей, тут же появился боец с подносом (!!!), на котором, на разнокалиберных тарелочках была аккуратно разложена различная еда: хлеб, колбаса, сыр, несколько отваренных картофелин и даже несколько нарезанных огурцов и помидоров!

А тут же, чуть в сторонке, расположился с десятков бойцов, которые со злостью смотрели на своего командира и жевали обычные армейские сухари.

Я мысленно ухмыльнулся — вот она, разница между армиями. В Красной Армии

офицер бы поделился со своим солдатом. Ну, во всяком случае, в мемуарах советских регулярно было о том, что комсостав делился чем-нибудь со своими подчинёнными: там папиросу, тут банка консервов... Вот и выносили потом из боя раненых командиров, не бросали. А тут...

Вообще, в Войске Польском, в котором многое было создано по образцу и подобию армии Франции, всё было через одно место. Кормили плохо. Так ещё и офицеры должны были питаться отдельно от солдат. Нет, в своём батальоне, я, конечно, эту «заразу» победил. Хотя для многих было дико, как я, командир батальона, со своими подчинёнными из одного котелка супчик хлебаю... Но ничего, втянулись. Да и солдаты к офицерам стали лучше относиться...

Опять же, танковые батальоны, раскиданные по взводам и ротам для усиления полков и дивизий — несусветная глупость, которая могла прийти на ум только французам. А бараны из польского генерального штаба взяли и скопировали! Хорошо хоть, пан генерал Кутшеба, адекватный, и, поверил мне, дал действовать на своё усмотрение. Хотя... В последних боях я был с малой группой, как раз взводом действовал. В общем — с ним тоже, не всё однозначно!

Пока размышлял о взаимоотношениях между солдатами и офицерами в Войске Польском, добрался до штаба сводного батальона, расположенного, максимально глупо — в самом большом здании.

Что меня удивило — так это обилие автотранспорта. Помимо «моих» грузовиков с мотопехотой из 3-й пехотной дивизии и немногочисленных танков, спрятавшихся среди домов, в каком-то беспорядке, перед зданием местной администрации (или как оно тут правильно называется), расположилось сразу четыре легковушки черного цвета с армейскими номерами. Чуть в сторонке — пара армейских мотоциклов «Sokol» без колясок.

Пока я осматривал окружающий пейзаж, меня окрикнули:

— Пан поручик?

Повернув голову, замечаю невысокого бойца в точно таком же танковом комбинезоне как у меня. Только на голове у него, вместо шлемофона был берет. В руках он нёс два алюминиевых ведра.

— Полные? — Спрашиваю я танкиста.

— Так точно, пан поручик! — Вытянулся он, опустив на землю свою ношу. А после чего негромко произнес. — А мы думали, что вы погибли...

— Как видишь, рядовой, я жив и невредим. Подскажи, лучше, майор Врубель в штабе?

— Так точно, пан поручик!

— Отлично! — Махнул рукой я, отпуская подчинённого и отправился к зданию, занятому местным штабом.

Танкист же, подхватив ведра за ручки, быстрым шагом направился в сторону танков, и, вскоре, я услышал довольный крик:

— Панове жолнежи! Поручик! Поручик Домбровский вернулся!

Довольно ухмыльнувшись про себя, подхожу к крыльцу здания, чтобы тут же быть остановленным.

Улан, стоявший на часах у входной двери, отказался меня пропускать. На шум разборок пришёл разводящий в звании сержанта, который достаточно быстро изучил мои документы, и, чему-то улыбнувшись, пригласил проследовать за собой.

В штабе сводного батальона было малоллюдно. Если не считать десятка солдат, который

и нёс караульную службу возле штаба.

Голые стены, какие-то бумаги, шуршавшие под ногами — это всё, на что можно было обратить внимание.

Сделав всего несколько шагов, мы оказались перед дверью. Было слышно, что за ней о чём-то говорят, но разобрать было сложно.

Сержант деликатно постучал три раза, после чего открыл дверь и вошёл внутрь. Коротко доложил обо мне, после чего вышел и пригласил меня войти в кабинет.

Судя по обстановке кабинета, раньше здесь заседал какой-то местный начальник. Два небольших, но массивных стола, составленных буквой «Т», несколько простеньких стульев со спинками, несгораемый ящик с открытой дверцей в углу, и, портрет президента Польши на стене. Вот, собственно, и вся обстановка. На столе стоял старинного вида телефонный аппарат, без трубки, с какими-то двумя не то конусами, не то ... даже не знаю, как назвать... В общем, в одной хреновине — динамик, а во второй — микрофон. Причём, судя по оборванным проводам, телефон не работает.

В кабинете было немногочленно. Майора Врубеля я уже знал. Выглядел он помято, но был явно свежее меня — успел сбить пыль с формы и умыться.

А вот два других офицера...

Поручик с эмблемами сапёрных войск впечатления на меня не произвёл. Обычный мужик, лет около сорока от роду. Форма на нём сидит так, что при взгляде на него, кажется, что это не офицер перед тобой, а мешок с картошкой. И лицо — как одна большая картофелина, с ростком в виде носа. В общем — явно вчерашний гражданский, только призванный в армию.

А майор-пехотинец, который, судя по всему и был командиром сводного батальона был...

Да я даже не знаю с чем его сравнить!

Он был высок и строен как багет. Форма на нем висела, как на бревне. Хотя сам мундир был пошит из явно очень дорогой ткани... Вообще, он выглядел как француз. Ну, в смысле, был очень похож на Шарля Де Голля, но без усов. Я его видел, есть с кем сравнивать.

И первое, что сделал этот майор, брезгливо изучив мои документы и отбросив их в сторону — это наехал на меня!

— Почему, вы, поручик, в таком виде? Какой пример вы подаете своим подчинённым?! — Вскипел майор.

Я попытался принять строевую стойку, но сделать это, когда ты только что пропахал почти полкилометра по-пластунски, несколько раз побывал под обстрелом, пару раз оказался присыпан землей и даже был слегка ранен.

И что характерно, майор Врубель даже не пытается даже пару слов в мою защиту. Будто бы я не из подбитого танка посреди поля боя вылез, а с вечернего променада с прекрасной девушкой вернулся.

Короче, мне только что и оставалось — стоять и выслушивать в свой адрес разное.

— Форма грязная! Комбинезон и шлем не по уставу! Лицо и руки в каких-то разводах! Качаетесь ещё тут! Вы пьяны, поручик? И это офицер Войска Польского?

— Так точно, пан майор! Это я офицер Войска Польского, только что вышедший из боя! — Вскипел уже я. — И, никак нет! Я не пьян, пан майор! Хотя после общения с вами, обязательно бы выпил! Гитлеровцы мне столько крови не выпили, сколько это сделали вы за последние пару минут!

Конечно, грубить старшему по званию, да ещё в присутствии офицера военной контрразведки не стоило, но... Как же приятно было видеть, надувшуюся рожу этого самодовольного пингвина!

Сделав два шага вперёд, и, схватив свои документы, поворачиваюсь к майору Врубелю и задаю вопрос:

— Вы со мной, пан майор, или останетесь в компании этого... пана майора? — С максимально возможным презрением в голосе спрашиваю я, выделяя пехотинца...

Глава 24. 5 сентября 1939 года. день

Из здания, занятого местным штабом, я вышел с гордо поднятой головой. Следом за мной спешил и майор военной контрразведки Врубель. А вот местный «царь, бог и воинский начальник», опешивший вначале от столь непочтительного отношения к себе — любимому, догнал нас уже на улице, когда я прошёл полпути до ближайшего танка.

Этот идиот даже кричал что-то. Грозил различными карами — начиная от суда офицерской чести за непочтительное отношение к старшему по званию, и, заканчивая военным трибуналом за отказ выполнять приказы всё того же старшего по званию.

Последним здание штаба покинул поручик-сапёр. Шёл он медленно, изрядно прихрамывая на правую ногу — должно быть, не привык носить портянки с сапогами и натёр ногу.

Наша весёлая компания отошла от штаба уже десятка полтора метров (майор-пехотинец уже заткнулся — должно быть, все ругательства, известные данному офицеру он успел озвучить, а повторяться не пожелал), как где-то вдалеке послышался нарастающий гул.

Наученный горьким опытом (на пятый-то день войны), подсознательно понимаю, что вот-вот нас будут бомбить. Действовать начинаю также быстро, как осознаю надвигающуюся на нас опасность. Тут же ускоряю шаг, и, набрав в лёгкие воздуха, ору что есть мочи:

— Воздух! Рассредоточиться!

«Мои» бойцы тут же оставляют свою технику и рассредоточиваются на местности, стараясь найти хоть какое-то укрытие. Примерно также поступили и немногочисленные присутствующие возле штаба «наблюдатели» из местных. Даже «хромой» поручик-сапёр, несмотря на неудобство смог увеличить скорость своего передвижения в надежде добраться до какого-нибудь подходящего местечка, чтобы переждать возможный налёт.

А вот майор-пехотинец в очередной раз доказал главное — он кретин.

Вместо того, чтобы попытаться где-нибудь спрятаться, этот, с позволения сказать, «офицер», застыл прямо посреди дороги и уставился в небо, видимо, желая разглядеть самолёты противника.

С каждой секундой гул всё нарастал и нарастал, и, уже через несколько минут, немецкие лётчики, подошедшие двумя группами по девять пикировщиков, Юнкерс-87, начали свою смертоносную карусель.

Действовали немцы как на учениях — картинно пикировали на только им известные цели, сбрасывали бомбы, и, уходили в сторону, чтобы потом собрать в строй, и, по команде устремиться на штурмовку польских позиций из бортового вооружения.

К счастью, укрытие мне повезло занять неплохое — небольшую придорожную канаву, используемую местными как водоотвод. На дне, куда я улёгся, было, конечно, слегка сыровато, но всяко лучше, чем в сухом месте, но под осколками.

Майор Врубель, кстати, расположился в этой же канаве, но в нескольких метрах от меня. Куда подевался поручик-сапёр, я так и не увидел. А через несколько секунд стало не до этого...

Сколько у нас над головами «ходили» Юнкерсы-87, я не знаю. Могу лишь сказать, что было страшно. Очень страшно. И в первую очередь — от того, что у тебя ничего нет, кроме пистолета, и, поэтому ты совсем незащищен перед хищником с крестами на фюзеляже.

Пару раз меня слегка присыпало землёй — бомбы упали достаточно близко. Эта земля покрыла меня всего, попала за шиворот, и... в рот — который я открыл, в надежде на спасение своих барабанных перепонок.

С земли мне удалось подняться лишь через пару минут после того, как улетели немецкие самолёты.

В ушах неимоверно сильно звенело, очень сильно хотелось пить.

К этому моменту в себя уже пришёл майор Врубель и что-то кричал в мой адрес. Вот только я его не слышал — видел, как он стоит, машет своим пистолетом куда-то в сторону и раскрывает рот, видимо, пытаюсь что-то сказать.

Что делать, если ты не слышишь того, о чём тебе говорят? Правильно — осмотреться по сторонам.

Увиденное меня не обрадовало. От здания, которое некогда было штабом, осталась лишь одна чудом не завалившаяся стена. Перед зданием стояло несколько искорёженных автомобилей, один из которых, судя по всему, начал разгораться.

Откуда-то из-за ближайшего, так же разрушенного дома показался покрытый пылью поручик-сапёр. На его голове не было головного убора, зато в руке он сжимал пистолет, и, казалось, был готов пустить его в дело. Вот только против кого?

Кое-как отряхнувшись от земли, выхожу на дорогу, но сделав несколько шагов, падаю вниз.

Падать было неприятно, и, что хуже всего — больно. Слишком уж я неправильно выставил руки вперёд. Хорошо хоть, не сломал ничего на ровном месте.

Кое-как поднявшись на четвереньки, понимаю, что одна из моих ног упирается во что-то мягкое. Повернув голову, замечаю тело в военной форме. Присмотревшись, понимаю, что у него вместо головы какое-то непонятное месиво.

К горлу тут же подступает ком, и, в последующие несколько минут я корчусь в неестественных позах на земле, пытаюсь выпустить из горла тот самый ком, что сам стремился наружу.

Окончательно в себя я пришёл ещё через несколько минут, и то, при помощи немолодого солдата, с повязкой санитара на плече. Он промокнул мне губы, ополоснул лицо, поменял повязку на голове, после чего вернул меня в строй несколькими сильными затрещинами.

А вскоре и слух вернулся. Вот только услышанное мне не нравилось — судя по всему, на линии обороны сейчас бой!

Лежать и страдать от боли во всём теле было никак нельзя. Требовалось как можно скорее определиться с наличными силами, разобраться в обстановке.

Тут как нельзя кстати пришёлся сапёр-поручик, который, несмотря на свою хромоту оказался весьма важным источником информации. Во всяком случае, по его рисунку на земле я смог примерно прикинуть расположение батальона, а также сектора обстрела.

Недолго думая, поковылял к «своим» людям.

Следом за мной устремился поручик-сапёр и майор Врубель.

Подпоручик Хмель, вооруженный трофейным карабином, уже собрал возле себя унтер-офицеров своего взвода и даже начал ставить задачи. Прерывать я его не стал и лишь наблюдал, как две группы из пяти бойцов каждая, отправляются в разные стороны.

— Пан поручик! — Устало приложил подпоручик два пальца к своему шлему. — В связи с начавшимся боем принял решение выдвинуть две группы с пулемётами на окраину

деревни. Задачи групп: наблюдение за противником, а также установление связи с подразделениями, ведущими бой в обороне. В случае чего, отдал приказ поддержать огнём союзную пехоту.

— Молодец, подпоручик! — Коротко хвалю я офицера. — Десяток человек отправь к штабу. Пусть окажут помощь, может быть, кому-то потребуется помощь. Заодно пусть соберут оружие и боеприпасы.

— Так точно! — Подпоручик Хмель тут же позвал капрала и отдал ему приказ на оказание помощи раненым и сбор трофеев в округе.

— Одну группу, численностью до семи человек, при трофейном пулемёте необходимо выдвинуть на восточную окраину, к дороге. Что-то не даёт мне покоя то направление. Ещё и «местные» про фланги вообще не беспокоились!...

Несколько минут ушло на постановку задач. Как итог — все расползлись выполнять приказы. Со мной остался лишь майор Врубель, четыре пехотинца с карабинами и танкисты — охрана чудом уцелевших под налётом грузовиков с ранеными.

Эх, вот чуть-чуть бы прояснить обстановку — и отправить их всех в тыл подальше!

Постепенно всё вокруг стало оживать: с немецкой стороны заговорили 8-см минометы и станковые пулемёты. В ответ, с небольшим запозданием пару раз выстрелили 75-мм полевые орудия поляков.

Сидеть на месте было сложно. Поэтому, принимаю волевое решение — майора Врубеля оставляю «на хозяйстве», а сам, прихватив в качестве сопровождения одного из пехотинцев, выдвигаюсь в сторону наблюдательного пункта одной из рот.

Только мы перемахнули через невысокий заборчик, как наткнулись на тело. Молодой парень, лет семнадцати-восемнадцати, в военной форме лежал лицом вниз. В вытянутой руке сжимает карабин «Маузер-98а». В какой-то момент мне даже показалось, что он жив и я попытался перевернуть его, но тут же отшатнулся. Передо мной предстало ужасное зрелище — обезображенное вошедшим прямо в глаз осколком (судя по отсутствию выходного отверстия) лицо молодого солдата.

К горлу тут же подкатил ком, но мне в очередной раз за сегодняшний день удаётся справиться с ним и взять себя в руки.

Мозг, пришедший в себя, тут же начинает работать со скоростью современной моей душе суперкомпьютера и тут же отмечает, что мне не помешало бы оружие посерьёзнее, чем мой пистолет.

Подумано — сделано. Тем более, новенький карабин лежит тут же, рядом.

Скажу честно — разжимать пальцы умершего солдата было страшно. Но я с этим справился. Также справился и с необходимостью снять с погибшего военнослужащего ремень с подсумками, сухарной сумкой и малой пехотной лопатой. Поблагодарил я погибшего и за большую брезентовую противогазную сумку, которую тут же перекинул через плечо.

Времени на то, чтобы переодеться практически нет — на позициях, которые занимает пехотный батальон уже идёт бой, поэтому, накидываю ремень поверх всего уже надетого на меня снаряжения и проверяю «Маузер». На моё счастье, погибший солдат следил за своим оружием — во всяком случае, ржавчины и песка в стволе и магазине мной не было обнаружено, да и затвор ходил плавно, как по маслу.

Тут же провёл ревизию наличия боеприпасов к вновь приобретенному оружию.

Помимо «Маузера» и пяти уже заряженных в магазин патронов, в патронной сумке

обнаружилось двадцать пять патронов россью. Приятным сюрпризом стало наличие в противогазной сумке сразу двух осколочных гранат. Это были оборонительные WZ-33 — визуально несколько похожие на привычные мне по фильмам и играм оборонительные «феньки» Ф-1. Такая же ребристая и немного вытянутая, только насечки другие и запал — совсем не УЗРГМ. А вообще, тоже неплохая игрушка — разлет осколков до сотни метров. Конечно, на этом расстоянии траву не скосит, но неприятностей добавить может.

Помимо взрывающегося и стреляющего, мне досталось и холодное оружие — малая пехотная лопатка и штык-нож к карабину. Между прочим — тоже весьма и весьма хорошее оружие в умелых руках!

Вскоре мы оказались на НП командира роты — того самого, что совсем недавно весьма вольготно попил кофе из чудом сохранившейся фарфоровой чашки. Впрочем, чашка эта обнаружилась тут же — на потрёпанном жизнью и войной столике. Как и тарелка с разложенной на ней едой.

А вот подпоручика запаса, который должен был руководить ротой не было.

— Осмотри дом. Тут был наблюдательный пункт командира роты. С ним было полотделения пехоты. — Коротко отдаю команду пехотинцу.

Солдат совсем не по-уставному кивнул, и, видимо, осознав свою ошибку, покраснелся и споро нырнул в дверной проём.

Я же прильнул к окну и начал изучать обстановку, насколько это получалось сделать без бинокля.

А обстановка была, что называется, хреновая — это и мне, полному дилетанту в военном деле было понятно!

Немцы на рожон лезть не стали — особенно после выхода к своим моей бронегруппы через их боевые порядки — а поступили по-умному. Немецкий командир, как только получил по шапке, связался со своим начальством и вызвал парней из «Люфтваффе». Те же, в свою очередь решили отомстить обидчикам своих кригскамрадов и разбомбили всё, до чего позволил дотянуться наличный боезапас, не печалась при этом, особо, если попадания авиабомб придутся на гражданские здания. Как говорится — «à la guerre comme à la guerre».

Плюсом к действиям авиации — немцы изготвились к броску и максимально сблизилась с польскими позициями, пока польские пехотинцы в ужасе искали укрытия от авиации. Ну а дальше, когда поляки уже опомнились, вдруг оказалось, что было поздно — на одном из участков, который удерживала рота, на командном пункте которой я сейчас нахожусь, гитлеровцам удалось ворваться в траншею.

С чего я это взял? А с того, как сам видел, что трое немцев в своей серо-зелёной форме «фельдграу» перевалили через бруствер и спустились в траншею!

И ведь это не последние «гансы», которые попытаются ворваться на польские позиции!

Будто бы в подтверждение моих мыслей, над бруствером замечаю сразу двух солдат Вермахта. Тут же вскидываю карабин и даже получается поймать на мушку одного из них, но сделать выстрел уже не успеваю — далекие фигурки в чужой форме уже скрылись в траншее.

Негромко выругавшись, устраиваю карабин на подоконнике и начинаю ждать. Буквально через несколько секунд, чуть в стороне от места, где только что в траншею ворвались вражеские пехотинцы, замечаю ещё одну фигуру в такой же форме, но уже с автоматом MP-38 в руках.

Быстро прицелившись, делаю выстрел, и... промахиваюсь! Карабин чужой — черт его

знает, как это оружие пристреляно!

А вот немец глупостью заниматься не планирует — тут же ныряет в траншею, следом за своими боевыми товарищами, не желая становиться моей целью. Впрочем, и последующих двух немцев я тоже не убил — пытался приноровиться к оружию, волновался, ещё и страх появился, причём такой липкий и сильный, что...

Додумать я не успел — в стену за моей спиной впиалась короткая пулемётная очередь.

Я зло выругался:

— Идиот! Тормоз! Тупень! Долго на одном месте торчишь!

Повалившись на пол, в очередной раз передёргиваю затвор винтовки и начинаю перезаряжаться.

«Пять выстрелов сделал! И ни одного попадания!» — Пронеслась отстранённая мысль в моей голове. — «А ещё в армейском троеборье участвовал! И неплохо отстрелялся! Тьфу на тебя, пан поручик!»

Справившись, наконец, с карабином, на четвереньках переползаю в разрушенную комнату. Мой сопровождающий боец уже тут. А с ним ещё двое — оба из отделения, что «ненавистно поедало» своего начальника взглядом. У обоих винтовки — правда, на этот раз Мосинские.

— Занять позиции! Немцы рвутся в траншеи! Небольшая группа уже ворвалась на позиции! Нам нужно отсечь остальных!

Пехотинцы-резервисты, увидев офицера перед собой, слегка воспрянули духом и послушно начали занимать позиции. Вскоре открыли огонь. К сожалению, как и я — малоэффективный, судя по всему, так никого и не задев.

«Э-э, нет! Так у нас надолго патронов не хватит!» — Пробурчал я, отстреляв очередные пять патронов...

Глава 25. 5 сентября 1939 года. Вечер

Отстреляв очередную партию в пять патронов, и, забрав на тот свет, или ранив, а проще говоря — гарантированно поразив двоих немцев, я в очередной раз за сегодняшний день негромко выругался, поминая Бога, чёрта, снабженцев и Адольфа Гитлера.

Перезарядив карабин, с радостью замечаю, как рядом, в развалинах дома занимают позиции сразу несколько солдат, и, что самое важное, вооружены они были не только винтовками, но и станковым пулемётом! Несколько десятков секунд, и, подобрав позицию, Skm wz.30 на треногу, и, зарядив ленту, открыли огонь короткими очередями.

Жить резко стало намного легче.

Тут же, будто бы в подтверждение моих мыслей, ко мне подбежал ещё один солдат, удерживающий в руках ручной пулемёт browning wz.28. Устроив «ручник» на разбитом подоконнике, молодой пулемётчик с лёгкой, едва заметной улыбкой на лице начал поливать короткими очередями в сторону немецкой пехоты, которая всё накапливалась перед польской траншеей и пытались просочиться внутрь.

«С такой плотностью огня можно жить!» — обрадовался я, после чего повернулся к пулемётчику:

— Кто старший? Какое подразделение?

Из-за грохота, царившего вокруг молодой солдат услышал меня не сразу, но, как только он понял, что я от него хочу, боец махнул рукой в сторону «станкача» и закричал:

— Пан сержант за пулемётом!

А номер подразделения солдат так и не назвал. Впрочем, его ответ меня удовлетворил.

Короткими перебежками я добрался до станкового пулемёта, за первого номера которого действительно был сержант. Немолодой, в потрёпанной форме, в покрытом пылью шлеме на голове и в такой же пыльной плащ-палатке. Своим видом этот унтер-офицер просто излучал уверенность в своих действиях и заряжал ей всех вокруг.

— Пан сержант! — Кричу в его сторону я. — Поручик Домбровский! Принимайте командование этим участком!

Пулемётчик даже не взглянул на меня и лишь что-то прокричал в ответ — очередная пулемётная очередь не позволила мне прослушать, что же именно он попытался ответить. А я успокоился. Наверное, понял, что этот участок прикрыт пусть и небольшим, но кусачим подразделением с надёжным командиром.

Ещё несколько минут я потратил на поиск своего сопровождающего — с ним мы быстро вернулись к оставленным в тылу танкам и застали что-то отдаленно похожее на полевые командный и перевязочный пункт.

Майор Врубель стоял напротив чудом сохранившегося массивного обеденного стола, на котором лежала обычная армейская карта. На этом же столе стояло сразу два полевых телефонных аппарата, возле которых суеился один из бойцов.

Контрразведчик, увидев меня несказанно обрадовался и тут же начал вводить в курс дела:

— Заслоны установили. С северо-востока оборону заняли уланы. Всего тридцать две сабли при трёх ручных пулемётах и двух противотанковых ружьях. С юго-востока, сводная рота. Восемьдесят человек. Без пулемётов. Там командует поручик Соснковский, из сапёров. По фронту занимают позиции остатки двух рот. С флангами есть связь по полевым

телефонам, а с центром устойчивой связи нет. В резерве остались танки, отделение из третьей пехотной. Спешно формируются два сводных взвода. Большой некомплект по офицерам. Боеприпасов, минут на десять боя.

— Связь с командованием есть? — Уточняю на всякий случай.

— Связи нет. — Хмуро отвечает контрразведчик.

— Плохо... — Негромко проговорил я, так, чтобы слышал только Врубель.

— Не всё так однозначно. — Вдруг улыбнулся контрразведчик. — Буквально несколько минут назад я узнал, что на разгромленной германской батарее пехотинцы смогли утащить радиостанцию. К сожалению, опытных радиотелеграфистов с нами нет, но может быть что-то из этого и выйдет?

После полученной новости о наличии радиостанции, настроение стало резко подниматься — пусть это была единственная положительная новость, но она быстро распространилась среди личного состава моей подвижной группы и остатков резервного пехотного батальона (с моего попустительства), что буквально сразу же повысило боевой дух всего наличного личного состава.

Тут же выяснилось, что в самой деревушке есть связь — а я и не обратил внимания на обычные деревянные столбы линий электропередач.

Судя по всему (информации, полученной от личного состава резервного пехотного батальона и немногочисленных местных жителей), километрах в пяти к северо-востоку расположилась небольшая железнодорожная станция. Вот с ней мы и попытались связаться. И, что характерно — связались.

Я даже в трубку телефона успел сказать пару слов прежде, чем услышать немецкую речь:

— Hallo! Hallo! Polen? Wartet auf uns! Wir kommen bald zu Ihnen!*

После чего по ту сторону послышался гогот нескольких мужских глоток и связь прервалась.

Ситуация начала резко проясняться — похоже, немцы уже обошли наши позиции. А это значит, что удерживать данный населённый пункт бессмысленно!

Примерно к таким же мыслям пришёл и Врубель:

— Здесь находиться бесполезно. — Также негромко, чтобы услышал я, проговорил контрразведчик. — Нужно отходить на восток, на соединение с нашими частями.

Я был согласен с контрразведчиком, о чём тут же и заявил, подняв, правда, другой вопрос:

— Командование батальона погибло. Оставлять их всех здесь, считаю, глупостью. Поэтому, принимайте командование, пан майор!

Врубель ненадолго задумался, после чего кивнул — майорский чин для командира батальона подходил как нельзя лучше, да и в пехоте контрразведчик послужить успел, правда всего пару лет, на должности командира взвода. Вот только у меня и этого опыта не было.

Майор тут же «взял быка за рога» и начал раздавать указания — послал посыльных за командирами взводов и рот, а через полчаса, когда руководство было собрано в одном месте, коротко сообщил:

— Панове офицеры! На правах старшего по званию, принимаю командование над резервным батальоном.

Возражений не последовало. Контрразведчик продолжил:

— Сейчас, когда стало очевидно, что германские войска продвинулись дальше, я

принимаю решение о прорыве на восток. Общее направление движения — Варшава. Уверен, что по пути к столице мы встретим наши линейные части и сможем влиться в их состав.

Немногочисленные офицеры, почувствовавшие «новую метлу», которая «по-новому метёт» слегка оживились и начали достаточно бойко отвечать на поставленные вопросы о наличии личного состава, боеприпасов и продовольствия в подразделениях. Отдельным пунктом был поднят вопрос о наличии раненых и всевозможных средств их транспортировки. А ещё через полчаса, наши «доморощенные связисты», копавшиеся с трофейной радиостанцией, наконец, сообщили, что смогли связаться со штабом армии «Познань».

Эта новость обрадовала каждого бойца, сержанта и офицера нашей многочисленной сводной группы.

Текст шифровать не получилось — шифровальщика среди нас не было, поэтому передавали открытым текстом, и, вскоре, после немудрённых проверок, получили подтверждение ранее данного майором приказа — пробиваться к Варшаве.

Обозначили и время выхода на связь.

Наше «совещание» пришлось прервать — немцы затеяли беспокоящий огонь. Судя по всему, било несколько орудий калибра около ста миллиметров. Переждав обстрел, и, так и не дождавшись немецкой атаки, вернулись к насущным проблемам...

*Алло! Алло! Поляки? Ждите нас! Мы скоро приедем к вам!

Глава 26. 5 сентября 1939 года. Вечер

Я уже говорил, что контрразведчик Врубель неплохо влился в роль командира батальона? Нет? Тогда скажу! Опять же — реальный опыт командования взвода пригодился! Во всяком случае, команды из уст майора Врубеля посыпались, словно длинная пулемётная очередь из станкового *Сkm wz.30*, выпущенная опытным пулемётчиком — необратимо и кучно.

Описывать всё бессмысленно. Скажу лишь, что мне пришлось добровольно «понизиться» в должности — из командира подвижной группы (считай, сводной механизированной роты) в обычные командиры танкового взвода, причём, что характерно, усеченного состава. В наличии было всего три танка, вокруг которых столпились немногочисленные танкисты.

Стоило мне только подойти, как хорунжий Марек Станишевский — один из наших немногочисленных офицеров, вскинул руку к своему ребристому танковому шлему и коротко, но, по существу, доложил:

— Пан поручик! Вверенный мне взвод в составе девяти человек производит техническое обслуживание наличной техники. Всего на ходу три танка. В каждом по половине боекомплекта. Топлива, километров на сто по шоссе, и, около семидесяти по пересечённой местности!

Приложив руку к своему головному убору, задаю интересующий меня вопрос:

— Пан хорунжий, какой танк сможете выделить для меня?

Командир взвода замаялся, слегка поскучнел, но коротко сказал:

— Сто второго забирайте! Я в сто четвертом буду!

В очередной раз поблагодарив хорунжего, я улыбнулся. Номер то у танка оказался мне знаком аж по двум художественным произведениям — по роману Януша Пшимановского «4 танкиста и собака», и, по одноимённому телесериалу шестидесятых или семидесятых годов. Правда, что в книге, что в сериале у героев был не лёгкий танк 7ТР, а средний Т-34: в книге с 76-мм грабинской пушкой, а в сериале — более поздняя модель, с 85-мм орудием, способным пробивать броню мощных германских «Тигров» и «Пантер».

Я подошёл поближе к обозначенному хорунжим для меня танку. Обычный 7ТР, с малокалиберной, 37-мм пушкой. С задней части башни — прямоугольная ниша под радиостанцию, точно такая же, как и на всех танках моего батальона...

Положив руку на броню танка, закрываю глаза и стою так минут десять, после чего, улыбнувшись, поворачиваюсь к экипажу. Оба танкиста мне немного знакомы: Мехвод — сержант Оскар Беднарски. Заряжающий — рядовой Патрик Кравчук...

Знакомство с членами экипажа не затянулось — меня все знали, как командира батальона. Мне же предстояло узнать каждого из бойцов поближе уже в бою.

Стоило об этом только подумать, как немцы начали минометный обстрел по позициям одной из рот. Экипажи и немногочисленные пехотинцы тут же разбежались по редким укрытиям, то и дело, опасливо поглядывая по сторонам.

Через десять минут после начала миномётного обстрела, гитлеровцы открыли огонь из лёгких полевых 105-мм гаубиц, которые, видимо, были переброшены на это направление с другого участка фронта.

Радовало одно — основной удар немецкие артиллеристы обрушили на уже известные

им позиции, совсем недавно поспешно оставленные польской пехотой по приказу Врубеля. В этих окопах были оставлены лишь малочисленные наблюдатели, которые должны были лишь обозначать присутствие польских войск на позициях.

Нет, я теперь однозначно понимаю, почему немцы в первый период войны, буквально... «разматывали» всех и вся. Буквально через несколько минут после того, как раздались первые залпы германских орудий, в небе появились германские бомбардировщики в количестве девяти штук. Бомбили они с горизонтального полёта чем-то серьёзным. Во всяком случае, разрывы и воронки были огромные.

А пока мы пытались прийти в себя, вдруг выяснилось, что немецкая пехота уже на расстоянии броска до передовых траншей. Ясное дело, что немногочисленные наблюдатели, оставленные в передовых траншеях, не имели никакой возможности сколько-нибудь серьёзно замедлить вражескую пехоту...

Хуже всего, что как только улетели германские бомбовозы, немцы появились с северо-востока. С того самого направления, где ещё недавно располагался наш заслон с пулемётами. Вот только где этот заслон? Откуда по той дороге просочилось сразу с полтора десятка мотоциклов? А ведь это около полусотни человек?! Да, как минимум, при десятке ручных пулемётов?

Вообще, ситуация менялась каждую минуту, и, как мне кажется, майор Врубель, который, как мне казалось, совсем недавно успешно командовал нашим батальоном, просто... растерялся и перестал «вывозить» всю тяжесть происходящего.

В этой ситуации требовалось отдать приказ. Пусть самоубийственный, но приказ. Приказ на прорыв всеми силами в одном направлении — на северо-восток откуда появились немецкие мотоциклисты, либо на юго-восток...

Потери будут. И они будут велики. Вот только, если не отдать приказ сейчас — может быть поздно.

— Завести машины! Приготовиться к бою! Осколочные, заряжай! — Кричу я командирам танков и экипажам, сгрудившимся вокруг. — Предварительное направление движения...

На секунду задумавшись, уточняю:

— На северо-восток! Пехоту на броню! Рации, на приём!

Молодой офицер-пехотинец из третьей дивизии тут же начал раздавать указания, а я поспешил к майору Врубелю.

В нашем импровизированном штабе царила суматоха. Из офицеров был только Врубель, который требовал от молодого связиста самое важное, что может быть на войне — связь.

— Связь мне с заслоном! Откуда там появились немцы?!

Солдатик пытался что-то сказать в ответ, но Врубель лишь повторял:

— Связь! Вызывай! Откуда немцы!

Вокруг царила паника.

Совсем недавно возвращенная в строй пехота начинала разбегаться. Требовалось отдать приказ о самостоятельном прорыве. Но этот приказ так и не был получен.

Врубель как-то сразу посерел и постарел. Ещё совсем недавно — молодой красавчик, за которым девушки бегали толпой, он как-то быстро угас и постарел. Было такое ощущение, что я вижу перед собой не тридцатилетнего мужчину в самом расцвете сил, а седого старика, прожившего никчёмную жизнь и непонимающего, что же случилось, что же он сделал не так, отчего всё вокруг становится так плохо?

Пристально посмотрев в глаза майора, я мысленно выругался — в его глазах стоял страх. Нет, не так. СТРАХ.

Именно этот страх показывать было никому нельзя. Я подошёл поближе, попытался «достучаться» до контрразведчика словами:

— Пан майор?

Ответа не последовало. На меня смотрели бегающие, испуганные глазки человека, который, как я думал ранее, не был подвержен панике.

Времени на долгие разговоры не было. Нужно было спасти батальон, пока он окончательно не разбежался.

Подойдя поближе, я без замаха нанёс вначале одну, а потом и вторую пощёчину майору Врубелю.

Вначале контрразведчик отшатнулся, потом — удивился. И лишь через несколько секунд его взгляд начал проясняться, после чего последовал предметный разговор. Несколько минут — и приказы получены. Майор сворачивает командный пункт и собирает личный состав, а я бросился к своим танкам.

Бронетехника уже была готова. Пехотинцы из третьей дивизии, во главе со своим командиром, подпоручиком Хмелем, уже расположились на броне и ожидали.

Забраться на броню — дело нескольких секунд. Ещё столько же потребовалось на то, чтобы устроиться на своём, командирском месте.

Радиостанции в танках уже настроены на приём, поэтому я могу спокойно командовать: — 104-й, 105-й, занять позиции...

Назвав ориентиры, я проследил за тем, как танки медленно набирая скорость, начали лавировать среди воронок посреди узкой деревенской улицы. Спустя несколько секунд, следом двинулся и мой танк с бортовым номером «102».

По плану, наскоро состряпанным нами с майором Врубелем, в качестве первого этапа, мне требуется разгромить немецких мотоциклистов, что маячили с северо-востока как бельмо на глазу, после чего, активно действуя гусеницами и манёвром, занять небольшой перекрёсток у перелеска в трёх километрах от населённого пункта, который мы сейчас занимаем. Совместно со мной, кроме взвода из третьей пехотной дивизии должен атаковать сводный взвод из сапёров и пехотинцев-резервистов.

В очередной раз оценив обстановку, показываю большой палец подпоручику Хмелю и ныряю в башню.

— 102, 104, 105... Начали!

Взревели танковые двигатели, и, три танка с пехотой на броне двинулись вперёд, приминая ещё зелёную сентябрьскую траву. Следом за ними, постепенно отставая, бежала куца цепь пехоты, едва насчитывавшая четыре десятка человек.

Дураками немцы не были, поэтому помаячив вдаль, попрятали свои мотоциклы в небольшую низину и начали окапываться. Радовало только, что где-то за сорок минут, как они появились, окопаться нормально они так и не успели.

Вообще, ситуация складывалась странная. У нас — численный перевес на одном отдельном участке фронта по бронетехнике и личному составу, а у них — по количеству ручных пулемётов, и, следовательно, весу секундного залпа.

Немцы открыли огонь первыми — щедрыми, не экономными очередями сразу из десятка пулемётов. Нет, MG-34, конечно, хорош, но против танка, пусть и такого как 7ТР — явно слабоват. А вот пехоте на броне точно придётся несладко!

Вот только у нас были пусть и малокалиберные, но пушки!

Именно их мы и пустили в ход, не заботясь о расходе боеприпасов! Сейчас самое главное — вырваться!

Посылая снаряд за снарядом, мы заставили немцев вначале перейти на неприцельный огонь, а потом, и, вообще — затихариться. Нет, конечно, совсем гитлеровцы стрелять не перестали, но из десятка пулемётов работала лишь пара шгук попеременно, что позволяло пехотинцам укрыться за бронёй танков и сблизиться с пехотой противника.

А потом в дело пошли гранаты. С немецкой стороны летели Stielhandgranate, те самые «колотушки» на длинной ручке, хорошо знакомые любому парню на территории СНГ, а в ответ, от поляков — ребристые оборонительные wz.33, чем-то напоминающие французские F-1 и советские аналоги «феньки» Ф-1, а также наступательные wz.24...

— Внимание! Танки справа! — Услышал я в наушниках голос командира «105»-го, старшего сержанта Януша Лиса.

Начинаю осматриваться. Благодаря перископу Гундлаха достаточно быстро замечаю новую опасность.

Откуда там появились танки? Не знаю. Знаю лишь, что, если бы не Януш Лис, гореть бы нам всем сейчас в этом поле у оврага! Пара «троек» и одна «четвёрка» могли нам это обеспечить, если бы не были обнаружены одним глазастым старшим сержантом.

Немецкие танки шли цепью по полю. Было их девять машин. Основу составляли лёгкие PZ-1, которые не представляли никакой угрозы нашим 7ТР, но были весьма опасны для пехоты.

— Всем! Бьём по «большим»! — Кричу я в радиостанцию, показывая заряжающему кулак.

Рядовой Патрик Кравчук, оказавшийся в «сто втором» за заряжающего понял меня правильно и зарядил бронебойный.

Поймать в прицел германскую «четвёрку» с пушкой-огрызком в угловатой башне — дело нескольких секунд. Тем более, белый крест прямо посередине лобовой детали корпуса виден отлично. Жму на спуск. Снаряд уходит в сторону немецкого танка, лязгает затвор, в нос бьёт аромат сгоревшего пороха. Заряжающий тут же подаёт новый снаряд. Вновь жму на спуск...

Первый же мой снаряд настиг цели — вот только срикошетировал, и, создав сноп искр, улетел куда-то вверх.

Следом, не замечая ничего посылаю в сторону «четверки» один за другим четыре снаряда. Первый снаряд из новой партии уходит куда-то не туда. А вот второй — сбивает левую гусеницу, благодаря чему, не успевший затормозить танк начал поворачиваться ко мне правым бортом. В этот самый борт я и вогнал один за одним два снаряда.

«Четвёрка» вначале застыла, повернувшись боком, после чего у неё открылся верхний люк и из него выскочила фигурка в чёрном комбинезоне. Фигурка была одна. А потом, медленно, но, верно, от моторного отсека танка потянулся вверх едкий чёрный дым.

На секунду я даже обрадовался — мне удалось уничтожить достаточно серьёзного противника, лучший танк из тех, что есть в данный момент у гитлеровцев на вооружении! Вот только долго радоваться мне не позволили немцы. Во время очередного манёвра, в смотровую щель я заметил застывший на поле 7ТР с открытым башенным люком. Номер, к сожалению, рассмотреть мне не удалось.

— Бейте «больших»! — Яростно проорал я в ТПУ, продолжая крутить маховики

наведения и ногами продолжая давить на плечи механику-водителю, подсказывая, в какую сторону ему направлять боевую машину.

В прицел на долю секунды попала лёгкая «единичка», и, я, не раздумывая, с раскочки, без остановки надавил на спуск, так и не оценив, попал ли я или нет.

— Горит колбасник! — Радостно прокричал в танковое переговорное устройство заряжающий. — Горит «Тройка»!

«Видимо, второй уцелевший танк всё-таки смог уничтожить гада!» — Пронеслась в голове радостная мысль. А в следующую секунду... Послышался скрежет. Что-то больно ударило в бок... А в глазах потух свет...

В тот момент я ещё не знал, что мой танк упорно выцеливался второй немецкой «тройкой». В тот момент я не знал, что снаряд, вошедший в лобовую деталь, убил моего механика-водителя, сержанта Оскара Беднарского... В тот момент я ещё не знал, что каким-то чудом меня зацепило лишь несколькими крупными осколками в правый бок...

В тот момент я ещё не знал, что батальона уже больше нет... Не мог я знать, что в бой немцы одновременно бросили два пехотных батальона, усилили их танковой ротой и ротой бронемашин... В тот момент я много не знал. Не знал я и того, что из подбитой машины меня вытащил всё тот же рядовой Патрик Кравчук, получивший, однако очередь из танкового пулемёта. Не знал я, что заряжающий накрыл меня своим уже бездыханным телом, и, что именно это спасло меня, когда в сумерках немецкие пехотинцы осматривали поле боя...

Интерлюдия. Положение дел на фронтах к ночи с 5 на 6 сентября 1939 года.

Боевые действия оперативной группы «А» армии «Познань».

После отступления, вышедшие из чудом не успевшего захлопнуться полка, части армии «Поморье», а именно 15-я и 9-я пехотные дивизии, а также один из полков 27-й пехотной дивизии стали основой для формирования оперативной группы «А», под командованием генерала Здзислава Пршиялковского, командира 15-й дивизии. Оперативная группа «А» оперативно была подчинена штабу армии «Познань».

В спешном порядке, весь световой день оперативная группа «А» перебрасывалась на реквизированном у местного населения автомобильном и гужевом транспорте на восток — генерал Кутшеба опасался возможной атаки германских группировок во фланги армии «Познань» с последующим окружением своей армии.

Таким образом, к утру шестого сентября, когда германские части вышли к Кутно и Лодзи, их уже ждала наспех окопанная польская пехота, закалённая прошедшими боями.

Боевые действия армии «Познань».

Весь световой день 5 числа основные силы армии «Познань» вели бои с превосходящими силами противника. Серьёзные бои продолжались на левом фланге армии, где развернулось крупное танковое сражение, в котором принимали участие свыше двух сотен машин с обеих сторон. И хотя поле боя осталось за германской армией, отдельный танковый батальон армии «Познань», созданный незадолго до начала войны, показал эффективность 37-мм танковых орудий в борьбе с германскими танками.

Боевые действия армии «Лодзь».

Вечером четвертого сентября штаб немецкой 10-й армии, приняв отход армии «Лодзь» за её полное отступление к Висле, и считая её разбитой, отдал войскам приказ на «продвижение вперёд через Варту и переход в беспощадное преследование разбитого противника в направлении Варшавы».

К утру пятого сентября, армия «Лодзь» вышла на оборонительную позицию вдоль рек Варты и Видавки, но закрепиться не успела. На правом фланге Кресовская кавалерийская бригада отошла с рубежа Варты, и немцы прошли открытый фланг армии с севера. на левом фланге немецкая 1-я танковая дивизия прорвала оборону оперативной группы генерала Томме (Волынская кавалерийская бригада и 30-я пехотная дивизия) и двинулась на север, в тыл армии, на Пётркув.

В обед пятого сентября, командующий армией «Лодзь», генерал Юлиуш Руммель связался по телеграфу с маршалом Рыдз-Смиглы, попросил главнокомандующего Войска Польского поддержать армию резервом — армией «Прусы». Маршал Рыдз-Смиглы замешкался, приказа о выдвигании армии «Прусы» не отдал.

В 16:00 германские дивизии прорвали оборону польской правофланговой 10-й пехотной дивизии. В 18:15 начальник штаба дивизии передал в штаб армии «Лодзь» короткую радиogramму: «Это конец!». После, 10-я пехотная дивизия на связь уже не выходила.

В 18:30, генерал Юлиуш Руммель связался с маршалом Рыдз-Смиглы и запросил разрешение на отход армии к Варшаве.

В 19:15 такой приказ генералом уже был получен. К этому времени, армия уже отступала к столице под ударами германской армии.

Боевые действия в полосе армии «Модлин».

4 сентября генерал Крукович-Пшеджимирский решил отвести войска за Вислу, провести переформирование и принять меры к удержанию вислинского и буго-наревского рубежей. 5 сентября польские войска начали создавать новый оборонительный рубеж, однако многие части, вышедшие из боя, были настолько истощены, что не могли продолжать сражаться, а новые, немногочисленные резервы ещё только выдвигались к намеченным позициям... С севера Варшава оказалась практически беззащитна.

Боевые действия в полосе армии «Краков».

Весь световой день части армии «Краков» вели бои с превосходящими силами противника. В очередной раз особо отличились 6-я пехотная дивизия и бронекавалерийская бригада полковника Мачека.

Смелыми действиями одного из полков 6-й пехотной дивизии и сводной танковой группы удалось окружить один из германских батальонов и уничтожить его. Было взято полторы сотни пленных (в основном — ранеными). По воле случая, среди польских пехотинцев затесался военный фотокорреспондент, чьи снимки вскоре облетели весь мир.

Боевые действия в полосе армии «Карпаты».

Весь световой день пятого сентября, армия «Карпаты», как и прежде вела боевые действия малыми силами (отдельными взводами и ротами), задерживая немногочисленные подразделения противника в горах атаками из засад, позволяя приданным несколькими днями ранее в состав армии 11-й Карпатской пехотной, 24-й пехотной и 36-й резервным дивизиям создать новые оборонительные позиции...

Больше книг на сайте - Knigoed.net